

Ковалёв А.А.

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ВОЕННАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В ЭПОХУ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОБЛЕМЫ**

Монография

Санкт-Петербург

2016

ББК 66.2

УДК 32

K56

Автор:

Кандидат политических наук – **Ковалёв Андрей Андреевич**, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Рецензенты:

Доктор политических наук – **Баранов Николай Алексеевич**, профессор кафедры глобалистики и геополитики ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф.Устинова»

Доктор политических наук – **Кириллов Виктор Васильевич**, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКВБОУ ВПО «Военно-морской институт ВУНЦ ВМФ «ВМА им.Н.Г.Кузнецова»

Доктор экономических наук – **Балашов Алексей Игоревич**, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Ковалёв А.А.

Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. 2016. — СПб.: ИП Коновалов А.М., 2016. — 194 с.

ISBN 978-5-9905951-1-8

ББК 66.2

УДК 32

В монографии рассмотрена проблема противостояния цивилизаций в контексте политической реальности современности. Проанализирована концептуальная суть информационной политики, рассмотрены важнейшие теоретико-методологические аспекты проблемы военной безопасности. В исследовании выявлено теоретическое соотношение военной безопасности и информационной политики сквозь призму общественно-политической реальности. Издание предназначено для научных и практических работников, занимающихся проблемами политического управления и обеспечения национальной безопасности в военной и информационной сферах.

ISBN 978-5-9905951-1-8

© А.Ковалёв, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. Трансформация человеческой цивилизации и новое содержание информационной политики и военной безопасности	4
ГЛАВА 1. «Противостояние цивилизаций» как черта политической реальности современности.....	24
ГЛАВА 2. Информационная политика в эпоху противостояния цивилизаций.....	67
ГЛАВА 3. Военная безопасность в условиях силового противостояния цивилизаций	100
ГЛАВА 4. Информационная политика и военная безопасность в контексте эволюции общественного сознания.....	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
БИБЛИОГРАФИЯ	178

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трансформация человеческой цивилизации и новое содержание информационной политики и военной безопасности

Современная политическая реальность — необычайно сложное и противоречивое структурное образование, испытывающее постоянные лавинообразные изменения. Внутренняя и внешняя политика любой страны в переживаемую человечеством эпоху подчинена не только логике внутренних социально-экономических и социокультурных процессов, но и реалиям современного мира, который за последние двадцать лет чаще всего называют миром глоболизирующимся.

На Западе часто утверждают¹, что теория современных глобализационных процессов представляет собой такую модель человеческой цивилизации, которая должна способствовать всемерному развитию информационно-коммуникативного поля, полномасштабной и успешной реализации инновационных проектов в экономической, политической, духовной сферах общественной жизни стран и народов мира. Успешная глобализация, по мнению ее сторонников и активных пропагандистов, приведет к расширению мирового экономического пространства, более эффективному обмену не только материальными благами, но и духовными ценностями при сохранении национально-государственной и культурной идентичности. Но подобная модель является идеальной, и, как любая идеализация, намеренно допускает погрешности, которые полагаются несущественными.

Дело в том, что такого рода полагание осуществляется зачастую весьма произвольно, ибо априори не принимает в расчет существенные различия между ведущими мировыми цивилизационными системами. Даже в основе различий между Востоком и Западом лежат особенности неповторимых и

---

¹ См.: Cultures of globalization: coherence, hybridity, contestation / ed. by Kevin Archer. — London; New York: Routledge, 2008; Globalization and economy. — Los Angeles: Sage publ., 2007.

уникальных исторических условий их формирования и развития. Уникальны и самобытны духовно-ценностные представления о принципах экономико-политического и культурного взаимодействия различных цивилизаций. Все эти цивилизационные факторы порой трудно уживаются в глобализирующемся мире, что приводит к политическим, идеологическим и военным конфликтам.

В эпоху, переживаемую ныне человечеством, особенно явственными становятся тенденции отдельных стран и государственных союзов представить интеграционный процесс как движение по направлению к размыванию представлений о национально-государственной и культурной самобытности. Но эти различия реальны, ибо сформированы всей предшествующей историей человечества, и не принимать их в расчет нельзя. Политика — не физика и математика, где порой допустимы погрешности. Нечто подобное математической модели идеального газа создать в общественных науках трудно, ибо любая погрешность, вполне допустимая в социальной или же политической теории, на практике может привести к социальным катаклизмам и гибели тысяч людей.

Исторически сложившиеся цивилизационные различия становятся реальной основой для проявления негативных тенденций при воплощении в жизнь американской модели глобализации, которая якобы должна принести счастье и процветание унифицированному человечеству. Однако дорога в ад вымощена благими намерениями. Осчастливить насильственно не удавалось еще никого за долгие века человеческой истории. Ведь сегодня, по сути дела, наблюдается стремление ряда стран, и прежде всего США, при решении своих геополитических интересов игнорировать нравственно-этические и морально-правовые аспекты глобализации.

При планировании и осуществлении глобализационных процессов чаще всего игнорируется принцип устойчивого развития стран, втянутых в этот процесс. Все эти негативные тенденции сопровождаются агрессивной информационной политикой, напористость и накал которой позволяют говорить о полномасштабной информационной войне, развязанной США против своих внешнеполитических антагонистов. Причем в

развитых странах информационная политика напрямую увязывается с уровнем военной безопасности.

В современной политологии нет исследований, которые на должном уровне освещали бы **корреляцию** информационной политики и военной безопасности нашей страны в переживаемый человечеством исторический период, который может быть назван «эпохой противостояния цивилизаций». Нет комплексных исследований, которые рассматривали бы генетическую связь и взаимозависимость информационной и военной безопасности, как составных частей целостного понятия безопасности в реальных политических условиях современности.

К сожалению, в современной России властные структуры забывают и не хотят вспоминать о роли общественных наук, в том числе и политологии, да и вообще о роли теории в развитии общества. Порой создается впечатление, что корабль современной российской государственности плывет не только без философского руля и политических ветрил, но и вообще без обществоведческого компаса. А в идеале теоретические исследования политических процессов, происходящих в современную эпоху, должны служить ориентиром для практического решения возникающих проблем.

Итак, **актуальность** настоящего монографического исследования продиктована, **во-первых**, отсутствием исследований соотношения информационной политики и военной безопасности страны в современную эпоху противостояния цивилизаций. Политическая реальность меняется очень быстро и порой катастрофическим образом, но ситуация противостояния цивилизаций — качественная характеристика современной ситуации, которая, видимо, продлится не один год. Поэтому теоретическое исследование данной проблемы будет актуальным и своевременным.

Во-вторых, актуальность книги пристает из того обстоятельства, что ныне налицо фактическое состояние информационной войны «Западного мира» против нашей страны. Теоретико-методологическое исследование обоюдного влияния информационной политики и военной безопасности России поможет в решении актуальных практических вопросов, в разработке и применении соответствующих политических

технологий. На наш взгляд, именно вопросы обеспечения военной безопасности нашей страны сегодня довлеют над прочими вопросами реальной политики, ибо решение проблем военной безопасности для российского государства напрямую связано с элементарным выживанием страны, сохранением ее социокультурной самобытности и уникальной цивилизационной модели.

Исследование теоретических аспектов соотношения информационной политики и военной безопасности чрезвычайно актуально именно в современных условиях, когда против России ведется идеологическая война, а на карте мира появились «горячие точки», где обнаружилось геополитические и стратегические интересы нашей страны. Видимо, наступившее столетие будет чревато самыми разнообразными конфликтами, если вспомнить слова бывшего канцлера ФРГ Гельмута Шмидта, который сказал, что «XXI век будет самым опасным со времен рождения Христа»². Именно проводимая США политика глобализации, бездумно поддерживаемая лидерами стран Европейского Союза, не снижает, а всячески увеличивает уровень такой всеобъемлющей опасности для мира.

Информационная политика в современную эпоху часто переходит в информационную войну, которая, по мнению некоторых исследователей, является — наряду с обычной, ядерной и химической войнами — частью гибридной войны³. Спектр теоретических рассуждений и выкладок очень разнообразен. Мысли некоторых военных политологов представляются весьма спорными, поэтому мы предложим в этой работе свое видение современной войны. Отсюда вытекает **третий** аспект актуальности настоящего исследования, заключающийся в необходимости

---

² Цит. по: Дашичев В. XXI век будет самым опасным с времен рождения Христа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/spetsproekty/2013/04/01/publitsistika/707364-xxi-vek-budet-samym-opasnym-s-vremen-rozhdeniya-khrista> (дата обращения: 02.07.2016).

³ См.: *Hoffman F.G.* Hybrid warfare and challenges. JFQ: Joint Force Quarterly, 2009. P. 34–48; Материалы Научного семинара ««Гибридные войны» в мировой политике XXI века» (февраль 2015, факультет политологии МГУ) // ПОЛИТЭКС. — 2015. — Т. 11, № 2. — С. 208–237.

теоретического пересмотра подходов к понятиям «информационная политика» и «военная безопасность» в эпоху противостояния цивилизаций. Происходящие изменения диктуют необходимость их осмысления. Необходимо создать политологическую концепцию соотношения информационной политики и военной безопасности страны, которая увязывала бы в единое экзистенциальное целое существенные моменты политической реальности в ее внутри- и внешнеполитических аспектах.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению теоретико-методологических аспектов соотношения информационной политики и военной безопасности России в современную эпоху, которую мы обозначаем как противостояние цивилизаций. Любая теория — форма достоверного научного знания об определенной совокупности объектов. Теория представляет собой систему взаимосвязанных утверждений и доказательств, а также содержит методы объяснений реальности и предсказания потенциального развития данной предметной области. Теорию можно понимать как форму организации развивающегося научного знания. Недаром Новалис однажды сказал: «Теории — это сети: ловит только тот, кто их забрасывает»⁴. В любом исследовании чрезвычайно важен субъективный фактор, то есть сама личность исследователя. Метод — путь к достижению поставленной цели. Таким образом, теоретико-методологическое исследование должно служить основой и интеллектуальной базой для решения конкретных эмпирических проблем.

Теоретико-методологическое исследование в политологии призвано осветить пути изучения конкретного явления политической реальности и основные политические технологии, используемые для конструирования этой реальности. Эмпирия в политологии — непосредственно наблюдаемые и анализируемые факты политической реальности. Теория призвана объяснить эту

---

⁴ *Новалис*. Афоризмы и фрагменты в переводах Николая Болдырева // Шульц Г. *Новалис*. Пер. с нем. — Челябинск: Урал LTD, 1998. — С. 295–313.

реальность и указать на возможные пути решения имеющихся в ней проблем.

Отметим, что в научной литературе проблема информационной политики, равно как и вопросы военной безопасности, отнюдь не относятся к числу «белых пятен» на карте современной политологии, но именно быстрота происходящих в современном мире изменений определяет актуальность нового обращения к этой проблематике. Соотношение и взаимовлияние информационной политики и военной безопасности в противоречивую эпоху противостояния цивилизаций не становились ранее предметом специального научного исследования.

Тем не менее мы считаем необходимым и вполне обоснованным упомянуть здесь об основных исследованиях, затрагивавших вопросы как информационной политики, так и военной безопасности. В современной научной литературе имеется много исследований различных аспектов информационной политики. Стоит упомянуть статью Ю.А. Нисневича «Государственная информационная политика России сегодня и завтра», вышедшую в Центре законодательной и парламентской работы в 1999 году⁵. Но сегодня она представляет собой лишь исторический интерес, хотя и весьма рельефно демонстрирует эволюцию отношения отечественных ученых к самой проблеме информационной политики.

Специалистами, работающими в РАНХиГС (в то время — РАГС), еще в 2003 году был издан учебник «Информационная политика», редактором которого был В.Д. Попов. Приведем данное в этой коллективной работе определение государственной информационной политики: «особая сфера жизнедеятельности людей, связанная с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющей интересы государства и гражданского общества, и направленная на обеспечение

---

⁵ Нисневич Ю.А. Государственная политика России сегодня и завтра // Информационное общество. — 1999. — Вып. 2. — С. 4–9.

творческого, конструктивного диалога между ними и их представителями»⁶.

Очень схоже с ним понимание государственной информационной политики в коллективной работе В.Б. Вепринцева, А.В. Манойло, А.И. Петренко и Д.Б. Фролова «Операции информационно-психологической войны. Краткий энциклопедический словарь-справочник». Работа вышла в издательстве «Горячая Линия — Телеком» в 2011 году.

К рассмотрению разнообразных политических аспектов информационной политики применительно к тематике собственных диссертационных исследований обращались А.Ю. Амирханов⁷, Я.С. Артамонова⁸, К.В. Маркелов⁹, В.В. Мистюков,¹⁰ А.Н. Петрунин¹¹, М.Г. Дмитриев¹², О.А. Судоргин,¹³ Е.С.

---

⁶ Информационная политика: Учебник / Под общ. ред. В.Д. Попова. — М.: изд-во РАГС. 2003. — С. 38.

⁷ Амирханов А.Ю. Государственная информационная политика как фактор формирования духовности российского общества: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. — М., 2012.

⁸ Артамонова Я.С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. — М., 2014.

⁹ Маркелов К.В. Общественный идеал как объект информационной политики: дис. ... докт. полит. наук: 10.01.10. — М., 2006.

¹⁰ Мистюков В.В. Информационная политика современной России в контексте формирующегося гражданского общества: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — М., 2012.

¹¹ Петрунин А.Н. Институт связей с общественностью Министерства обороны России в государственной информационной политике: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2011.

¹² Дмитриев М.Г. Региональная информационная политика как фактор формирования информационного пространства: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. — М., 2004.

¹³ Судоргин О.А. Современная информационная политика государства: мировой опыт и российская практика: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. — М., 2011.

Устинович¹⁴. Разумеется, большинство этих политологических исследований носят междисциплинарный характер.

К.В. Маркелов определяет государственную информационную политику как «способность и возможность государства оказывать определяющее воздействие на информационно-коммуникативную сферу общества»¹⁵. В.В. Мистюков отмечает, что «информационная политика современной России переживает процесс становления» и формулирует следующее ее определение: «Информационная политика — это целенаправленное, системное программирование государством и общественными институтами социального прогресса с помощью информационно-цифровых технологий в целях формирования совершенного гражданского общества»¹⁶. Как видим, здесь информационная политика, по сути, приравнивается к государственной информационной политике как деятельности, способствующей сохранению и укреплению власти.

Из последних по времени опубликования работ заслуживают упоминания книги А.А. Стрельцова «Государственная информационная политика: основы теории»¹⁷, И.В. Федакина «Информационная политика современного государства: приоритеты развития и потенциал телевидения»¹⁸, Е.В. Петровой «Информационная политика современной России: региональный и территориальный уровни»¹⁹, В.Ф. Ницевича, Л.В. Мрочко и О.А. Судоргина «Информационная политика в

---

¹⁴ Устинович Е.С. Государственная политика в сфере информационных технологий: опыт Российской Федерации: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. — М., 2012.

¹⁵ Маркелов К.В. Указ. соч. — С. 7.

¹⁶ Мистюков В.В. Указ. соч. — С. 8.

¹⁷ Стрельцов А.А. Государственная информационная политика: основы теории. Под общ. ред. В.А. Садовниченко, В.П. Шерстюка. — М.: изд-во «МЦНМО», 2010.

¹⁸ Федакин И.В. Информационная политика современного государства: приоритеты развития и потенциал телевидения. — М.: Социально-политическая мысль, 2010.

¹⁹ Петрова Е.В. Информационная политика современной России: региональный и территориальный уровни: монография. — М.: Социально-политическая мысль, 2010.

современном обществе»²⁰, В.Д. Бирюкова и Э.П. Теплова «Гуманитарные аспекты информационной безопасности: понятие о системах и геополитике, духовных ценностях русского народа и информационных социокультурных угрозах России»²¹, Е.Л. Головлёвой и Р.Т. Мухаева «Информационная политика и информационное поведение: тренды, стратегии, технологии»²².

Во всех этих работах информационная политика понимается как реальная информационная политика государства, призванного учитывать, в идеале, интересы гражданского общества. В современных работах по информационной политике, вышедших за последние 5–7 лет в нашей стране, чувствуется тот накал идеологической борьбы, который заставляет вспомнить мировоззренческие баталии времен «холодной войны». Эти книги отличают страстность и публицистичность, характерные для лучших образцов отечественной гуманитарной и общественно-политической мысли. Ведь истина в гуманитарных и общественных науках всегда несет на себе отпечаток личности творца — такая выстраданная истина глубоко индивидуальна и личностна.

Вопросы военной безопасности неоднократно рассматривались с самых разных ракурсов. Вся специфика и механизм обеспечения военной безопасности как важнейшего компонента национальной безопасности в целом имеют междисциплинарный характер, поэтому данная проблема изучается представителями различных общественных и гуманитарных наук. Вспомним об исследованиях некоторых аспектов проблемы военной безопасности, выполненных за последние полтора десятилетия.

---

²⁰ Ницевич В.Ф. и др. Информационная политика в современном обществе. — М.: изд-во МГОУ, 2011.

²¹ Бирюков В.Д., Теплов Э.П. Гуманитарные аспекты информационной безопасности: понятие о системах и геополитике, духовных ценностях русского народа и информационных социокультурных угрозах России. — СПб.: Гос. ун-т морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, 2014.

²² Головлёва Е.Л., Мухаев Р.Т. Информационная политика и информационное поведение: тренды, стратегии, технологии. — М.: изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2015.

Отличается теоретической и методологической глубиной диссертационное исследование И.В. Радикова «Военная безопасность общества и государства». В этой работе дан подробнейший разбор подходов к проблеме военной безопасности, имевших место в военной политологии, социологии и социальной философии до 2000 года. Автор справедливо отмечает, что понятия «военная безопасность» и «оборонеспособность» не эквивалентны²³. Военная безопасность — более широкое понятие, включающее в себя оборонеспособность. И.В. Радиков определяет военную безопасность как «состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития посредством исключения военного насилия»²⁴.

П.И. Чижик в 2000 году затрагивал важные аспекты проблемы военной безопасности в своей докторской диссертации по социальной философии «Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства»²⁵. Он исследовал по преимуществу состояние России в безвременье ельцинской эпохи, когда надругательству и осмеянию подвергались сами понятия «совесть», «патриотизм», «героизм», «армия». Автор проанализировал содержание взаимодействия духовной безопасности общества и военной безопасности государства и сформулировал базовые принципы обеспечения духовной безопасности российского общества в интересах военной безопасности государства.

На рубеже столетий и в связи с лавинообразными изменениями, произошедшими в нашей стране, появилось много исследований, затрагивающих актуальные вопросы, связанные с безопасностью государства. В 2000 году А.И. Конуров в своей работе рассмотрел территориальные аспекты военной

---

²³ Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства (политологический анализ): дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2000. — С. 79.

²⁴ Там же. — С. 81–82.

²⁵ Чижик П.И. Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. — М., 2000.

безопасности государства²⁶, а А.Э. Арутюнян в работе «Военная безопасность государства и система ее обеспечения»²⁷ изучил систему обеспечения военной безопасности на территории Республики Армения. Автору остается только сожалеть, что СССР как великая держава прекратил свое существование, ибо уничтоженное предателями государство обеспечивало «надежную военную защиту национальных интересов всех входящих в Союз республик»²⁸.

Н.Б. Камалов в 2001 году исследовал категорию «общественное мнение» как фактор военной безопасности государства²⁹. Одним из первых автор исследовал проблему функционирования общественного мнения в сфере военной безопасности государства. В своем исследовании он использовал опыт двух чеченских войн, которые вела Российская Федерация в 90-е годы XX века.

Интересна для темы нашего исследования работа А.Т. Янакова «Духовный потенциал российской цивилизации как фактор военной безопасности государства» (2004)³⁰. Автор использует идею о России как об особом культурно-историческом типе и анализирует социальный механизм перевода духовного потенциала российской цивилизации в фактор укрепления военной безопасности государства.

Е.В. Костылев³¹ рассмотрел роль и положение России в системе военно-политической безопасности современной Европы и выявил степень влияния нашей страны на современную систему

---

²⁶ *Конуров А.И.* Территориальные аспекты военной безопасности государства: Философско-политологический анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.10. — М., 2000.

²⁷ *Арутюнян А.Э.* Военная безопасность государства и система ее обеспечения: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.10. — М., 2000.

²⁸ *Арутюнян А.Э.* Указ. соч. — С. 5.

²⁹ *Камалов Н.Б.* Общественное мнение как фактор военной безопасности государства: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. — М., 2001.

³⁰ *Янаков А.Т.* Духовный потенциал российской цивилизации как фактор военной безопасности государства: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. — Монино, 2004.

³¹ *Костылев Е.В.* Россия в системе военно-политической безопасности современной Европы: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — М., 2004.

международной безопасности. С.С. Антюшин³² довольно подробно рассмотрел военную безопасность как фактор стабильности российского общества.

Для темы нашего исследования особенно интересна работа А.И. Хабецкого «Информационные императивы военной безопасности России»³³. С момента написания этой работы прошел десяток лет, существенным образом изменилась политическая реальность на планете, но попытки автора этого исследования определить возможные перспективные пути формирования эффективной системы военной безопасности через военно-информационную политику до сих пор заслуживают внимания.

Цой Сен Хок довольно обстоятельно для уровня 2008 года рассмотрел военно-политические основы национальной безопасности нашей страны в условиях глобализации³⁴. Эта работа заслуживает внимания и по сей день, однако изменившаяся внешнеполитическая обстановка заставляет по-новому взглянуть на самую суть проблемы. Но в этой работе глобализация рассматривалась как по преимуществу объективный процесс, отвечающий логике всемирно-исторического развития. Мы же придерживаемся мнения, что глобализация — процесс, инспирированный и насаждаемый искусственно Соединенными Штатами Америки. Этому вопросу мы будем неоднократно касаться и дальше в нашем исследовании.

Ведь уже в 30-е годы XX столетия талантливый английский историк Альфред Тойнби в своем колоссальном по объему труде «Постижение истории» отмечал: «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития

---

³² Антюшин С.С. Военная безопасность как фактор стабильности российского общества: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. — М., 2005.

³³ Хабецкий А.И. Информационные императивы военной безопасности России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Саратов, 2006.

³⁴ Цой Сен Хок. Военно-политические основы национальной безопасности современной России в условиях глобализации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — М., 2008.

человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и поразительному сужению исторического-кругозора»³⁵.

Тем не менее в нашу эпоху происходит именно унификация мира по американским стандартам, и этот процесс угрожает национальной безопасности многих стран, в том числе напрямую и военной безопасности России. Н.А. Баранов пишет: «Формируемые новые геоэкономические и геополитические пространства США используют для распространения тех ценностей, которые они закладывают в основание нового мирового порядка»³⁶. Этот процесс красиво именуют глобализацией. Как отмечает профессор П.А. Горохов, «глобализация — всеохватывающий, многоаспектный процесс насильственного превращения мира в целостную и унифицированную по западным стандартам систему, совпадающий, по сути дела, с Третьей мировой войной, которая ведется развитыми странами Запада против остального мира»³⁷.

С этой точкой зрения, которой придерживаемся и мы, совпадают многие выводы диссертационной работы А.В. Нефедьева «Глобализация и ее влияние на военную безопасность современной России» (2012)³⁸. Автор этого исследования определяет и анализирует угрозы военной безопасности России, которые обусловлены именно развитием глобализации как всеохватного процесса унификации многообразного мира по примитивным стандартам «американской мечты». А.В. Нефедьев определяет основные направления обеспечения военной безопасности Российской Федерации в условиях глобализации, а также обрисовывает круг проблем, возникающих в связи с этим процессом.

Д.В. Демкин в своем исследовании (2012) рассматривает военную безопасность как фактор обеспечения национальной

---

³⁵ Тойнби А. Постигание истории. — М.: Прогресс, 1991. — С. 324.

³⁶ Баранов Н.А. Место России в трансформирующемся мировом порядке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2016. — № 2-2 (14). — С. 80.

³⁷ Горохов П.А. Глобализация: опыт философского осмысления // Вестник ОГУ. — 2007. — № 7. — С. 44–50.

³⁸ Нефедьев А.В. Глобализация и ее влияние на военную безопасность современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — М., 2012.

безопасности³⁹. Работа достаточно современна, и выводы ее в должной мере актуальны и своевременны. Исследователь рассмотрел современные источники и причины возникновения угрозы национальной безопасности России в современных условиях, которую он, как правило, отождествляет с военной безопасностью. Мы не можем согласиться с такой точкой зрения, ибо считаем военную безопасность составной частью национальной безопасности. Понятия «национальная» и «военная безопасность» соотносятся друг с другом как целое и часть. В своей работе автор также выявляет направления совершенствования военной безопасности Российской Федерации.

Темы многих исследований, посвященных проблеме военной безопасности, во многом схожи друг с другом. Но каждый исследователь стремится акцентировать внимание на тех аспектах проблемы, которые представляются важными именно ему. За последние годы вышло несколько монографических исследований различных аспектов проблемы военной безопасности. Перечислим некоторые наиболее, на наш взгляд, важные для темы нашего исследования работы.

До сих пор не потеряло своего научного и исследовательского потенциала исследование доктора исторических и юридических наук, профессора В.А. Золотарёва «Военная безопасность Государства Российского», вышедшее в 2001 году⁴⁰. Автор использует богатейший фактический материал, на основе которого анализирует проблемы военной безопасности нашей страны.

А.И. Коровянский и В.И. Лутовинов в книге «Военная безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях»⁴¹ (2007) рассмотрели сущность, содержание, особенности, структуру военной безопасности и

---

³⁹ Демкин Д.В. Военная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности России в начале XXI века: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — М., 2012.

⁴⁰ Золотарёв В.А. Военная безопасность Государства Российского. — М.: Кучково поле, 2001.

⁴¹ Коровянский А.И., Лутовинов В.И. Военная безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях. — М.: изд-во РАГС, 2007.

основные проблемы, связанные с ее обеспечением в современных условиях. В исследовании на основе анализа системы внутренних и внешних угроз Российской Федерации дана характеристика состоянию системы обеспечения военной безопасности.

Д.И. Макаренко и Е.Ю. Хрусталёв в своей книге «Концептуальное моделирование военной безопасности государства»⁴² (2008) раскрывают роль военной безопасности государства в достижении целей социально-экономического прогресса в условиях глобализации. Авторы анализируют состояние российского оборонно-промышленного комплекса и оценивают его возможности по реализации планов развития современного вооружения и военной техники. В книге также рассмотрены информационные технологии и методы концептуального моделирования различных военно-экономических объектов и развития наукоемкой промышленности, создающей продукцию военного назначения. Авторы излагают теоретические основы гипертекстовой и когнитивной технологий и описывают процедуру построения концептуальных моделей.

Нетрадиционный взгляд на проблему военной безопасности можно найти в книге Ю.Я. Киришина «Человекосберегающая система военной безопасности мирового сообщества. Взгляд в будущее»⁴³ (2010). Ю.Я. Киришин пишет о новых военных угрозах для мирового сообщества, предотвратить и отразить которые существующая система военной безопасности не в состоянии. Автор совершенно обоснованно увязывает военные угрозы с возможными природными и техногенными катастрофами.

Но в основе своей идеи, содержащиеся в книге Ю.Я. Киришина, глубоко утопичны — во всяком случае, на сегодняшний день. Автор предлагает новую систему военной безопасности мирового сообщества, в которую входят не только силовая, но и гуманитарная составляющие. Ю.Я. Киришин чрезмерно уповает на миролюбивость и человечность, причем даже тех культур, которым таковые качества чужды в принципе. Скажем, о каком

---

⁴² Макаренко Д.И., Хрусталёв Е.Ю. Концептуальное моделирование военной безопасности государства. — М.: Наука, 2008.

⁴³ Киришин Ю.Я. Человекосберегающая система военной безопасности мирового сообщества. Взгляд в будущее. — Брянск: Изд-во Клиновской городской типографии, 2010.

гуманизме можно говорить применительно к культурам новозеландцев или чернокожих обитателей Центральной Африки, кулинарным пристрастиям которых и по сию пору свойственен каннибализм?!

В своей книге Ю.Я. Киршин пытается совместить два несовместимых в современной исторической реальности понятия: национальный патриотизм и космополитизм. Патриотизм сочетается с уважением к чужим культурам, но не с космополитизмом. Здесь у автора налицо аберрация глубинного смысла понятий.

Совершенно утопичным звучит призыв автора, что патриотизм россиян должен соответствовать целям человечества. По мнению автора, защита мирового сообщества в условиях военной глобализации требует воспитания патриотов нового типа. В том, что патриотов нового типа воспитывать нужно, автор прав. Но, видимо, патриотов России нужно воспитывать не для защиты мирового сообщества, а для обороны от возможной агрессии со стороны части такого сообщества. Думается, книга Ю.Я. Киршина — типичный образец прозападного мышления, укоренившегося в России еще со времен «Философических писем» П.Я. Чаадаева и расцветшего буйным цветом во времена «перестройки» Горбачёва.

В.И. Добреньков и П.В. Агапов в книге «Война и безопасность России в XXI веке»⁴⁴ (2011) анализируют концептуальные изменения взглядов на войну, на законы, присущие современным войнам, на виды таких войн. Авторы характеризуют возможные войны будущего, существенным образом отличающиеся от традиционных стереотипов классических войн. Информационные, экономические, сетевые, бесконтактные и другие войны — серьезная угроза для развития мировой цивилизации.

По мнению авторов, главная цель современной войны заключается в системном поражении социума, то есть в сокрушении политического, экономического, демографического и духовно-культурного потенциала общества, самой цивилизации. В

---

⁴⁴ Добреньков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI веке. — М.: Академический проект, 2011.

книге анализируются мировые события XX века, той геополитической катастрофы, которую пережила Россия за последние два десятилетия. Авторы предлагают рассматривать национальную безопасность России системно и открыто, в контексте современных угроз, противоборств и войн. В книге также предлагаются стратегии национальной безопасности России в XXI веке.

Академик РАН, секретарь Совета безопасности РФ А.А. Кокошин в своей книге «Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности»⁴⁵ (2013) рассмотрел ряд политико-военных и военно-стратегических проблем национальной безопасности России, в том числе и концептуальные вопросы взаимоотношений между политикой и военной стратегией. В своей книге автор также касается долгосрочных проблем обеспечения стратегической стабильности.

Доктор философских наук Н.Н. Ефимов в своей книге «Политико-военные аспекты национальной безопасности России»⁴⁶ (2014) излагает основные положения трудов академика РАН, профессора А.А. Кокошина по проблемам национальной безопасности России. Н.Н. Ефимов подготовил свой дайджест на основе ряда трудов А.А. Кокошина: «Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991 годы», «Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России», «Реальный суверенитет в современной мирополитической системе», «Политология и социология военной стратегии». Как краткий пересказ научных трудов академика А.А. Кокошина данная книга интересна тем, что позволяет сделать вывод: на всю обозримую перспективу альтернативы политике ядерного сдерживания в стратегии национальной безопасности России нет. С этим тезисом академика Кокошина нельзя не согласиться.

---

⁴⁵ Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. — М.: Высшая школа экономики, 2013.

⁴⁶ Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России. — М.: Ленанд, 2014.

Для нашей темы интересна работа американского журналиста Шейна Харриса «Кибервойн@. Пятый театр военных действий», недавно переведенная на русский язык и изданная в издательстве «Альпина нон-фикшн» (2016)⁴⁷. В ней автор убедительно показывает, что военные США рассматривают киберпространство как некий пятый театр военных действий, если под четырьмя предыдущими понимать наземный, морской, воздушный и космический. В этой книге обстоятельно описывается история создания военно-сетевого комплекса США и выявляются современные тенденции его развития. Ш. Харрис пишет о существенном значении кибервойны в трагическом развитии событий в Ираке, о сотрудничестве государственных служб США с такими сетевыми гигантами, как Facebook и Google, направленном на сбор информации о пользователях.

Мы упомянули лишь основные исследования, относящиеся к изучению информационной политики и военной безопасности. Интерес к этим проблемам не случаен. Современный мир переживает полосу невиданных ранее природных, социальных и культурных катаклизмов. Великий Данте — как будто о нашей эпохе — написал такие строки:

*...теперь уже никто
Добра не носит даже и личину:
Зло и внутри, и сверху разлито.
Но укажи мне, где искать причину:
Внизу иль в небесах? Когда пойму,
Я и другим поведать не премину*⁴⁸.

Цель современной политической науки — не только поведать миру причину зла, но и указать пути его возможного преодоления. Современное противостояние цивилизаций является следствием всей предшествующей мировой истории, но всё же главным образом — событий последних 25 лет, прошедших после распада Советского Союза, то есть глобализационных процессов. Уже после окончания Второй мировой войны в мире вспыхнуло не

---

⁴⁷ Харрис Ш. Кибервойн@. Пятый театр военных действий. — М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

⁴⁸ Данте Алигьери. Божественная комедия. — М.: Дрофа, 2002. — С. 232.

менее 45 войн и военных конфликтов, в которых погибло около двух с половиной миллионов человек⁴⁹.

Нельзя забывать и о росте военно-политической напряженности в современном мире, который объективно обусловлен всей логикой послевоенной истории развития международных отношений, реализуя которую западные страны всячески пытались поставить нашу Родину в приниженное и неравноправное положение. В связи с этим И.В. Радиков отмечает: «Модель мирового устройства, в которой нет места России, была задумана еще в конце войны с фашизмом. Сразу же после ее завершения идея и практика всеобщего мира, не успев утвердиться, стали активно разрушаться противостоящими сторонами. К концу войны США, обладая половиной мировых богатств и положением державы, не имеющим исторических прецедентов, намеревались создать такую глобальную систему, которая максимально обеспечила бы возможность реализации их далеко идущих национальных интересов. Обрисовывая перспективы послевоенного мироустройства, большинство разрабатываемых в это время теорий и концепций внешней политики и мирового порядка исходили, как и прежде в истории, из необходимости силового регулирования межгосударственных противоречий»⁵⁰.

В современную эпоху наблюдается усиление военной активности исконных недругов России. В.В. Кириллов отмечает: «... было бы не совсем правильно считать, что военная активность всегда влечет за собой начало войны. Военную активность следует различать по ее состоянию. **Низкая степень активности**, как правило, связана с усилением военной деятельности в отдельно взятом регионе, с привлечением незначительного количества военных сил и средств, боевой техники, личного состава. **Средняя степень активности** предполагает привлечение дополнительных сил и средств, достаточных для ведения боевых действий в более широком формате. **Высокая степень активности** влечет за собой

---

⁴⁹ История войн и военных конфликтов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.warconflict.ru> (дата обращения: 12.06.2016).

⁵⁰ Радиков И.В. Трансформирование мирового порядка: от глобальной гегемонии одной страны к реальной мультиполярности // Политэкс. — 2014. — Т. 10. № 3. — С. 232.

использование вооруженных сил в рамках их максимальной возможности. Другими словами, это война»⁵¹.

Современная война может возникнуть именно вследствие неразрешенных противоречий эпохи противостояния цивилизаций. Поэтому в данной работе мы последовательно проанализируем саму проблему противостояния цивилизаций в контексте политической реальности современности, проанализируем концептуальную суть информационной политики и рассмотрим важнейшие теоретико-методологические аспекты проблемы военной безопасности. Наконец, мы выявим теоретическое соотношение военной безопасности и информационной политики сквозь призму общественно-политической реальности.

Актуальность выбранной автором темы исследования позволяет надеяться на заинтересованность, которую может вызвать данная книга. Настоящая работа носит дискуссионный характер. Все замечания и предложения, высказанные по ее поводу, будут приняты автором с благодарностью. Отзывы о книге просьба направлять по электронной почте: andrei.a.kovalev@mail.ru.

Автор выражает искреннюю благодарность доктору политических наук, профессору Санкт-Петербургского государственного университета И.В. Радикову, под руководством которого было выполнено настоящее исследование, а также директору Северо-Западного института управления — филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», действительному государственному советнику РФ 1 класса, доктору экономических наук, профессору В.А. Шамахову и декану факультета государственного и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС, действительному государственному советнику Санкт-Петербурга 1 класса, профессору А.А. Лихтину, в рамках научной школы которых по проблемам государственного управления национальной безопасностью автор в настоящее время развивает свое исследование.

---

⁵¹ *Кириллов В.В.* Военная активность: сущность, содержание и влияние на безопасность России // СОЦИС. — 2014. — № 4. — С. 75.

ГЛАВА 1

«Противостояние цивилизаций» как черта политической реальности современности

Переживаемая человечеством современность определяется исследователями по самым разнообразным основаниям и принципам. Те, кто принимает в расчет прежде всего факторы экономической реальности, именуют рубеж XX и XXI столетий постиндустриальным обществом⁵². Под этим словосочетанием подразумевают социальную форму, возникшую и определившуюся в процессе эволюции и преобразования индустриального общества. Предполагается, что такое общество соответствует характеру и уровню развития развитых стран Европы и Северной Америки в нашу эпоху.

Но современная реальность, характеризующаяся кризисными явлениями во всех сферах социального бытия, делает весьма спорным правоту такого рода концепции. Считается, что в постиндустриальном обществе эффективная инновационная промышленность всецело удовлетворяет самые разнообразные потребности потребителей и населения. Причем налицо именно качественные, инновационные изменения.

Однако мировой экономический кризис привел к росту уровня безработицы как в развивающихся, так и в развитых странах. Безработица — основа для социальной и политической нестабильности. По прогнозам Международной Организации Труда (МОТ) безработица в 2016 году может составить почти 210 миллионов человек⁵³. Прежде всего эта проблема касается молодежи. Так, по оценке той же МОТ, более 75 миллионов человек в мире ищут работу. В Европе по данным за 2015 год более 5,6 миллиона человек в возрасте до 25 лет являются безработными, в России такие показатели в процентном отношении составляют 24,8%. Подчеркнем еще раз: рост

---

⁵² См.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Академия, 1999.

⁵³ Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/01/20/bezrobotitsa-anons.html> (дата обращения: 21.06.2016).

безработицы — показатель экономической нестабильности, которая теснейшим образом связана с нестабильностью политической.

Согласно классическому пониманию постиндустриального общества⁵⁴, именно научные разработки становятся главной движущей силой экономики. Человеческий интеллект превращается в базу для индустрии знаний. Отсюда в таком обществе наиболее ценными качествами являются уровень образования, профессионализм и креативность работника. Этот лозунг был ведущим для понимания сути постиндустриального общества. И так было в Евросоюзе и США вплоть до 2008 года, когда кризис охватил все сферы общественной жизни и даже профессионалы высокого класса оказались ненужными. Тем более плачевной выглядит ситуация в современной России, где интеллектуальный труд оценивается ниже всего и профессор получает реального дохода намного меньше, нежели сотрудница массажного салона или охранник банка.

Сложившаяся ситуация привела к возникновению нового социального феномена, которому британский социолог Гай Стэндинг посвятил специальное исследование «Прекариат. Новый опасный класс»⁵⁵. В нём он определяет прекариат как социальный класс трудящихся, не востребованных в профессии, несмотря на все свои умения и навыки. Само по себе появление прекариата может служить одной из отличительных черт современной экономической системы. Это оказывает непосредственное воздействие на политику и политические технологии, разработчикам которых всё труднее становится приспособливаться к изменившейся экономической и социокультурной реальности.

Исходя из вышеизложенного, современный этап истории человечества, по нашему мнению, нецелесообразно именовать постиндустриальным обществом, ибо базовые смыслы, традиционно вкладываемые в это определение, утратили свою

---

⁵⁴ См.: Бэлл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М.: Академия, 1999; Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004; Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. — М.: Алгоритм, 2007.

⁵⁵ Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. — М.: Ad Marginem, 2014.

актуальность и действенность. Вообще, в многочисленных названиях с приставкой «пост-» (постмодернизм, постинформационное общество, постпозитивизм) разнообразные определения социальных, культурных и политических направлений даются не через указание на их предмет, методы или ценностные парадигмы, а через некое отрицание непосредственных предшественников. В отличие от диалектического или негативного отрицания, отрицание такого рода не преодолевает предшествующую форму, а лишь ограничивает ее притязания и значимость постановкой в ряд других форм. Эти определения лишь фиксируют связь нового вводимого понятия с неким аксиоматичным, старым определением, которое должно быть уже знакомым.

Сами изменения, происходящие в обществе при развертывании реальных политических процессов, априорно предполагают изменения в познании данных процессов, новой интерпретации тех или иных социальных и политических фактов. В философии политики и теоретической политологии можно условно вычленить три парадигмы, совпадающие с этапами становления политической теории: доиндустриальная традиционная, индустриальная модернистская и постиндустриальная постмодернистская. Такое членение глубоко условно, но признаётся ныне многими политологами и социологами⁵⁶. Мы полагаем, что само понятие постмодерна чрезвычайно абстрактно и аморфно. По сути дела, оно ничего не выражает, поэтому его нецелесообразно использовать для обозначения современной эпохи, а тем более для всех особенностей политических процессов и связанных с ними технологий.

На наш взгляд, постмодернизм проявляется прежде всего в отказе от рационалистических норм Просвещения, от классической логики и самого понятия рационализма. Активно и даже весьма агрессивно утверждается парадигма *anything goes*, «всё дозволено», когда на смену понятию «истина» приходит

---

⁵⁶ *Bone J.D.* The Social Map & The Problem of Order: A Re-evaluation of 'Homo Sociologicus' // *Theory & Science*. — 2005.

суждение, утверждение одно из многих, допускающих конструирование множества реальностей. С одной стороны, в гуманитарных науках истина всегда субъективна, но большинство постмодернистов призывают к полному отказу от поиска истины.

Постмодернизм в политике означает, на наш взгляд, сведение к нулю нравственной компоненты в реальной политической деятельности. Образование однополярного мира после краха мировой системы социализма — пример реализации постмодернистских идеалов в политике. Этому немало поспособствовали интеллектуалы, разнообразные «властители дум» как на Западе, так и на территории бывшего СССР. Деятельность некоторой части интеллектуальной элиты носила сугубо деструктивный характер. По этому поводу П.А. Горохов пишет: «Думается, что мировые войны во многом способствовали развитию деструктивных тенденций в сознании массового человека, а интеллектуалы, в свою очередь, старались как могли. Они заговорили о кризисе культуры, понимая его как кризис интеллектуализма в целом»⁵⁷.

Такого рода вселенский критицизм привел к всемерному укреплению и сакрализации принципа вседозволенности во многих сферах общественного сознания, в том числе и в политике. По мнению политолога С.Г. Кара-Мурзы, в реальной политической практике и в системе международных отношений этот принцип означает «освоение политиками и даже учеными уголовного мышления в его крайнем выражении «беспредела» — мышления с полным нарушением и смешением всех норм»⁵⁸.

Еще 4 декабря 2014 года Президент России В.В. Путин в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ сказал: «Надо с уважением относиться к законным интересам всех участников международного общения. Только тогда не пушки, ракеты или боевые самолеты, а именно нормы

---

⁵⁷ Горохов П.А. Указ. соч. — С. 22.

⁵⁸ Кара-Мурза С.Г. и др. Революции на экспорт. — М.: Эксмо, 2006. — С. 59.

права будут надежно защищать мир от кровопролитных конфликтов»⁵⁹.

Сегодня для каждого беспристрастного наблюдателя в мире налицо обстановка обостряющихся политических конфликтов и декларирования воинственных, чрезвычайно угрожающих заявлений. Запад развернул пропагандистскую войну против стран, не принимающих его политику, прежде всего против России. Эти страны лишь отстаивают свой суверенитет и не приемлют политику «беспредела». На наш взгляд, очень много значат предпринимаемые Россией действенные меры по обеспечению диалога, сотрудничества, неукоснительного соблюдения норм международного права. Это в полной мере продемонстрировал конфликт в Сирии.

Немецкий политолог Пауль Ноак отмечал, что политика является сферой быстрых и порой неуловимых изменений. Политика сама по себе, как род человеческой деятельности, исходит из двух базовых и очевидных предпосылок. Во-первых, нет абсолютной политической истины. Во-вторых, отсюда вытекает, что в политике должны быть альтернативы. Ноак считал, что политика не в состоянии предложить ни законченного мировоззрения, ни самостоятельного метода. Имеющая динамичный характер социальная действительность наложила отпечаток и на политику, перманентно открытую для всех новшеств и изменений. Отсюда, по Ноаку, современный интеллеktуал должен испытывать недоверие к науке, основания которой столь подвижны и изменчивы⁶⁰.

Мы не можем согласиться целиком с мнением немецкого исследователя, но доля истины в его наблюдениях и выводах есть. Политика — часть социальной реальности, изменяющаяся с наибольшей быстротой. Иными словами, теоретические исследования быстро устаревают и требуются новые, свежие

---

⁵⁹ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации от 04.12.2014 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173> (дата обращения: 23.06.2016).

⁶⁰ *Noack P. Was ist Politik? Eine Einführung in ihre Wissenschaft. Droemer-Knaur. — Stuttgart, 1973. — S. 43–45.*

подходы и трактовки политических процессов. Но сфере политического отнюдь не претит рациональное познание. Есть базовые процессы, определяющие то или иное состояние в политике, которое может длиться довольно долгое время. И именно такие процессы дают основание считать политическую науку не только исследованием сиюминутных проблем.

Мы предлагаем рассматривать политическую реальность современной эпохи как **противостояние цивилизаций**. Этот процесс обладает значительной протяженностью во времени, диалектически противоречив, неоднороден, характеризуется мультисубъектностью и довольно четко характеризует современную эпоху. Поэтому ниже мы обстоятельно рассмотрим это явление.

Но прежде, чем приступить к тщательному рассмотрению явления противостояния цивилизаций, отметим, что цивилизация — чрезвычайно многоаспектное понятие, которое многочисленные исследователи определяют по-разному. Схожая ситуация наблюдается с такими ключевыми и эклектичными терминами, как «общество», «право», «культура». И это совершенно естественно, ибо истина в гуманитарных и общественных науках всегда личностна. Например, для В.И. Плотникова цивилизация — понятие, «к настоящему времени ставшее способом ценностной самоидентификации современного человечества в его многомерном отношении к природе, социуму, культуре и духовной жизни людей»⁶¹.

А.А. Грицанов отмечает, что цивилизация — «совокупность организационных средств (программ деятельности), посредством которых люди стремятся достичь тех общественных целей, которые заданы существующими универсалиями культуры и фундаментальными символами последней»⁶².

---

⁶¹ Плотников В.И. Цивилизация // Социальная философия. Словарь. Под ред. В.И. Кемерово и Т.Х. Керимова. — М.: Академический проект, 2003. — С. 520.

⁶² Грицанов А.А. Цивилизация // Всемирная энциклопедия. Философия. XX век. — М.: АСТ, 2002. — С. 894.

В марксистской философии цивилизацию рассматривали как этап общественного развития и материальной культуры, характерной для той или иной общественно-политической формации, хотя сами Маркс и Энгельс понимали под цивилизацией ту ступень общественного развития, которая следует за варварством⁶³.

Немецкий политолог Сабина Тойбнер пишет о цивилизации как об особом типе культуры, имеющем четкие исторические границы в мировой истории. Этот тип рождается, живет и умирает, но и после своего исчезновения продолжает оказывать влияние на человеческую историю (Древний Египет, Древняя Греция, Римская республика и Империя)⁶⁴. Относительно преемственности в русской цивилизации она отмечает традиционное для русской истории отсутствие демократических традиций как у авторитарной власти, так и у подчиненного этой власти народа⁶⁵.

Политический словарь суммирует определения цивилизации таким образом: «1) синоним культуры; 2) уровень развития общества и культуры; 3) ступень развития общества, следующая за варварством (по классификации Л. Моргана)»⁶⁶.

Сам термин «цивилизация» происходит от латинского *civilis* — «гражданский, государственный». Термин впервые был употреблен французскими просветителями, которые понимали под цивилизацией общество, основанное на идеалах справедливости и разума. Во французском языке слово *la civilisation* обозначает как «культуру», так и «цивилизацию», хотя имеется и лексема *la culture*. Русский, английский и немецкий языки четко разделяют понятия «культура» и «цивилизация». Это лингвистическое различие предопределяет и разницу в совокупности научных и социокультурных подходов к постижению разнообразных смыслов, заложенных в понятии «цивилизация».

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21.

⁶⁴ Teubner S. Demokratisierungsdiskurse im modernen Russland und reale Politik. — Berlin: Köster, 2015. — S. 18.

⁶⁵ Ibid. — S. 27.

⁶⁶ Политический словарь. — М., 1993. — С. 352.

Порой «цивилизацией» именуют совокупность достижений материальной культуры, в отличие от термина «культура», которым обозначают всю полноту культуры духовной. По поводу соотношения этих понятий Андре Конт-Спонвиль пишет следующее: «Если настаивать на их разделении, представляется целесообразным оставить за культурой наиболее интеллектуальную часть цивилизации: уровень культуры тем выше, чем лучше мы знаем ту цивилизацию, частью которой являемся, и все остальные цивилизации»⁶⁷.

В России среди выдающихся исследователей цивилизации выделяется фигура Н.Я. Данилевского, который в книге «Россия и Европа» начал разрабатывать особую геополитическую концепцию, в основу которой положил критику европоцентристских воззрений. Уже в этой работе, по сути дела, была поставлена проблема противостояния цивилизаций. Именно степень развития цивилизации Данилевский положил в основу своей концепции периодизации всемирной истории. Ученый отмечал: «Естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться»⁶⁸.

Н.Я. Данилевский выделял 10 типов самобытных цивилизаций (культурно-исторических типов). Но для нас существенны те общие законы движения и развития цивилизаций, которые определил наш незаслуженно забытый соотечественник. Перечислим их: 1) народы, говорящие на одном или близких языках, образуют один культурно-исторический тип; 2) для возникновения и развития цивилизации или культурно-исторического типа требуется определенная политическая независимость; 3) «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии

---

⁶⁷ Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер. с франц. Е.В. Головиной. — М.: Этерна, 2012. — С. 678.

⁶⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — С. 87.

чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»⁶⁹; 4) успехи цивилизации зависят от разнообразия элементов культурно-исторических типов; 5) формирование цивилизаций длится долго, а период их расцвета краток⁷⁰.

Данилевский полагал, что цивилизации развиваются замкнуто и изолированно, но непременно влияют друг на друга, сотрудничают друг с другом и конфликтуют между собой. Он писал: «Вся история доказывает, что цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа другому; но из этого не следует, чтобы они оставались без всякого воздействия друг на друга, только это воздействие не есть передача...»⁷¹ Отметим, что современная реальность глобализирующегося по американским рецептам мира показывает, что Данилевский ошибался в том, что цивилизационные ценности не передаются, ибо ныне идет процесс грубого навязывания весьма невысоких по своим духовным стандартам ценностей североамериканской цивилизации всему остальному миру.

На наш взгляд, Данилевский как бы реализовал синтез славянофильской идеи извечной самобытности русско-славянского мира с гегелевской стадильностью всемирно-исторического процесса. Данилевский первым попробовал аргументировать неотвратимость политического и культурного заката романо-германского мира и переход всемирного лидерства к славянскому миру.

После Данилевского о «закате Европы» заговорит и Освальд Шпенглер в своем знаменитом одноименном труде. Шпенглер отбросил прежние объяснения всемирной истории, поставив в центр своей философии понятие культуры, раскрываемое в иррациональном духе хтонически-родовой мистики. Для Шпенглера цивилизация является определенной стадией развития любой культуры. Характерными признаками цивилизации, по Шпенглеру, являются развитие промышленности и техники, вырождение литературы и искусства, возникновение огромного количества людей в городах циклопического масштаба,

---

⁶⁹ Данилевский Н.Я. Указ. соч. — С. 91.

⁷⁰ Там же. — С. 100.

⁷¹ Там же. — С. 98.

превращение народа в обезличенные массы и толпы⁷². Отсюда европейская цивилизация выступала показателем гибели западной культуры⁷³.

Если у Гегеля окончательным вместилищем «мирового духа» выступало Германское государство, то Данилевский предсказывал аналогичное будущее России. Эти мысли обретают в современную эпоху новый социально-политический смысл. В отличие от гегелевской философии, социально-политическая концепция Данилевского отвергала исторический финализм, то есть веру в возможность достижения конца истории.

Большинство идей нашего соотечественника воспроизведены в объемных работах Арнольда Джозефа Тойнби, написанных в 1934–1961 годах и объединенных в 12-томный цикл «Постижение истории» (*A Study of History*). Дайджест этого объемного труда был издан в СССР в 1991 году⁷⁴. Именно Тойнби, предвидя противоречия между так называемыми национальными меньшинствами и большими нациями, в свое время писал: «История предусматривает, что в будущем, как и в прошлом, ущемления и преследования этих меньшинств приведут к гнусным отвратительным преступлениям. Человечество нуждается в единстве, но внутри обретенного единства должно обеспечить себе наличие многообразия»⁷⁵. Видимо, именно об этих мудрых словах предпочитают сегодня не вспоминать идеологи глобализации по-американски.

Выскажем ряд принципиальных соображений, касающихся нашего понимания цивилизации как социокультурного явления. Мы полагаем, что общества возникают, организуются и развиваются не изолированно друг от друга, а в более обширной среде политических миров и реальностей, которые и можно назвать цивилизацией. Возникновение цивилизаций связано с возникновением обществ и государственных организмов. Здесь налицо теснейшая связь. Если рассматривать русскую цивилизацию как ряд последовательно сменяющихся

---

⁷² Шпенглер О. Закат Европы. — М.: Наука, 1993. — С. 512.

⁷³ Там же. С. 465.

⁷⁴ Тойнби А. Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991.

⁷⁵ Там же. С. 589.

государственных, общественных и политических образований начиная хотя бы с Московского царства XVI столетия и вплоть до Советского Союза, то именно тогда можно увидеть закономерную преемственность в реализации идеи Русского мира, о которой подробно будет сказано ниже.

Цивилизация — явление историческое. Любая цивилизация рождается, живет, совершенствуется, изменяется и погибает, если критическая сумма негативных изменений перевешивает совокупность позитивных факторов. Цивилизация возникает и существует при определенных условиях, в число которых можно включить размеры и степень сложности государственных объединений, состояние материальной и духовной культуры, характер народов, возможности независимого существования сравнительно больших регионов длительное время и многие другие обстоятельства. Возникновение цивилизаций в прошлые эпохи не было абсолютной исторической необходимостью. Далеко не все скопления людей и государственно-политических образований могут создать, развивать и сохранить цивилизацию. Все конкретные цивилизации возникали и жили как смешения самых разнообразных черт различных форм человеческих объединений.

Видимо, на сегодняшний день условия для возникновения новых цивилизаций полностью исчезли, а эволюция западного общества приводит к образованию некоей сверхцивилизации, в орбиту которой включаются и страны, которые географически относятся к Востоку, наподобие Японии. Запад стремится к объединению человечества в единый социокультурный организм не ради каких-то высоких абстрактных идеалов, а для формирования и выживания западной цивилизации. Для выживания на достигнутом экзистенциальном уровне этой цивилизации необходима вся планета как среда существования, и она нуждается во всех ресурсах человечества.

Используя в своей работе термин «противостояние цивилизаций» для обозначения современной политической реальности, мы ни в коей мере не отрицаем, что он навеян словосочетанием «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона, который в своей теории столкновения цивилизаций утверждал

перманентность и неснимаемость геополитических конфликтов на цивилизационном уровне. Но наше понимание современной международной ситуации значительно отличается от взглядов, высказанных Хантингтоном. И до Хантингтона, и после него ведущие политологи размышляли схожими категориями, выводя перманентность международных конфликтов из самой глубинной сути западной цивилизации. К.С. Гаджиев справедливо отмечает: «Возможность идеологического или системного конфликта была заложена в самой парадигмальной инфраструктуре евро- или западноцентристской цивилизации»⁷⁶.

В чём суть концепции Хантингтона? Сэмюэль Филлип Хантингтон — американский политолог, имя которого получило широкую известность уже в 1990-е годы, когда на карте мира не было главного противника США — Советского Союза. В 1993 году ведущий американский журнал по внешней политике выпустил статью Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», ставшую одним из самых популярных политических манифестов рубежа веков.

Отметим, что в некий программный манифест эту статью превратили в основном те, кто ее не читал, ибо сам автор не утверждает в ней соответствующую идею, а лишь задается вопросом. По собственным словам Хантингтона, вопросительный знак в конце названия работы был всеми проигнорирован. Но тем не менее все последующие годы оставшегося ему земного бытия политологу пришлось защищать выдвинутую гипотезу. В 1996 году он расширяет эту статью до целой книги «Столкновение цивилизаций и преобразование Мирового Порядка», в названии которой вопросительного знака уже нет, что может свидетельствовать о кристаллизации взглядов автора в определенную системность.

Ведущая идея Хантингтона получает следующую формулировку: «в мире после “холодной войны” культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации)

---

⁷⁶ Гаджиев К.С. Политическая философия. — М.: Логос, 1999. — С. 356.

определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта»⁷⁷. Для обоснования этой основной идеи автор выдвигает пять тезисов, которые соответствуют пяти частям его книги:

1. Впервые в мировой истории модернизация отделена от вестернизации, ибо распространение либерализма западного образца не приводит ни к единству мировой цивилизации, ни к построению незападных обществ по западному образцу.

2. В современную эпоху равновесие между цивилизациями смещается — влияние Запада уменьшается, а влияние других стран, особенно азиатских, увеличивается.

3. Новый мировой порядок представляет собой вовсе не глобалистское единство, а многополярный и противоречивый мир разных цивилизаций, которые будут всё в большей степени испытывать процессы внутренней интеграции. Эти страны будут объединяться вокруг своих «стержневых стран» и яростно бороться друг против друга. По логике Хантингтона, для радикальных исламистов такой «стержневой страной» должна стать Исламская Республика Иран с ярко выраженной радикальной теократией.

4. Продолжающаяся экспансия Запада лишь усилит столкновение цивилизаций и его накал, а отнюдь не успокоит ситуацию.

5. В связи с этим Запад должен стремиться не к экспансии и утопическому и тоталитарному глобализму, а к определению собственной уникальной идентичности, к признанию своей цивилизационной особенности и способности к сопротивлению влиянию иных цивилизаций.

На наш взгляд, эти мысли были довольно тривиальны уже к моменту написания труда Хантингтона. Ничего революционного автор «Столкновения цивилизаций» не высказал, хотя ему удалось акцентировать внимание читателей на целом ряде болевых точек современной геополитики. Во многом Хантингтон продолжил мощную традицию «цивилизационного подхода», сформировавшуюся в трудах его предшественников. Но Сэмюель Хантингтон был не свободным интеллектуалом или

---

⁷⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: АСТ, 2003. — С. 427.

безответственным университетским политологом, а реально функционирующим политическим советником, к воззрениям которого власти США не просто прислушивались, а принимали его советы во внимание, как это часто бывает со всеми «статусными интеллектуалами» на Западе, прежде всего в США и Великобритании.

В этом отношении указанные державы всегда существенно отличались от Франции и Германии, а тем более от России, где политическая реальность и интеллектуальные споры по поводу этой реальности часто протекали параллельно, если не перпендикулярно. В России и Европе интеллектуалы и ученые дают советы и рекомендации, к которым власть чаще всего не прислушивается. Статусный американский интеллектуал точно знает, что от его взглядов и высказанных рекомендаций зависят реальные политические процессы. Эти советы наверняка будут восприняты властью. Поэтому неосновательные измышления на свободную тему политологи в США позволяют себе нечасто. Это бесспорное достоинство американской политической системы обладает и негативной стороной, ибо исключительно практическая ориентация американской мысли ведет к значительному сужению аудитории, которая способна ее воспринять. Вследствие этого общее философское восприятие от книг Хантингтона невозможно сравнить с трудами его немецких или русских предшественников.

Доказательная сила теории Хантингтона содержится в самих новостях, ежедневно поступающих со страниц газет или экранов телевизоров. Ни конца истории, ни всеобъемлющего либерального покоя в мире, о котором мечтал Фукуяма в работе «Конец истории»⁷⁸, ждать не приходится. Но даже Фукуяма не отрицал агрессивности, извечно присущей человеку. Он считал, что первый из способов, которым современная наука порождает изменения, — это военное соревнование. Второй способ — это прогрессивное покорение природы с целью удовлетворения желаний человека, то есть экономическое развитие. Фукуяма отмечает: «Угроза войны заставляет государства выстраивать свои социальные системы по чертежам, наиболее выгодным для создания и внедрения технологий. Современная наука дает

---

⁷⁸ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2005.

решающее военное преимущество тем обществам, которые могут разрабатывать, производить и внедрять технологии наиболее эффективно, и относительное превосходство растет вместе с ростом скорости технологических изменений»⁷⁹.

В рассуждениях Фукуямы, порой чрезвычайно абстрактных, слышны реалистические и даже оптимистические нотки: «Поскольку даже если удастся уничтожить современное оружие и накопленные знания, позволяющие его создать, нельзя уничтожить память о методе, который сделал это оружие возможным. Зависимость человека от науки после катаклизма может даже усилиться, если она окажется по природе своей экологической, то есть если лишь с помощью науки можно сделать Землю снова обитаемой»⁸⁰.

Разумеется, теория Хантингтона более реалистична и соответствует реальной политической обстановке. Ныне ни одна горячая точка в мире не утасла, ни одно экстремистское движение не сошло с политической сцены, а количество военных конфликтов лишь множится. Если и встречается «объединение», то лишь между условными «своими» и только против реальных «чужих». Ныне даже расизм, национализм и религиозный фундаментализм выводятся из разряда политических маргинальных течений и превращаются в хороший трамплин для карьеры многих государственных деятелей и дипломатов. Самые разнообразные явления политической реальности соперничают друг с другом, обладая при этом одним общим признаком: они в большей мере способствуют расчленению людей и государств, нежели их сплоченности.

Поэтому «эпоха Хантингтона» не канула в Лету после его смерти — она лишь начинается. Политолог не без основания считал, что нации-государства останутся главными субъектами будущих конфликтов, но конфликты будущей глобальной политики в XXI столетии будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими разным цивилизациям. Именно линии разлома между цивилизациями станут линиями будущих фронтов.

---

⁷⁹ Там же. С. 172.

⁸⁰ Там же. С. 231.

Следующие факторы, по Хантингтону, служат причинами для потенциального разворачивания этих конфликтов:

1) различия между цивилизациями выступают наиболее существенными и неизменными, они более фундаментальны и константны, нежели политические и идеологические расхождения;

2) происходит рост цивилизационного самосознания, углубляется понимание различий между цивилизациями и общностей в рамках цивилизации;

3) наблюдаются ослабление роли нации-государства как источника идентификации и появление религиозных фундаменталистских движений;

4) обостряется борьба незападных стран с находящимся на вершине своего могущества Западом в лице богатейшей страны западного мира — США;

5) наблюдается жесткая устойчивость культурных особенностей, и происходит еще более резкое религиозное разделение людей;

6) усиливается экономический регионализм, успех которого укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации.

Рассуждая о линиях разлома между цивилизациями, Хантингтон предсказывает места будущих конфликтов:

– культурный разлом Европы на западное христианство с одной стороны, и православие и ислам — с другой (линия разлома между западной и незападной цивилизациями);

– арабо-исламская цивилизация находится в постоянном антагонистическом взаимодействии с языческим, а сегодня по преимуществу христианским чернокожим населением Юга⁸¹;

– конфликт между православным и мусульманским населением на северных рубежах исламского региона⁸²;

– борьба между мусульманами и индусами, которая выливается в соперничество Пакистана и Индии, а также усиления религиозной войны внутри Индии (противостояние индуистских группировок и мусульманского меньшинства).

---

⁸¹ Хантингтон С. Указ. соч. — С. 5.

⁸² Там же. — С. 437.

В связи с этим Хантингтон пишет о сплочении цивилизаций, выражающемся в «синдроме братских стран», который приходит на смену политической идеологии и традиционным соображениям поддержания баланса сил в качестве основного принципа сотрудничества и коалиций⁸³.

Следовательно, в эпоху процессов глобализации закономерно происходит укрупнение противоборствующих в мире сторон. И возможные столкновения между ними в ближайшем будущем будут определяться двумя ведущими факторами: во-первых, самими цивилизационными противоречиями (источники которых определяются культурой, затрагивают язык, историю, религию, обычаи, социальные институты, субъективную самоидентификацию людей). Во-вторых, катастрофическими последствиями, возникшими вследствие укрупнения, а значит, и усиления военной мощи участвующих в конфликте государств или государственных объединений.

Теорию Хантингтона наиболее действенно развил немецкий политолог сирийского происхождения Бассам Тиби в своей книге «Война цивилизаций»⁸⁴. Он обратил особое внимание на грядущее столкновение Запада и грядущей мировой исламской теократии. В седьмой главе своей книги Тиби критикует шесть факторов, которые, по Хантингтону, служат причинами для потенциального разворачивания цивилизационных конфликтов. По своим теоретическим основаниям работа Тиби базируется на приспособленных к современной эпохе идеях О. Шпенглера и А. Тойнби.

Немецкий политолог турецкого происхождения Гази Шаглар в книге «Миф о войне цивилизаций»⁸⁵ разрабатывает идеи Хантингтона, но оценивает их в критическом ключе. Для него современная активизация политического ислама — продукт капитализма эпохи модерна. Альтернативой капитализму может

---

⁸³ Там же. — С. 40.

⁸⁴ Bassam T. *Krieg der Zivilisationen. Politik und Religion zwischen Vernunft und Fundamentalismus*. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1995.

⁸⁵ Gazi Ç. *Der Mythos vom Krieg der Zivilisationen. Der Westen gegen den Rest der Welt. Eine Replik auf Samuel P. Huntingtons „Kampf der Kulturen“*. Münster, 2002.

быть лишь социализм, так как ему внутренне не присуще варварство. Современный капитализм — худшая ступень развития человеческого общества, несущая ответственность за большинство судьбоносных проблем эпохи глобализации, в том числе и за столкновение цивилизаций⁸⁶.

Предлагая обозначать переживаемую нами современность эпохой «противостояния цивилизаций», мы считаем необходимым выделить ряд ключевых моментов. Во-первых, сам термин «противостояние» более удачен, ибо подчеркивает длительность, статику явления, его несиюминутность. Столкновение акцентирует внимание на разовом, единичном событии, которое произошло и сменилось другим в быстро изменяющейся политической реальности.

Во-вторых, как английское слово *clash*, так и соответствующая ему русская лексема «столкновение» обозначают чаще всего силовое, в том числе военное, противодействие. Недаром немцы перевели название книги Хантингтона как «Борьба культур»⁸⁷. В ситуации противостояния заложена многовекторность и плюральность развития, которая может закончиться применением военной силы, а может и не привести к такому исходу.

Трудность положения современного политолога состоит в том, что его исследования вносят, как считал А.С. Панарин, «обескураживающее знание»⁸⁸, устранившее веру в предопределенно счастливый ход исторического процесса. Подчеркнем еще раз: никакого либерального «конца истории» не будет, борьба продолжается, и борьба ожесточенная. Об этом же — и весьма жестко — пишет американский философ Ричард Рорти: «Мы полагаем, что то утопическое мировое сообщество, которое предначертано Уставом Объединенных Наций и Хельсинской Декларацией прав человека, не в большей мере является судьбой человечества, чем атомный холокост или замена

---

⁸⁶ Ibid. — S. 65.

⁸⁷ *Huntington S.Ph.* Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. Goldmann. — München, 1998.

⁸⁸ *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. — М.: Эксмо-Пресс, 2002. — С. 25.

демократических правительств враждующими между собой военными диктаторами. Если в будущем нас ожидает один из двух последних вариантов, то это будет означать, что наш биологический вид постигла неудача»⁸⁹.

История всех человеческих цивилизаций неизбежно включала войны. Война — насилие, а насилие свойственно всем без исключения политическим системам, будь то либеральная демократия или диктатура. Насилие — это норма, лежащая в основе всех современных цивилизаций. В реальной политике граница проходит не между насилием и ненасилием, а лишь между насилием узаконенным и насилием незаконным, лежащим вне конкретного правового поля. Все либеральные общества защищают свои либеральные идеи с помощью насилия. Поэтому даже либеральная демократия не противоречит насилию, и между ними имеется теснейшая связь.

Необходимость войны лежит в самой природе человека, которому свойственны агрессивность, неуживчивость, зависть к соседям, которые живут лучше, чем он. К.С. Гаджиев хорошо пишет об этом: «По-видимому, в самой человеческой природе коренится потребность иметь врага — злобного и беспощадного, и в силу этого подлежащего уничтожению. Оппозиционность, неуживчивость, конфликтность, враждебность представляют собой такие же естественные формы проявления отношений между людьми, как и взаимная симпатия, солидарность, коллективизм. Инстинкт самосохранения и инстинкт борьбы составляют две стороны одной и той же медали. Поэтому со значительной долей уверенности можно сказать, что одним из основополагающих побудительных мотивов человеческой агрессии является образ действительного и воображаемого врага, именем которого люди оправдывают свои действия»⁹⁰.

Недаром еще Иммануил Кант в качестве одной из ведущих движущих сил истории и одновременно причиной законосообразного порядка у человечества полагал антагонизм между людьми, их «необщительное общение», склонность

---

⁸⁹ Рорти Р. Философия и будущее / Пер. с англ. Т.Н. Благовой // Вопросы философии. — 1994. — № 6. — С. 33.

⁹⁰ Гаджиев К.С. Указ. соч. — С. 456.

вступать в общество, одновременно оказывая этому обществу сопротивление, которое угрожает распадом. Здесь сама враждебность становится движущей силой прогресса.

Кант пишет: «Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это **антагонизм** их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь недоброжелательную общительность людей, т. е. их склонность вступать в общение, связанную, однако, со всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением»⁹¹.

В условиях цивилизации открытая агрессия как на личном, так и на общественном уровне в значительной мере сублимируется. Свойственная от природы агрессивность как бы отходит в тень. Ключевое значение приобретает рациональный выбор врага и целенаправленный расчет. На наш взгляд, и сегодня можно согласиться с Клаузевицем, когда он писал, что война «представляет собой странную троицу, составленную из насилия (как первоначального своего элемента), ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется простому рассудку»⁹².

Разумеется, концепция противостояния цивилизаций в наши дни может послужить определенной заменой марксистской теории классовой борьбы именно вследствие того, что как на индивидуальном, так и на социальном уровне человек привык иметь противника, врага, с которым нужно бороться и которого нужно побеждать. Собственно, это обстоятельство ничуть не противоречит мировым религиям. Недаром К. Шмитт в работе «Понятие политического»⁹³ отмечает, что часто цитируемая евангельская максима «любите врагов ваших» имеет в виду, скорее всего, противника, соперника на частном, чисто бытовом

---

⁹¹ Кант И. Сочинения. Т. 6. — С. 5.

⁹² Клаузевиц К. О войне. Т. 1. — М., 1937. — С. 57.

⁹³ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. — 1992. — № 1. — С. 40.

уровне. Враг — «борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности»⁹⁴.

Понятие «враг» пронизано прежде всего политическим, публичным началом. Оно теснейшим образом связано с понятиями «война» и «борьба», понимаемыми как столкновение противоборствующих сил, организованных политически. О вере радикального ислама в необходимость «священной войны» против неверных и говорить не приходится. Поэтому необходимость иметь врага, который принадлежит к другому классу, цивилизации, религии, жизненно важна как для человека, так и для конкретного социума, организованного политически.

Экзистенциальные противоречия между цивилизациями привели к их противостоянию, которое может в нашу эпоху обернуться большой и, видимо, последней войной в человеческой истории. Противостояние цивилизаций уже носит форму своеобразной эволюционной войны. Это — война нового типа, то есть не просто война за передел мира, за территориальные приобретения, за экономическое господство. Будущая война, которая ныне уже идет в форме «теплой войны», то есть противостояния цивилизаций, неизбежно будет носить характер **войны эволюционной**. Это будет война за путь грядущей социальной и политической эволюции человечества.

Мощь новых инициаторов организации истории человечества и имеющиеся в их распоряжении средства настолько велики, что их намерения подчинить себе сам эволюционный процесс выглядят вполне реалистично. Собственно, само противостояние цивилизаций — следствие намерений новых вершителей судеб человечества. Осуществимы ли намерения США как ведущего актора Запада сегодня или нет — это другой вопрос. Но именно такое противостояние определяет характер уже идущей мировой войны нового типа.

Четверть века назад пал Советский Союз, который отнюдь не случайно был главным противником Запада. В отношении социальной эволюции СССР опередил западный мир, видимо, более чем на полвека. Поэтому для Запада проблема разгрома

---

⁹⁴ Там же. — С. 41.

Советского Союза любыми средствами была не просто проблемой ослабления экономического, политического, военного и идеологического противника. Для западной цивилизации борьба с нашей великой Родиной, с исторической Россией, воплощенной в великом Советском Союзе, стала проблемой уничтожения эволюционного соперника, угрожавшего устроить мировой порядок по своему образу и подобию. Более того, СССР имел для реализации реальные возможности этой цели. Тридцать лет назад большая часть политической карты мира была окрашена в красный цвет, что уже само по себе говорит об успехе той цивилизации, которую многие политологи именуют советской⁹⁵.

Именно Советский Союз, основываясь на синтезе идеологии пролетарского интернационализма и традиционной русской мессианской идеи, открыл линию социальной эволюции, качественно отличной от той, которую выбрал Запад. Лишь спустя два десятка лет после исчезновения СССР Россия как правопреемник СССР стала обнаруживать притязания на продолжение той исторической роли, которую некогда играл Советский Союз.

Николай фон Крейтор, выходец из семьи белоэмигрантов, политолог и юрист, считал, что основная цель внешней политики России в будущем — «восстановление Советского Союза в границах, подтвержденных международным правом, а именно — в границах 1945 года»⁹⁶. Крейтор был не просто университетским ученым-теоретиком, а активно действующим политиком, уже с 1976 года являвшимся председателем шведского комитета по соблюдению Хельсинских соглашений, директором Центра по исследованию проблем беженцев в Нью-Йорке.

Реальная внутренняя и внешняя политика любой страны строится с учетом глубинных цивилизационных различий, которые сложились в мире на сегодняшний день. В последнее время цивилизационное пространство, вступившее в противостояние с западной и иными цивилизациями современного

---

⁹⁵ *Капа-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. — М.: Алгоритм, 2008.

⁹⁶ *Kreitor N.K., Prussakov V.* Russia Against the New World Order. — New York, 1994. — P. 65.

мира, всё чаще именуют понятием «Русский мир»⁹⁷. Само сочетание стало довольно популярным в последние годы, поэтому далее мы не будем рассматривать его как неологизм и писать, соответственно, без кавычек. Видимо, одним из первых в русской культуре о «Русском мире» заговорил великий русский драматург А.Н. Островский⁹⁸.

Доктрина «Русского мира» является чисто политической, хотя и обосновывается средствами историософии. Цель — восстановление былого величия русской цивилизации. Согласно этой доктрине, Русский мир является единым цивилизационным пространством на территории исторической Руси, то есть бывшего Советского Союза, оказывая духовное воздействие на соотечественников по всему миру. Это пространство покоится на трех столпах: православии, русской культуре и русском языке — иными словами, на общей исторической памяти. Даже Збигнев Бжезинский был вынужден признать в интервью газете «Сегодня»: «Советский Союз был исторической Россией, называемой Советским Союзом»⁹⁹.

Стимул для современного оживления дискуссий о «Русском мире» дал Президент В.В. Путин еще в конце 2006 года. Выступая на встрече с творческой интеллигенцией в Доме Державина в Санкт-Петербурге в канун Года русского языка, Президент в качестве важнейших составляющих «Русского мира» выделил «русское слово» и «русскую культуру». В.В. Путин тогда отметил: «"Русский мир" может и должен объединить всех, кому дороги русское слово и русская культура, где бы они ни жили — в

---

⁹⁷ См.: Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. — М., 2009; Пивовар Е.И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Материалы международной конференции «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». — СПб.: изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2010.

⁹⁸ См.: Христианская цивилизация: система основных ценностей. Мировой опыт и российская ситуация. — М.: Научный эксперимент, 2007.

⁹⁹ «Сегодня»: издание группы «Мост». — 1994. — № 7.

России или за ее пределами. Почаще употребляйте это словосочетание — «Русский мир»¹⁰⁰. Это пожелание Президента было выполнено обществоведами и политологами — и дискуссии о «Русском мире» как о некоей общности приняли оживленный характер.

Реальным физическим центром для такой цивилизационной и духовной общности, выходящей за пределы одной страны, становится современная Россия. К идее «Русского мира» как плацдарма для противостояния цивилизаций шли на протяжении двух десятков лет после гибели Советского Союза как исторической России. После трагических событий 1991 года явственно зримыми стали черты кризиса цивилизационного сознания российского народа, оказавшегося правопреемником СССР и всего культурно-исторического наследия, выработанного за века российской истории.

Разнообразные негативные тенденции привели к совершенно неадекватной в сфере национальной политики концепции «асимметричного федерализма», где области и республики как субъекты РФ имеют разные полномочия и конституционные различия. Это стало источником самых разнообразных проблем и отнюдь не способствовало развитию и укреплению традиционного патриотизма. В целом за модель российского государственного устройства при Президенте Ельцине была принята западноевропейская концепция «национального государства» по примеру ФРГ, Франции, Испании, восточноевропейских государств.

Но гигантская Россия имеет совершенно иной исторический опыт, нежели небольшие по российским меркам европейские страны. Тем более исторический опыт государственного правотворчества Московского государства, Российской империи, РФ в составе СССР был отличен от национального законодательства Европы. Формирование русской идентичности исторически шло не на узконациональной основе, как это имело место в Европе.

Русская идентичность складывалась как идентичность цивилизационная. Фундаментом этой идентичности выступала

---

¹⁰⁰ РФ сегодня. — 2007. — № 4.

религия. Религиозная идентичность (православие) была оплотом цивилизационной идентичности. Как пишет К.С. Гаджиев, «наполняя сокровенные глубины человека, вера возвышает его над самим собой, движет им. Он не может жить без веры, руководствуясь, подобно животному, одними только инстинктами и материальными потребностями»¹⁰¹.

Патриотическое ощущение себя подданным империи было основой гражданского национализма. Не случайно именно к патриотизму как к ведущей национальной идее России обращались в самые сложные годы ее истории. 7 ноября 1941 года, когда немецкие войска были на подступах к Москве, И.В. Сталин напомнил в своей речи о славных именах русских полководцев и патриотов. Сделал это недавно и В.В. Путин, провозгласив в феврале 2016 года именно патриотизм в качестве национальной идеи страны.

Святое чувство принадлежности к русской культуре составляло основу культурного национализма. Великая русская культура дала непреходящий по значению и силе стимул для развития национальных культур. Влияние этого стимула особенно ощущалось в советское время, когда проведенная в 20–30-е годы XX века культурная революция сделала русскую культуру личностным и ценностным каркасом каждого советского гражданина. Это понимали и идеологические противники «Русского мира». Недаром немецкий политолог, антрополог и философ Макс Шелер в работе «Гений войны и германская война»¹⁰² утверждал, что Россия представляет собой самостоятельный культурный круг (Kulturkreis), отличающийся от Европы коренным образом. Проникновение русской культуры на Запад означало бы конец творческого начала европейского духа.

Осознание себя частью народа России создавало базис этнического национализма. Многие малые народности могли гарантированно продолжить свое социокультурное бытие лишь под эгидой великого русского государства, гарантировавшего им

---

¹⁰¹ Гаджиев К.С. Указ. соч. — С. 346.

¹⁰² Scheler M. Der Genius des Kriegs und der Deutsche Krieg. — Leipzig: Verlag der weißen Bücher, 1915. — S. 342.

своей военной мощью защиту от внешних врагов и возможной социальной аннигиляции. Как искренне писал Расул Гамзатов:

*Россией были спасены аварцы,
Пословицу сложили наши старцы,
И подтвердить ее весь мир готов:
«России люди — правильные люди»¹⁰³.*

Таким образом, формировалась цивилизационная идентичность, состоящая из нескольких компонентов, — многоукладная идентичность. Именно она позволяла развиваться в Российской империи многовековой российской культуре, не подавляя национальные культуры, а включая их через русскую культуру и язык в состав мировой культуры. Поэтому лучшими пейзажистами России были русский Саврасов и еврей Левитан.

После установления Советской власти на смену цивилизационной идентичности, базирующейся на православии, приходит идентичность формационная, идеологической основой которой служат идеалы коммунизма и пролетарского интернационализма. Место вероисповедания заняла идеология, которая в СССР приняла форму российских версий марксизма в форме ленинизма и сталинизма.

Политика интернационализма заменила в СССР сакральное ядро национальной идентичности бездумным секуляризмом, что фактически привело к этнократическому сепаратизму национальных республик, которые в конце концов осуществили свое конституционное право на выход из СССР в 1991 году. Как известно, 21 января 2016 года В.В. Путин сказал о роли Ленина и созданной им идеологии в российской истории таким образом: «...в конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, — она и рванула потом»¹⁰⁴.

Политика мультикультурализма, которую проводили в России либерально ориентированные политики в 90-е годы XX века после распада СССР, базировалась на отказе от

---

¹⁰³ Гамзатов Р.Г. Стихи и поэмы. — М.: Известия, 1974. — С. 456.

¹⁰⁴ Интернет-портал Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/2897423> (дата обращения: 21.01.2016).

государственной общенациональной идеологии, на первенстве культурного разнообразия над культурной однородностью, на примате плюрализма национальных субкультур и массовой культуры западного образца над общенациональной и высокой культурой. От пагубных последствий этой политики наша страна не избавилась и по сей день.

Противостояние цивилизаций диктует необходимость кардинальных перемен во всех сферах общественно-политического сознания. Видимо, в современной политической ситуации назрела необходимость в цивилизационном осмыслении конституционного поля Российской Федерации вследствие возникновения в последние годы новых геополитических тенденций геополитики. Назрела необходимость законодательных изменений, которые призваны отразить реальную геополитическую ситуацию современной эпохи. Ныне налицо активное евразийское экономическое и правовое сотрудничество России с сопредельными странами — как входившими ранее в великий СССР, так и бывшими за его пределами, но в сфере советских геополитических интересов.

Например, Казахстан столкнулся за годы глобального кризиса с теми же проблемами, что и Российская Федерация. Пока стоимость барреля нефти росла, Президент Назарбаев мог строить посреди степей столицу с дворцами и фонтанами. Сегодня будущее страны, бюджет которой на 80% зависит от экспорта нефти, себестоимость которой еще выше, чем в РФ, весьма и весьма проблематично. Поэтому рейтинг Назарбаева, бывший на уровне 90%, видимо, упадет на ту же величину, что и нефть — на 75%. Ведь в сырьевых экономиках к нефти привязан не только курс национальной валюты, но и рейтинг демократически избранного пожизненного лидера. Поэтому для Казахстана выход один: объединяться в единое евразийское цивилизационное пространство с РФ, вновь стать частью «Русского мира».

Глобализация, проводимая по стандартам США, направлена на внутреннее информационно-сетевое ограничение государственных и национальных суверенитетов. Поэтому лишь действенное внешнеполитическое противодействие

глобализационным тенденциям может изменить ситуацию в пользу подпавших в зависимость от США стран.

Мы полагаем, что в мире на сегодняшний день вследствие воздействия глобализационных процессов сложились следующие **типы цивилизации**: 1) западная сверхцивилизация под эгидой США, которая включила в орбиту своего влияния не только традиционные страны западной цивилизации Европы и Северной Америки, но и многие страны географического Востока; 2) азиатская некоммунистическая цивилизация в лице Китайской Народной Республики, которая за предельно короткий исторический срок продемонстрировала и реализовала выдающиеся социальные потенции. КНР сумела синтезировать лучшие достижения социализма с элементами плановой экономики, оставив под контролем социалистического государства важнейшие отрасли народного хозяйства. Видимо, Северная Корея обречена либо пойти по пути реформ китайского типа, либо сдаться на милость Запада, как это произошло с Южной Кореей. Страшен будет маловероятный, но всё же возможный сценарий ядерного конфликта Северной Кореи с западным миром, в результате которого Россия окажется в точке приложения сил противоборствующих сторон; 3) Евразийское цивилизационное пространство под влиянием РФ, или «Русский мир», идеологи которого стремятся к восстановлению исторической России хотя бы в границах Советского Союза.

Многие государства трудно отнести к какой-либо определенной цивилизационной общности. Политико-географический ярлык «страны третьего мира» уже давно перестал соответствовать социокультурным реалиям современности. Например, обладающая ядерным оружием Индия может оцениваться как потенциальная сверхдержава, к которой трудно применить привычные западные стандарты. К тому же Индия играет значительную роль в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, которая имеет значительные шансы противостоять Западу.

Страны Южной Америки или будут неизбежно включаться в орбиту западной цивилизации, или создадут некое подобие собственного цивилизационного конгломерата. Прецедент этому

уже есть: в 2004 году по модели Евросоюза образован Союз южноамериканских наций (УНАСУР), в рамках которого работает консультативный Южноамериканский совет обороны. Планируется также создание общего парламента и образование единого экономического пространства между странами-участницами. Подобные процессы — еще один вызов одномерной и бездумной американизации.

За ельцинские годы идеологии неолиберализма и постколониальности превратили Россию в периферию западной цивилизации с сервисной и сырьевой экономикой. В настоящую эпоху, в эпоху противостояния цивилизаций, либеральный этап развития Российской Федерации должен уступить место цивилизационному евразийскому проекту в условиях конкуренции с неолиберальным европейским проектом глобализации под эгидой США. На наш взгляд, именно евразийский ответ Российской Федерации на однополярную систему глобализации мирового сообщества, выразившийся в создании и дальнейшей деятельности ЕАС, является тем асимметричным ответом России, который превратится в важный стимул цивилизационного развития России и укрепления ее международного значения. Недаром еще в 1992 году, незадолго до смерти, Л.Н. Гумилёв сказал: «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»¹⁰⁵.

Россия в составе Евразии будет означать реализацию цивилизационного проекта, который можно обозначить как нелиберальный, консервативный интернационализм. Именно к этому подталкивает нас вся история российской государственности. Профессор Н.А. Баранов пишет об этом: «Российское государство явилось продуктом уникальной евроазиатской цивилизации, что наложило отпечаток на весь ход его исторического развития и продолжает действовать до сих пор. Консервативный тренд, начавшийся в российском политическом дискурсе в начале 2000-х годов, продолжает свое победоносное шествие благодаря сопутствующим факторам — как иницилируемым властью, так и существующим объективно:

---

¹⁰⁵ Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предисл. С.Б. Лаврова. — М.: Экспрос, 1993. — С. 31.

пышное празднование 400-летия дома Романовых; работа над единым учебником истории; конструктивное сотрудничество с Русской православной церковью; успешное проведение зимних Олимпийских игр в Сочи и других крупных международных состязаний; противостояние политике западных стран, связанной с распространением радикальных свобод; всплеск патриотических настроений в связи с событиями на Украине. В данный контекст органично вписывается патриотизм, консолидирующий базу государственной политики»¹⁰⁶.

Видимо, не случайно в 2013 году Центром научной политической мысли и идеологии был подготовлен Проект Конституции РФ под редакцией С.С. Сулакшина¹⁰⁷, который учитывал основные идеи и тенденции, сложившиеся в русле цивилизационной парадигмы «Русского мира». В частности, в Проекте Конституции предлагается евразийская внешняя политика РФ, независимая от США и их западных союзников. В Проекте интересна Глава 40, которая называется «Внешняя политика России». В ней предлагается, что Россия проводит внешнюю политику, «исходя из своей цивилизационной роли в мире и своих государственных интересов» (п. 1. ст. 212). Здесь четко говорится именно о сложившемся цивилизационном противостоянии.

Отмечая достоинства этого Проекта, мы **отнюдь не утверждаем безусловную необходимость принятия именно этого документа и рассматриваем его исключительно с теоретической позиции**. Но уже одно его появление свидетельствует о **возникновении и активизации евразийских тенденций в современной российской политике**. Не случайно многие крупные города России, в числе которых Казань, Уфа, Оренбург, с согласия федерального центра объявляют себя «сердцем», «столицей», «мозгом» Евразии.

Цивилизационными ориентирами во внешней политике являются, согласно Проекту, содействие «диалогу и сближению

---

¹⁰⁶ Баранов Н.А. Ценностные императивы евразийского вектора России // Новые горизонты глобального мира. Сборник научных трудов. — СПб., 2015. — С. 111–112.

¹⁰⁷ Конституция России (проект) / под общ. ред. С.С. Сулакшина. — М.: Научный эксперт, 2013.

всех цивилизаций и культур мира» (п. 1 ст. 213), развитие и укрепление «дружбы, сотрудничества и интеграции с государствами, народами, конфессиями, исторически связанными с русской (российской) цивилизацией» (п. 2 ст. 213). Тем самым Проект, с одной стороны, говорит о добрососедских отношениях, а с другой, предлагает решить животрепещущую задачу по собиранию в одно живое геополитическое целое всех бывших граждан СССР — не только русских людей, но и других народов, представленных на территории Российской Федерации и вне ее пределов. Это диктуют интересы возрождения исторической, то есть великой России.

Конституция является основным законом любого государства. По Гегелю, «конституция государства устанавливает в качестве внутреннего государственного права отношение специальных властей как к правительству — их высшему объединению, — так и друг к другу, а также отношение к ним граждан; иначе говоря, участие в них граждан»¹⁰⁸.

Мир кардинальным образом изменился за прошедшие два десятка лет со времени принятия Конституции 1993 года. Тем более ряд ключевых посылок не соответствует современной политической и социокультурной реальности. Например, в Конституции РФ 1993 года преамбула заканчивается словами: «Мы, многонациональный народ РФ... сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию». Юридически тем самым признается включенность РФ в систему глобализирующегося мирового сообщества как часть западной цивилизации. Сегодня эта ситуация ни в коей мере не соответствует действительности. Поэтому в новом проекте Конституции закрепляется цивилизационное своеобразие России, обосновываются ее цивилизационные ответы на вызовы глобализации. В Проекте делается попытка осветить место России в процессах глобализации как равноправного партнера западной и восточных цивилизаций. Эти тезисы также исходят из наличного противостояния цивилизаций.

---

¹⁰⁸ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. — С. 53–54.

Особо следует отметить, что статья третья Проекта «Историческое государственное преемство» видит Россию «продолжателем государственности России во всех ее формах, всех наименований, имевшихся в истории русской (российской) цивилизации». Тем самым прекращаются возможные нападки на великое советское прошлое и подчеркивается преемственность государственной власти в России.

Проект Конституции также накладывает ответственность на государственные органы по сохранению народного историко-культурного и цивилизационного своеобразия. Этим демонстрируется коренное отличие от сетевой, менеджерской модели государства, которая лишь оказывает услуги ценностно обезличенному населению. В статье 14 Проекта четко указывается, что «государство выступает гарантом русской (российской) цивилизационной идентичности; оно ответственно за поддержание и защиту русской (российской) цивилизационной идентичности» (п. 2 ст. 14). Цивилизационная идентичность, согласно Проекту, «поддерживается государством в сфере языка, вероисповеданий, традиций, культуры, образования и воспитания, образа жизни, экономических, социальных и политических отношений, устройства государства, государственной власти и управления».

Мы взяли примеры из этого конкретного Проекта не потому, что считаем, что именно он непременно должен быть принят в современной России. Подчеркнем еще раз, что наши мысли носят чисто теоретический характер, а проведение в жизнь реальных изменений является делом политиков-практиков. Но то, что необходимость перемен очевидна и что этот проект верно уловил основные идеологические императивы современной эпохи, мы осознаём и безусловно уверены в этом.

Отметим, что совершенно необходимой представляется защита культурных ценностей России как основы цивилизационной идентичности. В этом направлении начата большая работа по выстраиванию системы защиты традиционных ценностей. Она уже включает документы стратегического значения: «Основы государственной культурной политики» (утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808), «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации

(утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683). Система защиты традиционных ценностей и культурного суверенитета включает ряд иных нормативно-правовых и организационных мер, перечень которых утверждается Правительством РФ.

Современная эпоха противостояния цивилизаций отличается от времен «холодной войны», хотя и имеет с ней много общих генетических черт. Как и во времена 50-летней давности, «Западный мир» испытывает неприязнь, страх и ненависть к России как таковой, вне зависимости от ее политического режима и государственного строя. Это — ключевой, на наш взгляд, фактор в оценке причин как «холодной войны», так и противостояния цивилизаций.

Но опасное отличие современной конфронтации от противостояния советских времен заключается в том, что силы радикально неравны. Более слабым соперником ныне является Россия. Наша Родина вынуждена, чтобы компенсировать сложившееся неравенство, демонстрировать склонность к риску. Об этом свидетельствуют действия российской авиации над Балтийским и Чёрным морями, которые западные аналитики характеризуют как провокационные. Впрочем, в оценках такого рода слышно традиционное русофобство, характерное для некоторых западных политиков.

И.В. Радиков, обращаясь к событиям Второй мировой войны, пишет: «Следует признать и помнить, что фактически геополитические цели войны против СССР осуществляли не только немцы, а 300 млн европейцев, объединенных на различных основаниях, — **от вынужденного подчинения до желанного сотрудничества**, но так или иначе действующих совместно. СССР воевал не только с германским Третьим рейхом, но и почти со всей Европой. На извечное “русифобство” Европы накладывался страх перед большевизмом. Многие добровольцы из европейских стран, воевавшие в России, сражались именно с чуждой им коммунистической идеологией»¹⁰⁹.

---

¹⁰⁹ Радиков И.В. Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождения» войны // Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 3. — С. 32.

Во времена «холодной войны» идеологический конфликт также имел самодовлеющее значение. Военная мощь и сила государства были поставлены на службу распространения мировоззрения, образа жизни, собственной легитимности двух противоборствующих сверхдержав и военно-политических блоков (НАТО и Варшавский договор).

В результате «холодной войны» коммунистический мир потерпел всеобъемлющее поражение. Видимо, это поражение было роковым для всей последующей человеческой истории, вызвав те процессы, которые ныне именуют глобализацией, то есть насильственное нивелирование всех народов планеты по стандартам Запада, прежде всего США. После гибели мировой системы социализма началась интеграция стран Запада и полным ходом пошел процесс формирования глобального сообщества, которое А.А. Зиновьев не без горькой иронии окрестил «глобальный человек»¹¹⁰. В западную цивилизацию уже вовлечено более 100 млн человек, и этой цивилизации ныне подвластно почти 70% природных ресурсов планеты. Более того, ныне Запад запустил свои цивилизационные щупальца во все уголки планеты. Таково главное и самое катастрофическое последствие «холодной войны».

«Холодная война» представляла собой прежде всего масштабную идеологическую и политико-информационную войну, в которой вопрос о территориях поднимался лишь постольку, поскольку речь шла об установлении или ликвидации того или иного политического режима. «Холодная война» была соревнованием на выживаемость и эффективность между противоборствующими политическими и экономическими системами. Социализм и капитализм были действительно не только двумя несовместимыми идеологиями, но и образами жизни.

Подчеркнем еще раз: Советский Союз открыл линию социальной эволюции, качественно отличную от той, которую выбрал некогда «Западный мир». Советский Союз демонстрировал потрясающие успехи как в техногенном, так и в духовном плане социокультурного развития. Западная цивилизация не может свернуть с той дороги исторического развития, которая

---

¹¹⁰ См.: Зиновьев А.А. Глобальный человек. — М.: Алгоритм, 2006.

представляется западным политикам столбовой и которая признаётся необходимым условием самого выживания западной цивилизации. Советский Союз некогда был образцом для подражания и идеалом для сотен миллионов людей, не относящихся к западной цивилизации.

Поражение СССР в «холодной войне» нанесло сильнейший удар по социалистической линии социальной эволюции, но не уничтожило ее окончательно. Ведь развивается и процветает Китай. С точки зрения западных стратегов, Россия еще не уничтожена полностью. Есть опасность ее возрождения — наша страна еще вызывает страх и злобу в «Западном мире».

Видимо, новая война — если она разразится — будет носить характер войны цивилизационной и эволюционной. Эта война уже начата и далеко не скоро будет закончена. Ее завершающие битвы впереди. Недаром Кертис Скапаротти, новый командующий объединенными силами НАТО в Европе, вступивший в должность после отставки генерала Филипа Бридлава, заявил, что альянсу угрожает «возрождающаяся Россия»¹¹¹. Скапаротти — официальное лицо, поэтому к его высказываниям следует относиться всерьез. По сути дела, высший военный чиновник НАТО признался, что Россия в глазах Запада не имеет права на существование. Этот тезис — своеобразная идеология «свободного» и либерального мира под эгидой США.

Как справедливо отмечает К.С. Гаджиев, «все войны носят идеологический характер в том смысле, что каждая из вовлеченных в нее сторон так или иначе посягает на образ жизни и систему ценностей своего противника»¹¹². Запад в эпоху «холодной войны» проделал огромную работу по идеологической обработке советского населения и создал на территории нашей Родины «пятую колонну» особого рода. По сути дела, Советский Союз был уничтожен руками самих советских людей, ибо население средствами информационной и идеологической войны

---

¹¹¹ Запад наконец сказал правду: он хочет уничтожения любой России [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2128661.html> (дата обращения: 25.05.2016).

¹¹² Гаджиев К.С. Указ. соч. — С. 454–455.

склонили к массовому предательству и капитуляции перед Западом.

Именно в эпоху «холодной войны» фактор предательства стал социально значимым и имевшим глубокие политические последствия. Странам бывшего СССР, то есть исторической России, насильственно навязали такую социальную организацию, которая исключила бы возможность возрождения «Русского мира» как цивилизационного и эволюционного конкурента для западной цивилизации.

Скажем несколько слов о весьма распространенной теории заговора, с помощью которой часто объясняют многие политические реалии современности. Концепция «заговора» выдвигает в качестве онтологической причины скрытые механизмы субъективного происхождения. Импульсом к развитию концепций данного рода послужила публикация С.А. Нилусом в 1895 году знаменитых «Протоколов сионских мудрецов». Этот документ впоследствии активно использовали национал-социалисты в Германии.

Дальнейшее развитие теория заговора получила в первую очередь в работах американца Г. Форда «Международное еврейство» и англичанина Д. Рида «Спор о Сионе». Их построения еще могут удовлетворять невзыскательную западную публику, но для всесторонне развитого русского ума они представляются односторонними и примитивными. Их российские подражатели не могут быть серьезно причислены к разряду историософов. Исключение составляет наш современник А.Г. Дугин, поднявший «теорию заговора» на высокий историософский уровень.

Дугин органически связал историософию с геополитикой. Излишне говорить, что субъекты «заговора» у Дугина не имеют ничего общего с мифическими «жидомасонами». Их место — и вполне обоснованно — заняли США и страны «золотого миллиарда». Но и построения Дугина носят порой пропагандистский и чрезмерно идеологизированный характер, призванный оказывать воздействие скорее не на умы, а на чувства читателей.

Проблема идеологии в целом относится к числу дискуссионных вопросов. Марксизму-ленинизму приписывался

статус научной идеологии. Видимо, при этом допускалась существенная методологическая ошибка, ибо идеология научной быть не может. Наука и идеология относятся к разным социокультурным нишам. Наука старается изучать реальность объективно, а любая идеология эту реальность искажает. Идеология развивается на основе определенного комплекса моральных и аксиологических представлений, что позволяет рассматривать политическую реальность лишь под определенной точкой зрения, необходимой в данный момент. Для этого появляется целая совокупность практик сознательного искажения реальности, формирующихся в идеологическую систему особого рода.

Цель идеологии — формирование сознания людей в соответствии с теми императивами, которые диктует необходимость сохранения социальной общности. Цель идеологии — не познание реальных закономерностей политического и общественного бытия, а манипулирование поведением людей путем воздействия на их сознание. Идеология использует данные социальных наук, но лишь как средство. Идеологи выбирают из громадного массива социально-гуманитарного и экономического знания лишь то, что поможет более эффективно воздействовать на сознание людей, на их умы и сердца в необходимом ключе. И порой создаваемая идеологией картина социального бытия и его перспектив оказывается искаженным отражением реальности или вообще вымыслом. Но такое искажение часто является необходимым для решения определенных политических задач.

Идеология выражается в особого рода информационной политике и часто переходит в пропаганду. В идеологической сфере начинают доминировать профессионалы, готовые проводить любую пропагандистскую линию за определенную совокупность материальных благ и возможного карьерного роста. Отметим, что коммунистическая идеология потерпела поражение не в последнюю очередь потому, что продолжателями дела основоположников стали интеллектуальные пигмеи и беспринципные карьеристы.

Сейчас явно выраженной, тем более «научной», идеологии у нашей страны уже нет, поэтому именно политологам и

философам предстоит развить концепцию «Русского мира», которая может стать идеологической базой для современного цивилизационного противостояния, ибо «не хлебом единым жив человек».

Идея цивилизационного конфликта базируется на очевидных для любого непредвзятого наблюдателя вещах. Есть западная цивилизация, уверенная в существовании универсальных прав человека. Под этим знаменем продвигаются символы некоей «постгендерной» и даже постчеловеческой реальности, угрожающие, по сути, всем традиционным устоям жизни и самим условиям существования человека как биосоциального существа. Современная западная цивилизация угрожает навязыванием своих ценностей всему остальному миру, ибо эти ценности ведут к обезчеловечиванию и разрушению самих основ традиционного христианского мировоззрения.

Цивилизационная позиция России обозначена четко, в том числе Президентом и такими патриотически ориентированными мыслителями, как С. Кара-Мурза и А. Дугин, труды которых мы упоминали выше. Если Запад хочет вырождаться, пусть делает это с наибольшей возможной скоростью. Прекрасно, если это вырождение будет происходить лишь на Западе. Поэтому не нужно навязывать другим странам вырождение и глумление над традиционными ценностями, в том числе над Отечеством, семьей и патриотизмом, русским людям, ибо в реальности нет такой вещи, как универсальные права человека. Это — философско-правовая абстракция. Права человека, как и истина, всегда конкретны и обусловлены культурно-историческими факторами.

Сторонники и адепты русской цивилизации верят в освященные веками традиции. Существуют западная цивилизация и традиционная цивилизация. Россия позиционирует себя в качестве лидера традиционной цивилизации, лидера антизападного мира. Не случайно в России ныне идут активные процессы политического подавления разнообразных организаций, выступающих в качестве иностранных агентов.

Идет полным ходом складывание идеи национальной идентичности, которой была лишена Россия при Борисе Ельцине. И эта новая русская идентичность призвана стать лидером

антизападного мира, защитником традиционной семьи и традиционных религий. Россия с полным правом может претендовать на роль создателя антизападной коалиции в мире, которая вполне может иметь огромный успех в современную эпоху противостояния цивилизаций.

Итак, относительно положения России в структуре современной геополитической реальности и ее противоречивых отношений с «Западным миром» вполне можно говорить если и не о прямом столкновении «Русского мира» с западной цивилизацией, то уж во всяком случае об их резком противостоянии. Ведь даже развитие по нарастающей конфронтации с исламским миром, прежде всего с самой агрессивной его частью — Исламским государством, — вызвано в первую очередь ошибками и преступлениями ведущих держав «Западного мира», прежде всего США.

Именно Соединённые Штаты на протяжении последних десятилетий делали всё возможное, чтобы нарушить равновесие сил на международной арене, создавая всё новые и новые «горячие точки» на планете. Как отметила 10 февраля 2016 года Ольга Ковитиди, председатель подкомитета по международному военно-политическому сотрудничеству комитета Совета Федерации по обороне и безопасности: «Россию не просто втягивают в войну, и делают это не только Соединённые Штаты. За разжиганием возможного вооруженного конфликта стоит “конгломерат англосаксов” — людей, которые используют войну для борьбы за территории. Однако существует риск того, что масштабная война будет летальной, и победителей в ней не будет, и делить им будет нечего»¹¹³. Недаром классик русской геополитики Алексей Ефимович Едрихин (Вандам) в 1912 году написал знаменитые слова: «Хуже войны с англосаксом может быть только дружба с ним»¹¹⁴.

---

¹¹³ «Мы находимся в шаге от начала войны» [Электронный ресурс]. URL: http://regnum.ru/news/polit/2076912.html?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign=regnum.ru&utm_term=144872&utm_content=4081184 (дата обращения: 24.04.2016).

¹¹⁴ *Вандам А.Е.* Наше положение. — СПб.: Наука, 2009.

К сожалению, основания для самых худших сценариев развертывания событий имеются. Группировка НАТО в Европе по всем основным позициям, даже по тактическому ядерному оружию, сегодня всё более и более увеличивается. Число военных НАТО в Восточной Европе за два с половиной года выросло в 13 раз. Количество боевых самолетов возросло в 8 раз. Не говоря уже о том, что непрерывно идут военные учения НАТО. Когда Россия недавно проводила учения на Северо-Западном направлении, в воздух поднялись одновременно 90 самолетов НАТО¹¹⁵. США интенсивно отрабатывают переброску резервов из Европы в зону Балтики.

НАТО активнейшим образом начало осваивать даже военные базы стран бывшего Варшавского договора, то есть заброшенные, оставленные в эпоху Ельцина советские базы, военные городки и аэродромы. Ныне эти трофеи «холодной войны» США используют на полную мощность. И особенно активно это происходит в традиционно настроенных антироссийски странах Балтии, где недавно были модернизированы три мощнейших советских аэродрома. Там уже несут боевое дежурство, меняя друг друга, войска сразу нескольких стран НАТО. Активно использует НАТО и бывшие советские военно-морские базы на Балтике.

Видимо, США пытаются создать политический инцидент, который может перерасти в вооруженный конфликт. Для американских политиков традиционно значимо, чтобы война шла не на территории США, а в Европе. Ведь Европа для США является не только союзником в политике, но и конкурентом в мировой экономике. США выгодно ослабление Европы. И одним из способов является развязывание конфликта с Россией в Европе.

Так называемая «арабская весна», в результате которой в Европу ныне хлынул враждебный по отношению к европейской цивилизации исламский поток, является плодом усилий США, претендующих на роль единственного выразителя и защитника ценностей западной цивилизации. И одна из важнейших целей

---

¹¹⁵ Генерал-полковник Леонид Ивашов: Похоже, НАТО готовится к войне с Россией [Электронный ресурс].

URL:<http://www.kp.ru/daily/26547.7/3563115> (дата обращения: 30.06.2016).

действенной информационной политики нашей страны заключается в том, чтобы не довести развитие современной сложнейшей ситуации до масштабного военного столкновения с «Западным миром».

На наш взгляд, возможные экономические и социальные трудности в стране не заставят современное руководство России выйти из новой гонки вооружений. Разумеется, многое зависит от динамики цен на нефть, от возможных реформ российской экономики. На наш взгляд, российская политическая система имеет определенный запас прочности, что оказывает влияние на степень военной безопасности России. В начале июня 2016 года в Польше прошли учения НАТО «Анаконда-2016». НАТО выставило 31 тыс. военных из 23 стран, 3 тыс. единиц военной техники, 105 самолетов и вертолетов, 12 кораблей. Как ответный шаг Россия начала маневры «Центр-2015», в которых задействовала 95 тыс. военнослужащих, 7000 единиц различной техники и вооружений, 170 самолетов и 20 кораблей. В феврале 2016 года российская псковская дивизия ВДВ провела учения вблизи границ Латвии и Эстонии по захвату аэродромов.

Разумеется, маневры маневрами, а когда речь идет о дислокации конкретных боевых частей, то счет идет лишь на батальоны и единицы боевых самолетов. Ядерное сдерживание с завершением «холодной войны» никуда не исчезло, но времена всё-таки изменились. Определенный оптимизм внушает то обстоятельство, что ныне ни Россия, ни НАТО не очень-то готовы — в том числе и чисто психологически — не только к ядерному, но и к полномасштабному конфликту с использованием обычных, неядерных вооружений. Европа устала от войн за свою многовековую историю, и одно из великих совместных достижений политиков и государственных деятелей второй половины XX века состоит в том, что удалось избежать масштабной войны в Европе, несмотря на целый ряд локальных конфликтов, связанных с крушением мировой системы социализма.

Ныне США в своей внешней политике делают всё, чтобы столкнуть Европу и Турцию с Россией. Это может привести к большому военному конфликту, хотя после последних

конструктивных встреч глав России и Турции подобный сценарий маловероятен. Ведь для США стратегически важно остановить возрождение России, в том числе и военное.

Современная Россия при всех имеющихся у нашей страны проблемах становится не просто самостоятельным государством, но мировым геополитическим игроком. Для нашей страны вновь появилась надежда стать «несущей конструкцией» нового мирового порядка. Американцы терпят поражение на евразийском пространстве, ибо там главными акторами являются Россия и Китай. Недаром Бжезинский в самом начале 90-х годов обмолвился, что Евразия — приз победителю в «холодной войне». А ныне США лишаются этого приза, что вызывает у них активное недовольство.

Несмотря на все усилия в информационной войне, на введенные санкции и перманентное создание российской угрозы для НАТО, видимо, агрессивные планы западных держав относительно России остаются теми же, что некогда лелеяла и премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. По ее словам, необходимо оставить в живых всего 15 млн русских на их собственной территории. Остальные должны быть истреблены за ненадобностью. Недаром сегодня всячески создается образ демонической России, в которой безраздельно господствует тирания.

Само противостояние цивилизаций можно определить как войну нового типа за грядущую социальную эволюцию человечества. Эта война идет в «теплой», прежде всего в идеологической форме между главнейшими цивилизациями современности и определяет геополитическую реальность переживаемой человечеством эпохи.

Проблема противостояния цивилизаций относится к числу глобальных, которые нельзя решить одномоментными усилиями теоретиков-ученых и политиков-практиков. Такого рода проблемы решаются комплексно, ибо они вызревали в течение десятилетий и даже столетий и особенно актуализировались в современную эпоху. Самые разнообразные ее грани должны быть подвергнуты обстоятельному научному исследованию. Противостояние «Русского мира» и иных цивилизационных образований

порождает новую социальную реальность, в том числе переводит в иную плоскость само соотношение военной безопасности и информационной политики России.

От жалких попыток конвергенции с «Западным миром», которые предпринимались либералами в 90-е годы, и соответствующих этим попыткам идеологических и пропагандистских штампов современная реальность диктует необходимость такого синтеза внутренней и внешней политики, который был бы направлен на высший уровень военной безопасности нашей страны. Такой уровень безопасности предполагает высокий уровень патриотизма как квинтэссенции национальной идеи «Русского мира».

Достижение такого уровня немислимо без грамотной информационной политики как самого государства, так и находящихся под контролем государственных структур негосударственных патриотических СМИ. Поэтому в следующей главе нашего исследования мы обратимся к рассмотрению теоретических аспектов информационной политики, становящейся ныне важнейшим экзистенциальным фактором.

Итак, в этой главе нами достигнуты следующие результаты. Во-первых, дан обзор подходов к пониманию цивилизации и предложено авторское видение феномена цивилизации. Во-вторых, обоснована необходимость и дано определение термина «противостояние цивилизаций» сквозь призму авторского понимания современной геополитической ситуации. В-третьих, представлено авторское видение задач «Русского мира» как цивилизационного типа и показана роль русской цивилизации в идеологическом и социокультурном противостоянии «Западному миру».

ГЛАВА 2

Информационная политика в эпоху противостояния цивилизаций

Изучение информационной политики становится в последнее время чрезвычайно актуальным, поэтому социальная философия, политология и социология не могут посетовать сегодня на недостаток исследований по этой проблеме. Но во-первых, сама проблема информационной политики и связанных с ней информационных технологий весьма и весьма многоаспектна, а, во-вторых, современная геополитическая ситуация в мире изменяется стремительными темпами и порой самым кардинальным образом.

Поэтому любое новое исследование важнейших аспектов информационной политики России, переживающей ныне существенные трансформации вследствие новых политических тенденций, будет востребованным. Сама современная политическая реальность обуславливает не только теоретический, но и сугубо практический интерес к проблеме информационной политики. Государства-партнеры, с которыми у России были даже заключены обоюдные договора о безвизовом режиме, становятся противниками и даже врагами нашей страны на международной арене. На эти метаморфозы нужно реагировать в том числе и проведением разумной информационной политики. Ведь политическая наука призвана адекватно отвечать на происходящие изменения — как в теоретической, так и в практической сфере. Наступающая эпоха может существенно изменить саму суть информационной политики российского государства, а это обстоятельство, безусловно, потребует своевременного изучения всего комплекса количественных и качественных изменений.

Немецкий политолог Тим Байхельт пишет: «Современная информационная политика Запада не может не учитывать возросшую агрессивность России на международной арене. Степень военной безопасности Запада катастрофически снижается по мере возрождения военной мощи России при Путине. Этому в немалой степени способствовало возрождение традиционного

русского патриотизма, который становится фундаментом российской государственной информационной политики»¹¹⁶.

Уже эта небольшая цитата свидетельствует об умонастроениях, господствующих среди определенной части западных интеллектуалов. Политолог Сабина Гойбнер открыто пишет о «возрождении в современной информационной политике идеологической войны между Россией и свободным миром»¹¹⁷. Это не может не подтолкнуть к тщательному изучению современной информационной политики, ибо необходимо активно и с должной теоретической обоснованностью выступать против заявлений и действий, враждебных нашей Родине.

Прежде всего обратимся к самому понятию «информация», происходящему от латинского *informatio* (изложение, разъяснение, осведомленность). Как наиболее общее понятие, информация обозначает определенные сведения, совокупность каких-либо данных и знаний, облеченных в четкую форму. Само понятие информации предполагает, как правило, наличие по меньшей мере трех структурных компонентов: источника информации, потребителя информации и передающей среды.

Информация не может быть передана, хранима или принята в чистом, рафинированном виде. Носителем информации является сообщение, то есть некий кодированный эквивалент события, зафиксированный источником информации и выраженный с помощью последовательности определенных символов, образующих определенную совокупность¹¹⁸. Средствами передачи сообщений являются каналы связи. В наши задачи не входит рассмотрение информации с точки зрения системно-кибернетического подхода, поэтому отметим лишь, что

¹¹⁶ *Beichelt T.* Moderne Politik im Informationsbereich des heutigen Russlands // *Studien zur Politikwissenschaft. Abt. C, Untersuchungen zur Aussenwirtschaftspolitik: Schriften des Instituts für Politikwissenschaft der Westfälischen Wilhelms-Universität.* — Münster, 2015. — S. 234.

¹¹⁷ *Teubner S.* Op. cit. — S. 274.

¹¹⁸ *The Role of information and communication technologies in global development : analyses and policy recommendations / ed. with introd. by Abdul Basit Haqqani.* — New York: UN, Inform. a. communication technologies, 2005. — P. 18.

данный подход рассматривает информацию в контексте трех фундаментальных аспектов любой системы: эпистемологическом, управленческом и организационном.

Информация как объект научного исследования и как структурное образование предполагает выделение технических, семантических и прагматических аспектов. Технический аспект предполагает изучение проблем точности, надежности, скорости передачи сообщений, технических средств и методов передачи информации. В семантическом аспекте изучение информации направлено на изучение проблемы точности ее смысла. Прагматический аспект изучения информации состоит в том, насколько ценным для потребителя является полученное сообщение с точки зрения влияния этого сообщения на последующее поведение использующего информацию.

За последние десятилетия информация встала в один ряд с такими фундаментальными категориями, как материя и энергия, превратившись в необычайно широкое понятие, которое продолжает раскрываться для исследователей всё новыми и новыми гранями. На сегодняшний день существует множество определений информации. Леон Бриллюэн рассматривал информацию как отрицание энтропии, то есть отрицание неопределенности и неупорядоченности некоторой системы¹¹⁹. Создатель понятия энтропии в теории информации Клод Шеннон сначала хотел назвать эту величину информацией¹²⁰. Информация — коммуникация и связь, осуществляя которую устраняется неопределенность¹²¹, — так считал Клод Шеннон.

Для Норберта Винера информация — обозначение содержания, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему¹²². В передаче разнообразия окружающего

---

¹¹⁹ Бриллюэн Л. Научная неопределённость и информация. — М.: Наука, 1966. — С. 46.

¹²⁰ Волькенштейн М.В. Энтропия и информация. — М.: Наука, 1986.

¹²¹ Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. — М.: изд-во иностранной литературы. 1963. — С. 45–46.

¹²² Винер Н. Творец и Будущее. — М.: АСТ, 2003. — С. 56.

мира видел суть информации Уильям Эшби¹²³. Информация — мера сложности структур, по мнению Абраама Моля¹²⁴.

Большинство немецких ученых, изучающих проблемы информации и информационной политики, придерживаются схожего с Клодом Шенноном понимания информации, то есть рассматривают ее как коммуникацию и связь. Об этом пишет Петер Кайнц в своей работе «Неограниченные возможности? Проблемы и апории индивидуализма»¹²⁵.

Каждый из представленных подходов раскрывает ту или иную грань многоаспектного понятия информации, которое связано со всеми происходящими в мире процессами, в том числе и с процессами политическими.

С прагматической точки зрения, информация — это сведения, которые включаются в имеющиеся данные, предназначенные для практического использования. Информация помогает ее получателю освободиться от неопределенности в процессе принятия того или иного решения. Видимо, именно устранение неопределенности является главным фактором, отличающим информацию от обычных данных.

Бурное развитие средств передачи информации в XX веке вызвало огромный и непреходящий интерес к изучению их функционирования и позволило осознать значение СМИ как транслятора информации, играющего важнейшую роль в проведении информационной политики — как государственной, так и негосударственной, — для развития всего общества в целом. В политологии, как и в других общественных науках, всё чаще стали обращаться к изучению политических инициатив и особых политических технологий, связанных с созданием, усвоением и распространением информации, способствующей обретению, сохранению и удержанию власти.

По сути, сама информационная политика государства — совокупность конкретных технологий, направленных на

---

¹²³ *Ashby W.R.* Introduction to Cybernetics // Chapman & Hall. — 1956. — P. 78–81.

¹²⁴ *Моль А.* Социодинамика культуры. — М.: ЛКИ, 2008. — С. 125.

¹²⁵ *Kainz P.* Unbegrenzte Möglichkeiten? Probleme und Aporien des Individualismus. — Baden-Baden: Nomos, 2012. — S. 74.

реализацию конкретных целей реальной политики как на международной арене, так и внутри страны.

Любые политические технологии функционально направлены на достижение целей в соответствии с интересами, функциями и целями политических субъектов. Эти цели могут быть направлены на стабилизацию или дестабилизацию положения в государстве, продвижения определенных политиков или организации предвыборных кампаний, своевременном и эффективном информационном обеспечении принятия политических решений, согласовании интересов при выработке государственных программ, в том числе и в области военной безопасности.

Политические технологии призваны воздействовать на человека и целые слои общества с целью изменить мышление, политические взгляды, настроение и социальное поведение. Политические технологии как совокупность методов целенаправленной деятельности не только упорядочивают средства достижения определенной политической цели, но и вырабатывают определенные алгоритмы поведения политического субъекта.

Технология складывается из определенной последовательности операций, которая фиксирует очередность применения определенных приемов и средств достижения конкретной политической цели. На наш взгляд, нельзя уравнивать технологии и отдельные функциональные техники или приемы взаимодействия. Технологии представляют собой как процесс применения техник, направленных на достижение конкретной цели реально действующим политическим субъектом, так и результат этой деятельности.

В современную эпоху произошел коренной переворот в понимании политических технологий. Раньше целью политических технологий было подавление индивидуального сознания и воли индивидов, жесткое внушение, манипуляция бессознательными и иррациональными мотивами личности. В нацистской Германии добились выдающихся результатов в плане такого рода воздействия на индивида. Ныне подобные манипуляции строятся, наоборот, именно на провоцировании

свободной воли, сознания и субъективности человека. Человеку должно казаться, что принятое им решение вытекает из глубинных основ его личности, а не навязывается ему извне.

В России впервые широко заговорили о политических технологиях в период президентских выборов 1996 года, когда группа талантливых, но беспринципных профессионалов проводила избирательную кампанию Б.Н. Ельцина под основным лозунгом «Голосуй, или проиграешь!». Граждан России в то время пугали возможностью возврата к социализму в его «казарменном» варианте. Методы запугивания были весьма грязными, а аргументы апеллировали не к логике, а к чувствам. По мнению циничных политтехнологов, цель оправдывала средства. Недаром профессиональным днем политтехнолога считается день рождения Николо Макиавелли.

Отношение к политтехнологиям менялось вместе с изменением и совершенствованием самих технологий. Эндрю Вильсон в британском журнале *Open Democracy* констатирует, что «в России, в обстановке практически тотального контроля большинство политтехнологов остались вне работы. Лишь немногие остались до сих пор связанными с узким властным кругом»¹²⁶. С другой стороны, он же и прогнозирует, что «вследствие применений политтехнологий «мягкий авторитаризм» в таких странах, как Россия, остается мягким, и Кремль, видимо, будет отдавать ему предпочтение, отказываясь от деспотизма в полном масштабе. Поэтому политтехнологии останутся характерной чертой постсоветской политики и в обозримом будущем».¹²⁷

В сфере военной политики реальный эффект от применений специальных политических технологий так велик, что в современную эпоху старые «горячие войны» уступили место новым информационным холодным войнам. Об этом свидетельствуют череда разнообразных «цветных революций» и страшная «арабская весна». Это было бы невозможно без искусной

---

¹²⁶ Wilson A. “Political technology”: why is it alive and flourishing in the former USSR? // «Open Democracy». — 2011. — 17 June.

¹²⁷ Ibid.

информационной политики, включавшей самые разнообразные политические технологии.

Но специальные политические технологии могут и должны служить задаче формирования системы глобальной безопасности. Современную информационную политику любого государства невозможно себе представить без всего многообразия средств массовой информации: без радио, телевидения, прессы и Интернета. В предисловии мы представили основные теоретико-методологические подходы к пониманию информационной политики, существующие в современной политологической литературе. Ниже мы развернем свое видение информационной политики России как феномена современной политической реальности, которая отличается значительным накалом страстей и той бескомпромиссностью в отстаивании своих взглядов, которая заставляет вспомнить об эпохе «холодной войны».

О том, что в нашей стране вновь настало время идеологических битв с зарубежными учеными, свидетельствует хотя бы категоричное и безапелляционное мнение британца Рональда Р. Пауэра: «Информационная политика в современной России выражается лишь в форме государственной информационной политики, выражающей интересы правящей в стране бюрократии, преследующей лишь цели личного обогащения. Интересам гражданского общества в такой политике места нет. Негосударственной информационной политики в России, по сути дела, не было никогда»¹²⁸.

Действительно, хотя существование государственной и негосударственной информационной политики никем не отрицается, реальная роль последней в эпоху противостояния цивилизаций и идеологических конфликтов практически равна нулю. В последние годы происходит процесс укрепления влияния государства как аппарата принуждения.

И.В. Радиков пишет: «Россия “обречена” была стать сильным государством. Эта историческая предопределенность была задана уже геополитическими особенностями образования

---

¹²⁸ Powell R.R. Information policy in the modern Russia // Information policy in the modern age / ed. by Maureen Grieves. — London: Bowker-Saur, cop., 2014. — P. 342.

Российского государства: оно формировалось за счет расширения территории — путем свободного и практически беспрепятственного присвоения неосвоенных территорий, главным образом в Сибири и на Дальнем Востоке. Российская государственность была обусловлена спецификой социально-экономических, политических, духовно-нравственных условий жизнедеятельности. Для нее традиционно характерны жесткие властные технологии, обусловленные историей, геополитическим положением и социокультурными особенностями функционирования, что формирует специфический менеджмент во всех структурах: и государственных, и социальных»¹²⁹.

Государство как аппарат насилия и принуждения использует информационную политику для сохранения власти. Всякая негосударственная информационная политика может рассматриваться, таким образом, как нечто враждебное существующему государству. Ведь политику в самом общем рассмотрении можно понимать как всеобщий механизм, который определяет цели и задачи, принципы и условия реализации определенных приоритетов общественного развития. Эти приоритеты выявляются на основе борьбы субъектов политики за овладение и использование публичной власти для достижения политических целей.

Негосударственная информационная политика может служить государству или быть в оппозиции к нему. Она может выражать интересы народа или же не удовлетворять интересам гражданского общества. Если понимать под негосударственной информационной политикой политику оппозиции, которой в серьезном виде в современной России практически нет, то тогда можно говорить о негосударственной информационной политике лишь в теоретическом, но никак не в реальном практическом аспекте. Но любая оппозиция может вступать в диалог с государством или же выступать против него. При проведении негосударственной информационной политики оппозиция может

---

¹²⁹ Радиков И.В. Ослабление государственности как угроза национальной безопасности и международному правопорядку // Политэкс. — 2013. — Т. 9. № 4. — С. 28.

полностью служить лишь интересам отдельных политических группировок, партий и даже отдельных личностей.

Воздействие свободной от государственного аппарата информационной политики на современное российское общество снижается с каждым днем. Уже в 2000 году было фактически сведено к нулю влияние «Медиа-Моста», бывшего крупнейшим независимым медиахолдингом того времени. В течение 2000 года практически все телевизионные каналы оказались под контролем государства. Ныне остался лишь один независимый телеканал — «Дождь», — который уже покинули более 80% провайдеров, а аудитория сократилась катастрофически. И это вполне закономерно и оправданно в эпоху тотальной идеологической и информационной войны.

В декабре 2015 года было ликвидировано РИА и создано агентство Russia Today с самыми опытными пропагандистами государственной политики в России. Видимо, логика идеологического противостояния приведет в ближайшее время к закрытию Фейсбука и Твиттера. Ведь даже одинокие блогеры обязаны ныне регистрироваться наравне со СМИ. Каждый автор, имеющий несколько тысяч посетителей ежедневно, выступает в глазах закона как средство массовой информации.

Довольно оппозиционным по отношению к правящему в России режиму позиционирует себя радиостанция «Эхо Москвы», имеющая собственный новостной и аналитический сайт. Но оппозиционность «Эха» уже давно схожа с предательством национальных интересов страны, а не просто направлена на критику власти. Ю. Латынина, Н. Сванидзе, М. Гананольский, Д. Быков, А. Навальный, А. Минкин в своем оппозиционном гнев уже давно, на наш взгляд, перешли все границы приличия и здравого смысла, ибо совершенно искренне радуются любой неудаче или трагедии, происходящей в России. Их забавляют и сгоревшие дома, и утонувшие дети, и упавшие самолеты. Не случайно значительная часть россиян считает вышеперечисленных господ предателями страны или же агентами влияния, выполняющими социальный заказ чужеродных сил в эпоху

информационной войны¹³⁰. И отнюдь не случайно вечером 20 августа 2016 года вышеупомянутую Юлию Латынину русские патриоты наказали довольно показательно¹³¹.

Профессор В.Д. Попов полагает, что информационная политика как отрасль социальной информაციологии является ее важнейшей социально-политической составляющей. В этом плане информационная политика является информაციологией средств массовой информации, которая рассматривает то, как именно СМИ формируют идеологические, политические, экономические и другие взгляды, мнения, знания и оценки, влияющие на быт, досуг, культуру, поведение и на все стороны жизни людей¹³².

В.Д. Попову вторит немецкий политолог Ж.П. Энгельке¹³³, но добавляет применительно к современной России: «Информационная политика любого государства именно в той мере должна стоять на страже интересов государства как аппарата принуждения и самой власти, в какой мере это государство реализует и защищает интересы гражданского общества, каждой личности. Этот базовый принцип осуществления государственной информационной политики, к сожалению, не реализуется в современной России, где государство привыкло монополизировать проведение любой политики, в том числе и информационной. Интересы гражданского общества при этом в расчет совершенно не принимаются»¹³⁴.

Объектом информационной политики является информационная сфера жизни общества, то есть совокупность самой информации, информационная инфраструктура,

¹³⁰ Анализ социологического опроса «Что для Вас предатель Родины?» // Материалы XXXI областной Студенческой конференции. — Н. Новгород: изд-во Университета им. Н.И. Лобачевского, 2015. — С. 174.

¹³¹ Интернет-портал радиостанции «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. URL: <http://echo.msk.ru/news/1823610-echo.html> (дата обращения: 22.09.2016).

¹³² Попов В.Д. Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования. Массовые информационные процессы в современной России: Очерки. 3-е изд. — М.: изд-во РАНХиГС. 2015.

¹³³ Engelke J.Ph. Die Transformation der Russischen Föderation: eine Analyse historisch-kultureller Einflüsse. — Baden-Baden: Nomos, 2012. — S. 165.

¹³⁴ Engelke J.Ph. Op. cit. — S. 165.

разнообразные проводники и субъекты информационной политики¹³⁵. Объектом информационной политики в научном плане являются массовое сознание социума, система средств массовой информации, информационные процессы, отражающие и выражающие политику государства и социальные интенции граждан.

Сущность информационной политики связана с понятием информационной власти. Великий девиз Френсиса Бэкона «Знание — сила»¹³⁶, под которым прошло развитие всей новоевропейской социокультурной реальности, в коридорах власти XX века постепенно трансформировался в максимум о том, что хорошо информированный политик значительно реже совершает ошибки. Отметим, что английское *power* означает «власть» и «силу», что делает возможным неоднозначное толкование известного высказывания, хотя первоначально Бэкон изрек эту максимуму полатыни (*scientia potencia est*). Знание — высшая форма информации, а обладать знанием означает обладать властью.

Поле политики, где она получает свое институциональное оформление, является грань между чувственным и рациональным опытом. Политика — это синтез практической и духовной деятельности, результатом которой является особая модель рациональности, сочетающая в себе на первый взгляд несовместимые компоненты: игру страстей и трезвый рассудок. Политик — реалист, вся его деятельность в сфере духа получает свое выражение в конкретном преобразовании наличной социальной действительности. С помощью различных политических технологий он переводит разнообразные идеи из сферы теоретической и духовной в область практической реализации этих идей. На эту реализацию оказывают огромное влияние социальное взаимодействие, среда, традиция. Именно эти факторы играют решающую роль в судьбе политических инициатив.

---

¹³⁵ Politikwissenschaft: Begriffe, Analysen, Theorien: Ein Grundkurs / Iring Fetscher, Herfried Münkler (Hg.). — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt's Enzykl., 2012.

¹³⁶ Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические. Сочинения в 2 томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1977. — С. 346.

Феномен социального взаимодействия детерминирует как духовную, так и материальные сферы жизни социума. Политика в самом широком смысле — это специфическая духовно-практическая деятельность, находящая свое выражение в формах упорядочивания социального взаимодействия как баланса интересов. По мнению В.В. Ильина, целью политики является поддержание (стабилизация) или нарушение (дестабилизация) динамического равновесия интересов субъектов социального взаимодействия. Это достигается через коммуникацию, взаимообмен, путем давления на вступающие в коммуникацию стороны, зависящие друг от друга и приспособляющиеся друг к другу. Ведь любой человек, в том числе и политик, по природе своей вынужден находиться в окружении себе подобных.

В суживании сферы влияния негосударственной информационной политики многие исследователи видят всё более явственное проявление авторитарных тенденций современной российской власти¹³⁷. Если тоталитаризм предполагает полное подчинение всех сфер жизни государственному началу, то авторитарный режим допускает ограниченный плюрализм, если это не противоречит интересам сохранения существующей системы. Так или иначе, сущность любой власти сводится к принуждению, разница лишь в подходах. Способность принуждать выделялась в качестве основного свойства власти еще Максом Вебером. По его мнению, «государство — это человеческое сообщество, которое успешно претендует на монополию законного использования физической силы внутри данной территории».¹³⁸

Существуют две концепции власти: монологическая и диалогическая. Первая коренится в многовековых традициях патриархальной и элитарной политической культуры. Вторая, по мнению А. Панарина, еще только формируется¹³⁹. Панарин сказал об этом в середине 90-х годов ушедшего XX столетия. Развивая

---

¹³⁷ Engelke J.Ph. Op. cit. — S. 168.

¹³⁸ Цит. по: Фукуяма Ф. Сильное государство Управление и мировой порядок в XXI веке. — М.: АСТ, 2006. — С. 20.

¹³⁹ Панарин А.С. Философия политики. — М.: Новая школа, 1996. — С. 66.

эту мысль, можно сказать о том, что политическая история человечества складывалась как противостояние двух типов политических культур, воплощенных в типах государственного устройства, — тоталитаризмом и демократией. Их формирование и развитие послужило причиной для генезиса самого авторитаризма. По мнению К. Поппера, толчком к формированию концепта авторитарности связано с первыми политическими теориями древнегреческих философов Платона и Аристотеля¹⁴⁰. Оба они предлагали тип государственного строя, сочетавшего сильную централизованную власть с ограниченным числом свобод граждан.

Формирование авторитаризма связано не только с возникновением особого типа политической культуры, но также с определенными ментальными и морально-нравственными основаниями. Можно выделить два подхода к восприятию политической культуры: поведенческий и альтернативный. Сторонники первого подхода считают, что большинство демократических стран обладают однородной общенациональной политической культурой, которая передается из поколения в поколение. Представители второго подхода определяют политическую культуру как попытку правящих слоев государства навязать свои ценности всему обществу через такие механизмы, как средства массовой информации и система образования. Среди компонентов политической культуры можно выделить: политическую идеологию, политический опыт, традиции, институты, способы и цель поведенческой деятельности¹⁴¹.

Большую роль в развитии авторитарных тенденций в политике играет политическое доверие к конкретному лидеру, зависящее от уровня политической культуры общества. И.В. Радиков пишет об этом: «...восприятие политических институтов и лидеров в значительной степени определяется уровнем политической культуры граждан. Конкретный человек для гражданина часто становится символом того или иного

---

¹⁴⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги. — М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. — С. 25.

¹⁴¹ Бусыгина И., Захаров А. Политический мини-лексикон. Словарь. — М.: Московская школа политических исследований, 2006. — С. 153.

политического института. Это соотношение личного и безличного в политических институтах может производить обратный эффект. Доверие, основанное на харизме, приносит в восприятие власти такие дивиденды, которые она порой не получает даже в ходе многолетней кропотливой эффективной работы. Этот эффект хорошо известен власти и охотно ею используется (феномен Б. Ельцина, В. Путина)¹⁴².

На формирование политической культуры значительное воздействие оказывает информационная политика. Государственная информационная политика как в России, так и в развитых странах Запада охватывала, как правило, круг проблем, которые связаны с деятельностью средств массовой информации. За последние годы содержание государственной информационной политики в нашей стране было несколько расширено, так как к ней стали относить и отдельные элементы защиты прав граждан и организаций на общедоступную информацию, гарантированных Конституцией РФ, а также некоторые проблемы информационной безопасности.

Любая политика, в том числе и информационная, реализуется в особого рода политическом пространстве. Информационную политику, в том числе и государственную, целесообразно рассматривать как явление политической реальности. Политическая реальность — категория философии политики, более широкая, чем сама политика. Политика более функциональна. Инструментами реализации информационной политики признаются СМИ и разнообразные информационные технологии.

Во всём мире ныне происходит перманентное и лавинообразное совершенствование инструментов реализации информационной политики — средств массовой информации и коммуникации — как в количественных, так и в качественных аспектах. Возникают всё новые и новые мультимедийные технологии, совершенствуется Интернет, без которого многие

---

¹⁴² Радиков И.В. Политическое доверие для власти: Ресурс развития или проблема? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2016. — № 4 (71). — С.130-134

люди уже не могут существовать, ибо он стал за последние два десятка лет важнейшим экзистенциальным фактором. Отсюда именно в нашу эпоху информационная политика начинает играть особую роль, воздействуя на имеющиеся политические технологии и формируя новые.

Средства массовой информации как инструмент проведения информационной политики сами по себе лишены этической составляющей. Это актуализирует вопрос об их роли в современную эпоху, которая во многом зависит от содержательной стороны той информационной политики, которую проводит государство. Тем более сама информационная политика и формирующие ее технологии зависят от уровня политической культуры как государственных структур, так и гражданского общества страны.

Исходя из политических реалий современной эпохи, целесообразно вести речь об информационной политике России в эпоху «столкновения цивилизаций». Одно и то же явление политической реальности прошлого и современности может быть понято и оценено неадекватно в информационной политике различных, а тем более враждебных друг другу государств.

В первой главе книги мы отмечали, что относительно положения России в структуре современной геополитической реальности и ее противоречивых отношений с «Западным миром» вполне можно говорить если и не о прямом столкновении «Русского мира» с западной цивилизацией, то уж во всяком случае об их резком противостоянии. Поэтому одна из важнейших целей действенной информационной политики нашей страны заключается в том, чтобы не довести развитие современной ситуации до масштабного военного столкновения с «Западным миром».

Информационная политика реализуется в реальном информационно-политическом пространстве. Именно информационно-коммуникативную составляющую жизнедеятельности социума целесообразно рассматривать как его стержневой и базовый компонент. Можно и нужно критически относиться к концепции информационного общества,

разработанной политологом Дэниэлом Беллом¹⁴³, но факт остается фактом: в развитых странах современного мира большинство работающих людей в той или иной мере и той или иной форме производят, хранят, обрабатывают и реализуют информацию, в том числе и высшую форму информации — знания. Мы рассмотрим теоретико-методологические аспекты существования информационной политики, причем не только проблемы современного социального бытия этой политики, но и ее разнообразные ретроспективные грани, имеющие непреходящее значение для современности.

Сама массовая коммуникация, лежащая в основе любой информационной политики, может и должна быть понята как разновидность социальной коммуникации, которая осуществляется на глобальном уровне в обществе. Политика также являет собой разновидность коммуникации. Еще Аристотель, определяя политику как вид общения¹⁴⁴, отметил, что общение само по себе подразумевает некое благо, а общение, объемлющее все другие виды общения и именуемое государственным или политическим, подразумевает высшее благо. Согласно Аристотелю, фундаментом государственной власти оказывается иерархия благ, а любое общение людей, в процессе которого они обмениваются информацией, выступает как общение политическое, ибо оно корреспондируется с высшим, всеобъемлющим общением — с государством. В идеале государство, прямым образом участвуя в процессе создания, поддержания и сохранения иерархии благ, само становится благом¹⁴⁵.

О коммуникативной природе власти много и продуктивно размышляли Юрген Хабермас¹⁴⁶ и Никлас Луман¹⁴⁷. И

---

¹⁴³ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 330–342.

¹⁴⁴ Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х томах. — М.: Мысль, 1983. Т. 4.

¹⁴⁵ Аристотель. Указ. соч.

¹⁴⁶ См.: Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (Фрагменты) Пер. А.Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество. — 2004. — № 1 (21). — С. 303–312; Хабермас Ю. Уроки истории? // Международные

современная теория политики являет собой, по сути, теорию социального конструирования, целью которого выступает создание сбалансированного общества с помощью особых технологий. Общение власти с гражданским обществом — непереносимое условие для создания такого общества. Массовая коммуникация — это процесс, в ходе которого специфически организованные институты с помощью технических средств производят и передают информацию для гетерогенной, обширной и рассеянной в пространстве аудитории. Массовая коммуникация как процесс носит односторонний и внеличностный характер, ибо институционально организованный отправитель удален от своего потенциального адресата.

Необходимая для эффективной коммуникации связь обеспечивается при помощи средств массовой коммуникации, под которыми вполне логично понимают институционально организованные и использующие технические средства отправители посланий. К средствам массовой коммуникации, оказывающим прямое и опосредованное воздействие на политику, традиционно относят прессу, электронные средства массовой коммуникации, радио, телевидение, кинематограф. Некоторые исследователи¹⁴⁸ считают, что к средствам массовой коммуникации в полном своем объеме относится и шоу-бизнес, который часто используется для поддержки той или иной политической силы.

В связи с бурным развитием носителей информации, в особенности СМИ, телевидения и Интернета, чрезвычайно

чтения по теории, истории и философии культуры. — СПб., 1997. — Вып. 2. — С. 356–362.

¹⁴⁷ См.: *Луман Н.* Что такое коммуникация? / Пер. с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. — 1995. — № 3. — С. 114–128; *Луман Н.* Невероятность коммуникации / Пер. с нем. А.М. Ложеницина под ред. Н.А. Головина // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. — / Отв. ред. А.О. Бороноев. — СПб.: изд-во СПбГУ, 2000; *Луман Н.* Решения в «информационном обществе» // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Отв. ред. А.О. Бороноев. — СПб.: изд-во СПбГУ, 2000.

¹⁴⁸ См., например: *Герасимова С.А.* Культурология и теория телекоммуникации. — М.: Гардарики, 2007; *Пригожин И.И.* Политика — вершина шоу-бизнеса. — М.: ООО «Алкигамма», 2001. — С. 8.

актуальной проблемой — в том числе и при проведении информационной политики — являются нравственные и эстетические аспекты функционирования российского информационного пространства. С этим связана проблема дисфункциональности информационного пространства, которое всё чаще вместо разумного, доброго и вечного сеет ненависть, деструкцию и недобрую зависть.

В политике это порой приводит к катастрофическим последствиям, влияя в том числе как на морально-психологический климат общества, так и на военную безопасность. Поэтому столь важно выявить точки бифуркации современной информационной политики. Термин «бифуркация», происходящий от латинского *bifurcus* — «раздвоенный», — мы понимаем в широком смысле для обозначения всевозможных качественных перестроек или метаморфоз различных объектов при изменении параметров, от которых они зависят. В данном случае речь идет о метаморфозах информационного пространства, оказывающих влияние на политическую среду. Эти изменения могут быть как позитивного, так и негативного плана.

Огромную роль в деструктивных изменениях последних лет, в формировании прозападного сознания у многих бывших советских людей, приведшего к деформации или полной аннигиляции патриотизма, сыграли средства массовой информации, сформировавшие особое информационное пространство, в советскую эпоху просто невозможное, в том числе и по чисто техническим причинам. Недаром В.В. Путин в послании Федеральному Собранию 25 апреля 2005 года назвал предательское уничтожение Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX века¹⁴⁹.

Е.Н. Юдина совершенно права, утверждая, что в современном мире средства информационной политики, прежде всего средства массовой информации, являются активным актором

---

¹⁴⁹ См.: Сайт Президента Российской Федерации. Архив выступлений [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/polit/444083.html> (дата обращения: 20.11.2015).

формирования социального пространства¹⁵⁰. В данном контексте, на наш взгляд, не совсем корректно употребление термина «актор», которым в науке о международных отношениях принято обозначать участников взаимодействия на мировой арене.

Но средства массовой информации ныне служат не только способом передачи информации, но и механизмом формирования особой реальности, которая создает картину мира за пределами чувственного опыта индивида. Информационное пространство может быть представлено как часть и репрезентация социального пространства в целом, в том числе и его политической составляющей. Поэтому на информационное пространство и на проводимую в этом пространстве информационную политику в полной мере воздействуют особенности социума, все те положительные и отрицательные факторы, которые влияют на его функционирование и развитие. Нельзя понять особенности политического бытия, в том числе и информационную политику, без изучения закономерностей функционирования социального пространства.

Социальное пространство может быть рассмотрено с позиций многих общественных и гуманитарных наук. Пальма первенства в наличии разнообразных концепций и трактовок этого понятия принадлежит социальной философии и социологии. Политология обратилась к исследованию социального пространства фактически сразу же после отпочкования этой научной дисциплины от философии политики как отрасли социальной философии и собственной институализации. Заметим, что философия политики и теоретическая политология совпадают преимущественно в своих предметных областях, равно как это наблюдается в случае социальной философии и теоретической социологии. Но когда речь идет о политических технологиях и процессах, ежедневно влияющих на конкретные политические институты, роль практически ориентированной политологии огромна, а ее эвристическое значение трудно переоценить.

---

¹⁵⁰ Юдина Е.Н. Развитие медиапространства современной России: на примере телевидения: дис. ... докт. соц. наук: 22.00.04. — М., 2008. — С. 5.

Современное общество является продуктом индустриальной цивилизации, а традиционное общество корнями уходит в аграрную цивилизацию. Иногда считают, что в промышленно развитых странах везде сложилось современное общество. Но сама степень промышленного развития не всегда является существенным признаком, хотя и оказывает прямое и косвенное воздействие на реальную политику. Скажем, Япония сохранила многие черты традиционного общества, хотя и является чрезвычайно развитой страной в экономическом отношении. Но именно информация ценилась всегда, способствуя как организации, так порой и уничтожению самого социального пространства разнообразными политическими средствами.

Социальное пространство является объективной формой существования общественной, в том числе и политической, жизни. Политическая жизнь, в том числе и информационная политика, происходит в определенном социальном пространстве. Считается, что в научный оборот термин «социальное пространство» ввел великий русский ученый Питирим Сорокин, изгнанный большевиками из России в 1922 году и потому оказавшийся признанным во всём мире основоположником американской социологии. Еще ранее Георг Зиммель, один из основателей «философии жизни», написавший отдельную работу «Социология пространства», охарактеризовал социальное пространство как бездейственную форму, существующую лишь благодаря энергии деятельности субъектов¹⁵¹.

Но Сорокин исследовал социальное пространство в связи с разработкой концепции социальной стратификации и социальной мобильности, что стало очень актуальным именно в XX столетии. Выводы Сорокина в полной мере использует и сравнительная политология.

Совершенно справедливо Сорокин отмечает: «Социальное пространство в корне отличается от простого геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в

---

¹⁵¹ См.: *Ионин Л.Г.* Социология Георга Зиммеля // История буржуазной социологии XIX — начала XX века / под ред. И.С. Кона. — М.: Наука, 1979.

социальном пространстве отделены громадной дистанцией, и наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом ... могут быть очень близки социально»¹⁵². Отметим, что выводы Сорокина без труда проецируются и на политику. Обама и Путин могут быть разделены друг от друга просторами Атлантики, но являются вполне соотносимыми друг с другом по своему политическому статусу.

Сорокин постулирует: «...Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет такого пространства (или вселенной), поскольку одна особь не имеет никакого отношения к другим. Она может находиться в геометрическом, но не в социальном пространстве»¹⁵³. Интересно, что Сорокин обосновывал свою убежденность в том, что кризисная эпоха XX столетия закончится созданием новой идеациональной культуры, и именно Россия станет центром культурного лидерства на рубеже XX–XXI веков.

Разовьем мысли нашего великого соотечественника в русле раздумий над становлением социального и политического пространства в контексте всемирно-исторического процесса. Ведь еще Эдуард Фримен в 1873 году в работе «Сравнительная политика»¹⁵⁴ показал, что история и политика неотделимы друг от друга.

Социальное пространство тесно связано со становлением единой всемирной истории, которая сама по себе существовала не всегда, ибо была пространственно, политически и экономически разрознена. История не могла называться всемирной, ибо не представляла собой единого целого. Скажем, первобытное общество социально бытийствовало десятки тысяч лет, но его социальное пространство было крайне ограничено. Разумеется, ни о какой политике в то время и речи быть не могло.

С переходом к более развитым формам общества (в марксистском понимании — к классовому обществу) расширяется

---

¹⁵² Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность / под ред. А.Ю. Соломонова. — М.: Политиздат, 1992. — С. 297.

¹⁵³ Там же. — С. 300.

¹⁵⁴ См.: Freeman E. Comparative politics. — London, 1967.

и социальное пространство. Появляются государства с фиксированной территорией. На определенном социальном пространстве создаются материальные и духовные ценности, в том числе и знания как высшая форма информации.

Постепенно возникают так называемые мировые державы с огромными территориями и этнически неоднородным населением. Налаживаются экономические связи, возникают великие торговые пути, связывающие и сближающие народы, торгующие не только товарами, но и информацией. Появляются зачатки информационной политики. По сути, первые информационные пространства возникают именно в процессе образования значительных социальных пространств. Через торговлю происходил обмен культурными и научными ценностями, а также экономической и политической информацией.

Со временем возникновения капиталистических отношений и переходом к капиталистическому способу производства начинается интенсивное становление единой всемирной истории, то есть единого социального пространства. По словам Карла Маркса из его великого труда «Капитал», это была «утренняя заря капиталистической эры производства»¹⁵⁵. Информация, понимаемая в глобальном аспекте, то есть как плоды духовной деятельности наций, становится достоянием всех.

В целом, для философов, социологов и политологов социальное пространство — логически мыслимый конструктор, особого рода среда, в которой осуществляются социальные, в том числе и политические отношения. В то же время это отнюдь не физическое пространство, но всё же социальное пространство тесно связано с физическим, ибо — в той или иной степени — стремится реализоваться в нём. Социальное пространство часто оценивают как совокупность полей, специфических однородных «подпространств» (скажем, экономическое поле, поля политики, морали, нравственности), обладание или контроль над которыми означает обладание дефицитными благами — капиталом. Именно распределение всевозможных видов капитала (экономического, политического, культурного, социального, символического) в социальном пространстве оформляет и структурирует его.

---

¹⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. — С. 760.

Отметим, что сам термин «социальное пространство» не использовали, но, в сущности, описывали в своих трудах его разнообразные модели и этапы конструирования такие философы, политологи и социологи, как Карл Маркс, Макс Вебер, Франк Паркин и многие другие.

Информационное пространство как форма существования социального пространства отнюдь не представляет собой нечто статичное и застывшее. Стагнация — смерть для любого живого организма, в том числе и социального. Поэтому далее мы попытаемся исследовать именно методологию динамики информационной политики.

Ныне настала необходимость в теоретико-методологическом анализе феномена информационной политики и выработке методологических оснований для исследования ее динамики. Единственное, что постоянно в нашем мире, — это изменения. Это красиво показал еще Гераклит Темный в VI веке до нашей эры. Любая методология — путь к достижению поставленной цели. Ясно, что информационная политика в медиaprостранстве — порождение и форма существования массовой коммуникации, то есть обмена социально значимой информацией между большим числом людей разного социального статуса и положения.

Теоретически обмен информацией представляет собой фундаментальную необходимость человеческой жизни, ибо сама жизнь представляет собой явление динамики, а не статики. Осуществление такой динамичной коммуникации предполагает наличие четырех различных факторов: 1) самой передаваемой информации или сообщения, 2) источника информации (коммуникатора, или отправителя), 3) медиума коммуникации (языка как знаковой системы от наскальной живописи до человеческой речи, а также газет, телевидения и всего прочего) и 4) самого получателя (реципиента) информации.

В философию XX столетия термин «коммуникация» ввел Карл Ясперс, причем он рассматривал коммуникацию как «основное условие человеческого бытия»¹⁵⁶. Многие идеи Ясперса

---

¹⁵⁶ Ясперс К. Язык. Философия языка и семиотика. — Иваново: ИвГУ, 1995.

продолжил Карл-Отто Апфель, который предложил различать реальное и идеальное коммуникативные сообщества¹⁵⁷. Это всё имеет не только чисто теоретическое, но и практическое значение для нашей проблемы, ибо реальное информационное пространство может носить реальное выражение в форме ток-шоу, где люди в аудитории всё-таки видят друг друга вживую, но их число ничтожно мало в сравнении с той массой, которая наблюдает за ними с экранов телевизоров. Здесь реальное и идеальное коммуникативные сообщества сливаются — происходит диалектический синтез противоположностей.

Юрген Хабермас говорит о «коммуникативной компетенции», имея в виду способность говорящего или слушающего овладевать общими правилами речи и понимать ее в рамках соответствующей культуры¹⁵⁸. Для осуществления реальной политики, предполагающей взаимодействие различных культур и взаимный обмен информацией, такого рода компетенция чрезвычайно важна. Причем Хабермас в своей теории «коммуникативного действия» понимает речь предельно широко, ибо рассматривает человеческое поведение прежде всего как символически опосредованную интеракцию по модели языковых актов. Хабермас заговорил о смене философской парадигмы — переходе от философии сознания к языковой прагматике, которую многие постмодернисты на современных ментальных пространствах довели до абсурдной крайности.

Тем не менее многие постмодернисты, как и Хабермас, тесно выходят на проблемы массовой коммуникации, которые напрямую связаны с информационной политикой. Скажем, Пол Фейерабенд, автор концепции «эпистемологического анархизма». В науке, а тем более в обыденной реальности «допустимо всё» (anything goes). Тот же Фейерабенд говорит, что занимается только тем, что ему интересно в данный момент, а в течение дня его

---

¹⁵⁷ См.: Назарчук А.В. Этико-социальные доктрины К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса (анализ методологических оснований): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. — М., 1996.

¹⁵⁸ Там же. — С. 78–82.

интересы кардинальным образом изменяются¹⁵⁹. И это абсолютно нормально — но лишь в некоторых ситуациях, потому что по-настоящему серьезные проблемы требуют для своего решения полной отдачи.

Информационная политика невозможна без массовой коммуникации. На наш взгляд, массовая коммуникация как **динамичный базис** информационной политики имеет **ряд специфических черт**.

Во-первых, следует отметить, что получателем информации является массовая (большая по численности и весьма рассредоточенная географически) аудитория. С другой стороны, понятно, что такая массовая аудитория обладает социально-культурной неоднородностью и анонимностью по причине своей рассредоточенности. Но именно массовая коммуникация способна объединять огромное количество людей вокруг общих ценностей. Это открывает возможность существенно и достаточно оперативно влиять на формирование самого общественного сознания и базирующихся на нём социальных норм, что оказывает самое существенное влияние на реализацию информационной политики и ее восприятие. Например, с помощью одного SMS можно собрать в одном месте достаточно большую группу людей с разными политическими взглядами. Показав эту группу по телевидению, можно представить ее как определенный «протестный» общественный сегмент.

Второй важнейшей особенностью массовой коммуникации является наличие особых технических средств, обеспечивающих и поддерживающих передачу необходимой информации на большие расстояния и огромные аудитории. Ведь уже в 1960 году победа сенатора Джона Кеннеди на президентских выборах в США, когда он, малоизвестный сенатор, опередил на предвыборной дистанции вице-президента Роберта Никсона, во многом стала возможной благодаря телевидению.

Если рассуждать теоретико-методологически, то массовая коммуникация давно является опосредованной, ибо между отправителем и получателем сообщения находится некий

---

¹⁵⁹ *Никифоров А.Л.* Методологическая концепция П. Фейерабенда // Вопросы философии. — 1976. — № 8. — С. 142–146.

специальный организм, особая социальная и политическая структура. Хотя каждое из средств информационной политики имеет свою специфику, которая обеспечивается вариативностью и неоднозначностью коммуникативных средств, у всех этих средств есть одно общее свойство — способность нормировать информацию и унифицировать взгляды огромных человеческих масс на социальное бытие и окружающий мир в целом.

Третьим отличительным свойством массовой коммуникации, на наш взгляд, выступает социальная значимость информации, которая задается самим уровнем социальности, на котором осуществляется массовая коммуникация. Коммуникация может происходить как в храме на проповеди, так и на митинге; как в университетской аудитории, так и на площади. Причем каждый из реципиентов информации будет убежден в определенной доли социальной значимости ее. Влияние на общественное сознание требует обращения к определенным духовным ценностям, особой коррекции информации в соответствии с нравственностью, правом и ментальностью.

Современное информационное пространство обладает огромным влиянием — как на общественное, так и на индивидуальное сознание. Информационное пространство формирует определенные представления не только о социальной реальности, но и о реальности в целом — то, что раньше называлось высокими словами «Космос» и «Вселенная». Современное информационное пространство способно влиять на национальную, политическую и культурную социализацию. Более того, оно выполняет в обществе функцию социального научения, ибо создает и поддерживает в обществе определенные правила поведения.

Мы не хотим быть здесь обвиненными в том, что приписываем информационному пространству и проводимой в нём информационной политике поистине сакральные свойства, наделяя его служителей и адептов всемогуществом. Подобных взглядов придерживаются многие теории, изучающие массовую коммуникацию: от теории аккумуляции и теории «магической

пули» до теории культивирования, значительный вклад в которую внес Джордж Гербнер¹⁶⁰.

Да, влияние современного информационного пространства как на судьбы нашей планеты, так и на ментальность отдельно взятого человека, огромно. Но хочется особо отметить одно обстоятельство, которое несколько противоречит высказанному нами выше и целиком поддерживаемому тезису. Исследования некоторых психологов привели к интересным результатам¹⁶¹. Оказывается, в человеческой психике всё же существуют механизмы защиты от массирующего и агрессивного воздействия информационного пространства и агрессивной информационной политики. Не всегда аудитория является лишь послушной массой, которая некритически воспринимает любую информацию по принципу *anything goes*. Масса отнюдь не всегда поддается даже самым умелым приемам информационной политики. Даже в нацистской Германии находились люди, у которых был развит иммунитет к информационной политике вождей Третьего рейха.

Порой само восприятие информации человеком, которое протекает по определенным законам, ограничивает возможности воздействия информационной политики. Так происходит, разумеется, не всегда. Среди факторов, способствующих критическому восприятию навязываемой информации, психологи называют прежде всего высокий интеллектуальный уровень реципиента. К этому причисляют осознанный характер человеческого восприятия, то есть соизмерение представляемой информации с реальностью и собственным опытом из прошлого. Психологи рассуждают также о дискретности, ибо любое восприятие прерывисто и связано с выборочностью потребления

---

¹⁶⁰ Gerbner G. Cultivation analysis: An overview // Mass Communication and Society. — 1998. — Vol. 3/4. — P. 175–194.

¹⁶¹ Cohen J., Weimann G. Cultivation Revisited: Some Genres Have Some Effects on Some Viewers // Communication Reports. — 2000. — Vol. 13(2). — P. 99–114; Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. Living with television: The dynamics of the cultivation process // J. Bryant & D. Zillman (Eds.), Perspectives on media effects. Hilldale. — New York: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. — P. 17–40.

информации в соответствии с собственными интересами, желаниями и вкусами.

На таком активном восприятии информации некоторыми участниками информационного пространства настаивают адепты теории селективной экспозиции, теории двухступенчатого потока информации, теории удовлетворения и использования. Но подробный разбор этих теорий не входит в наши планы.

Политика — в большинстве случаев — стремится избежать войны и преодолеть опасность ее возникновения. Политика есть искусство управления невоенными средствами различными антагонизмами, союзами, разнообразными отношениями господства и подчинения. Но это — в идеале. Очень часто именно войны используются в политике как «последний довод королей». И ныне война остается неизменным способом жгучих вопросов современной эпохи.

Рассмотрим то влияние, которое информационная политика оказывает на информационную безопасность страны. А последняя, в свою очередь, непосредственно связана с военной безопасностью. Информационная и военная безопасность взаимодействуют и влияют друг на друга. В статье «Военная активность» доктор политических наук профессор В.В. Кириллов рассматривает активизацию военной деятельности как непереносимое условие достижения успеха при подготовке и ведении боевых действий¹⁶². В современную эпоху любая военная деятельность немислива без должной информационной подготовки. Это стало абсолютно ясным еще в середине XX века.

Чтобы не быть голословными, приведем здесь лишь один пример из истории Югославии — многострадальной славянской страны, на протяжении всего своего геополитического бытия раздираемой самыми разнообразными противоречиями. Возникшая после краха «лоскутной» Австро-Венгерской империи, многонациональная и поликонфессиональная Югославия оказалась в начале 40-х годов XX века в сфере военных и политических интересов Третьего рейха.

---

¹⁶² Кириллов В.В. Военная активность // Ориентир. — 2013. — № 5. — С. 9–13.

Перед военным вторжением в Югославию немецкие пропагандисты организовали целый ряд провокаций, среди которых были и сообщения о резне, которую якобы учинили православные сербы против католического венгерского меньшинства. Вот что писала газета *Das schwarze Korps* в номере от 2 апреля 1941 года: «Убийства и кровь превратились в сербский лозунг в населенных венграми территориях. Тысячи беженцев повествуют о тех ужасах, свидетелями которых они стали в местечках Новый Сад и Суботица. Старая беженка Илона Н. рассказала, что ее внука сербы утопили в реке и наблюдали, смеясь, за медленной смертью мальчика, молившего о помощи»¹⁶³.

Большинству здравомыслящих людей было ясно, что это — грязная и довольно топорно сработанная провокация, как и нападение переодетых в польскую форму немецких солдат на радиостанцию в Глейвице 1 сентября 1939 года, которое привело ко Второй мировой войне. Но этот акт информационной войны сработал и способствовал раздуванию межнациональной розни, что в немалой степени способствовало успеху оккупационных немецких войск, действовавших по принципу *divide et impera*. В частности, немцы всячески раздували хорватский сепаратизм и поддерживали усташей Анте Павелича. Схожие рецепты были успешно применены в конце 80 — начале 90-х годов XX века учениками нацистов — американскими военными пропагандистами. С помощью военной силы в сочетании с умелой информационной политикой недруги славянства добились своего: Югославия исчезла с политической карты мира.

Современная Россия оказалась в очень непростой экзистенциальной ситуации, когда под угрозу поставлено всё социокультурное и экономическое бытие страны. Как это уже часто бывало в истории, попытки нашей Родины проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику вновь вызвали ожесточенное противодействие западных демократий. Видимо, дело здесь не только в политике или идеологии. Запад всегда рассматривал Россию как геополитического противника, вне зависимости от ее политического режима. Эволюцию отношения от яростно-враждебного к снисходительно-

---

¹⁶³ Das schwarze Korps. — 1941. — Der 2. April.

патерналистскому можно наблюдать лишь в эпохи безвременья и социально-политической нестабильности — как это было в недолгие месяцы пребывания у власти А.Ф. Керенского или в ельцинскую эпоху.

На первое место выдвинулось противостояние информационных политик. Любая политика базируется на информации или совокупности знаний, позволяющих принимать ответственные и судьбоносные решения, могущие повлиять на судьбу страны. Любая развитая в культурном и социально-экономическом отношении страна обладает собственными традициями в области проведения информационной политики. Эти традиции сформировались, как правило, в ушедшем бурном XX столетии и базируются на общих правилах и традициях внешней и внутренней политики той или иной страны. Например, на информационную политику Великобритании не может не оказывать влияния традиционная «островная» аксиома: у Британии нет врагов, у Британии нет друзей, но есть лишь собственные интересы.

Если рассматривать проблему формирования государственной информационной политики, учитывая факт ведения против нашей страны масштабных информационных войн, то мотивы воздействия на общественное сознание россиян враждебных России сил с помощью средств массовой информации становятся рельефными и четкими. Западная стратегия и тактика таких войн включает насаждение масштабного социального пессимизма, всеобъемлющего неверия в пассионарность русского народа, раздувания некоего «комплекса неполноценности», обесценивание тяжелой и великой истории нашей Родины.

Открыто пишет об этом А.С. Панарин в монографии «Глобальное политическое прогнозирование»: «Вчера еще носители демократической идеи играли на повышение, подогревали завышенные ожидания народов, обещая им быстрое вхождение в европейский дом, в прекрасный новый мир. Сегодня они явно играют на понижение, всеми силами насаждая атмосферу уныния, безнадежности, неверия в собственные силы, фатальную безысходность. Если мы будем исходить из прежних постулатов обещанной демократизации и модернизации, то всё это вызывает

недоумение; если же поймем, что речь идет о стратегии победителей, заинтересованных в деморализации побежденных, то всё становится на свои места»¹⁶⁴. И далее автор отмечает: «Завоевателю выгодно насаждать безнадежность и уныние, капитулянтскую, а не мобилизационную мораль»¹⁶⁵.

Информационная политика связывает воедино основные парадигмы внутренней и внешней политики государства, представляя собой синтезированную репрезентацию их важнейших компонентов. Грамотная и взвешенная информационная политика призвана учитывать интересы как аппарата управления, так и гражданского общества. Дисфункциональность информационной политики объясняется существенным «перекосом» в ту или иную сторону. Как только при проведении информационной политики начинают превалировать интересы государственных структур, то наносится ущерб гражданскому обществу. Но при проведении информационной политики в сфере военной безопасности необходимо учитывать прежде всего государственные и национальные интересы, понимаемые в самом широком аспекте. Об этом будет подробно сказано далее.

Существующая Доктрина информационной безопасности России, которая была утверждена 9 сентября 2000 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, видимо, будет подвергнута определенным изменениям в связи с изменившимся положением нашей страны на международной арене.

В Концепции государственной информационной политики России утверждается, что долгосрочной стратегической целью государственной информационной политики является обеспечение перехода к новому этапу развития государства, то есть построению демократического информационного общества и вхождению России в мировое информационное сообщество¹⁶⁶.

---

¹⁶⁴ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. — М.: Алгоритм, 2000. — С. 197.

¹⁶⁵ Там же. — С. 288.

¹⁶⁶ Концепция государственной информационной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://old.unesco.kz/ip/countries/russia_ru.htm (дата обращения: 19.11.2015).

Ныне мировое информационное сообщество объявило нашей стране информационную и идеологическую войну, поэтому о вхождении в это сообщество на правах полноправных партнеров можно на ближайшее время забыть.

Без формирования единого информационно-коммуникативного пространства страны, отвечающего современным чрезвычайно непростым политическим реалиям, возникает реальная угроза потери национального суверенитета России и даже распада государства. Это наглядно продемонстрировала недавняя история: предательское уничтожение СССР, гибель Югославии, агрессия США против Афганистана, Ирака и Ливии доказали важность превосходства в информационном противостоянии и всю необратимую пагубность поражения в такого рода схватке. Повторим еще раз: проблема государственной информационной политики носит не только теоретический, но и сугубо практический интерес.

Итак, информационная политика реализуется в информационном пространстве, являющемся частью социального пространства. Информационное пространство пересекается и взаимодействует с культурным, правовым, религиозным пространствами. Равным образом и государственная информационная политика сопрягается с культурной, правовой, религиозной и иной политикой, проводимой государством.

Видимо, в современной России, переживающей сложнейший исторический этап, внутренняя политика обязана стремиться как к максимальному восстановлению и укреплению государства, так и к созданию условий для формирования гражданского общества на основе именно российских традиций, а не по заимствованным или навязываемым западным рецептам. В этом контексте информационная политика России должна явственно и недвусмысленно обозначать цели общественного развития, защищать идеалы и интересы проживающих на территории России народов, разумеется, корректируя их в соответствии с ментальными парадигмами современной эпохи.

Информационная политика — особый вид политической реальности, существующий в информационном пространстве как части социального пространства. На наш взгляд,

информационная политика России в эпоху противостояния цивилизаций — это деятельность по производству, распространению и интерпретации информации, результатом которой должен явиться синтез интересов государственного аппарата и гражданского общества, являющийся залогом всеобъемлющей безопасности страны. Это авторское определение может быть принято как «рабочее» для данного исследования.

Информационная политика, в идеале, должна внести действенный вклад в формирование единого информационно-коммуникативного пространства. В этом пространстве можно конструктивно строить диалог между властью и обществом, осуществлять поиск магистральных направлений развития государства и общества, в том числе в плане национальной безопасности в целом и военной безопасности в частности. Именно рассмотрению некоторых теоретических аспектов проблемы военной безопасности будет посвящена следующая глава этой книги.

Итак, обобщим некоторые результаты, достигнутые в настоящей главе: 1) даны различные трактовки понятия «информация»; 2) информационное пространство рассмотрено как форма существования социального пространства; 3) исследована динамика информационной политики, осуществляемой в информационном пространстве; 4) выявлены черты массовой коммуникации как динамичного базиса информационной политики; 5) дан обзор подходов к определению информационной политики и предложено авторское понимание этого феномена в эпоху противостояния цивилизаций.

ГЛАВА 3

Военная безопасность в условиях силового противостояния цивилизаций

Проблема обеспечения военной безопасности для нашей страны обречена на вечную актуальность. Сама тяжелая история нашей Родины, необъятные просторы которой издавна привлекали алчные взоры захватчиков, свидетельствует об этом. Понятие «военная безопасность» связано с родовым понятием «война», которое можно определить как вооруженную борьбу социальных групп, особым образом организованную. В наши задачи не входят подробное освещение и тщательный анализ войны как явления политической реальности, поэтому ниже мы отметим лишь основные аспекты феномена войны. Определения войны в научной литературе существуют, варьируются и дополняются в самых разнообразных формах и модификациях. Приведем одно из последних определений войны из солидного немецкого академического справочника по теории войны: «Война — организованный конфликт между социально-политическими образованиями, реализующийся в форме вооруженной борьбы и имеющий своей целью как физическое и моральное уничтожение противника, так и собственное выживание»¹⁶⁷.

Сам феномен войны известен с древнейших эпох человеческой истории, хотя осмысление войны как феномена политической и социокультурной реальности началось лишь в XVIII веке. Именно тогда война становится всё более и более массовым явлением, и классические, идущие еще от Платона и Аристотеля обоснования причин войны перестают соответствовать новым реалиям. Изменение самой сущности войны приводит к изменению понимания военной безопасности.

Платон некогда писал в диалоге «Федон», что война разгорается из-за жажды телесных удовольствий и требуемых реализацией этой цели богатств¹⁶⁸. Как известно, к справедливым

---

¹⁶⁷ Jäger Th., Beckmann R. Handbuch Kriegstheorien. — Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. — S. 7.

¹⁶⁸ Платон. Собрание сочинений в 4 томах. / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1994. Т. 2. — С. 16.

войнам Платон относил войны оборонительные или же направленные на восстановление справедливости. Аристотель видит справедливость войны в защите от врагов и установлении наилучшего правления над варварскими народами. Как Платон, так и Аристотель различают строгие нормы войны в отношении соседей-греков и более слабые — в отношении варваров, по отношению к которым возможно многое.

Великая европейская цивилизация была создана в том числе и благодаря войнам. Полное физическое уничтожение врагов и их истребление под корень чаще всего признавались благом или необходимым злом. Казнь предателей и злодеев никогда не подвергалась сомнениям, ибо иудин грех считался страшнейшим и отвратительнейшим из всех человеческих пороков. Расизм был нормой, а всяческий аболиционизм третирувался. Иначе было не выжить. Война являлась проверкой на прочность цивилизационного типа. Европейская цивилизация зародилась в Греции, законодательно закрепились в Риме, а встала на ноги в Европе и оттуда триумфально пошла по миру, распространяя свои ценности не только мирным путем, но и огнем и мечом. Следует констатировать, что христианская западная цивилизация была создана сильными телом и духом, воинственными, гетеросексуальными и абсолютно неполиткорректными людьми, убежденными в превосходстве своего народа, культуры и ценностей.

Понятие войны генетически связано с понятием военной силы. И.В. Радиков отмечает: «Военная сила государства представляет собой степень и интенсивность реального воздействия его военной мощи на другое государство, группу стран или систему международных отношений в целом. Масштабы, способы применения военной силы, объекты ее приложения определяются в первую очередь характером и направленностью внешнеполитических целей. Этим мы подчеркиваем, что военная сила — это средство политики, точнее, исторически специализировавшаяся ее части — военной политики государства. Известно, что политика, наряду с военной силой,

---

располагает и другими средствами, но для военной политики военная сила представляет собой основное средство реализации поставленных целей. При этом во всех формах своего проявления военная сила выступает в форме вооруженного насилия»¹⁶⁹.

Война в современную эпоху непосредственно связана с политикой и имеет политическое содержание. Современная теория войны берёт свое начало в знаменитой книге Карла фон Клаузевица «О войне», созданной в 1832–1837 годах. В этой ставшей классической работе автор осмысливает события наполеоновских войн, порожденных кровавой Великой Французской революцией. По Клаузевицу, война — рационально организованный инструмент национальной политики. Клаузевиц непосредственно связал войну и политику. «...Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с привнесением иных средств»¹⁷⁰.

По Клаузевицу, войны не возникают внезапно, но долго и тщательно подготавливаются национальными правительствами, проводящими определенную политику. После начала войны между государствами не прекращаются политические отношения, ибо эти отношения выступают как единое системное целое, а война является лишь частью этого целого. Именно политика порождает войну, а не наоборот. Правительство, объявившее войну, проводит ту или иную политику до начала военных действий. Эта политика направлена на удовлетворение собственных эгоистических интересов, и если она не дает желаемых результатов, то власть переходит к другой форме политики — войне. Главной целью войны является сокрушение вражеской политики военными средствами. Отсюда «война есть акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»¹⁷¹.

В начале XIX века зародились массовые народные армии, что привело к стремительному развитию наук о войне, а изменение целей войны сделало ее предметом всестороннего

---

¹⁶⁹ Радиков И.В. О трансформации военной политики постсоветской России. — С. 56.

¹⁷⁰ Клаузевиц К. Указ. соч. — С. 101.

¹⁷¹ Клаузевиц К. Указ. соч. — С. 3.

научного анализа. В подавляющем большинстве имеющихся в научной литературе определений войны повторяется приведенный выше вывод Клаузевица о войне как средстве для достижения политических целей. Война — развивающийся во времени процесс вооруженного противоборства. Это особое состояние общества, характерной чертой которого выступает доминанта вооруженного насилия.

В российской науке явственно оформилось несколько концепций природы войны. Сторонники традиционного подхода, среди которых О.А. Бельков, М.А. Гареев, В.В. Серебрянников, С.А. Тюшкевич, М.Н. Шахов, полагают, что главнейшим признаком войны остается военное насилие. Это насилие базируется на применении оружия с целью подавления противника и подчинения его своей воле. Разумеется, сторонники этого подхода признают изменение характера и форм современной войны, но подчеркивают неизменность ее сути.

Такие исследователи, как Ю.В. Громько, В.К. Потехин, В.И. Слипченко, отмечают, что применение вооруженного насилия не всегда является определяющим признаком военного столкновения между государствами. При этом вспоминают о различных трактовках стратегии непрямых действий сэра Б. Лиделл Гардта¹⁷². Сторонники этого подхода считают, что традиционное понимание войны устарело и не отвечает в полной мере среде безопасности в XXI веке. Мысли Лиделл Гардта о том, что для достижения победы противника нужно любой ценой вывести из равновесия, легли ныне в основу стратегии информационной войны.

В статье «Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России» И.В. Радиков отмечает: «...война и в XXI веке остается актом насилия. Меняющийся характер структуры насилия неминуемо влечет за собой изменение сущности войны. Новые качественные характеристики войны привносятся глобальными политическими, социальными, экономическими, культурологическими, этническими и религиозными факторами и явлениями; использованием принципиально новых и

---

¹⁷² Лидделл Гарт Б.Г. Стратегия непрямых действий / ред. С. Переслегин. — М.; СПб., АСТ, 2003.

разнообразных видов оружия; более полным включением в нее окружающей и природной среды. Изменяющаяся в XXI веке среда безопасности требует непрерывного осмысления. Понимание этого необходимо для формирования адекватной политики обеспечения военной безопасности России»¹⁷³.

Еще в 1989 году американский политолог Уильям Линд, анализируя эволюцию задач американской морской пехоты, разделил войны, происходившие в человеческой истории, на четыре поколения¹⁷⁴. Классификация Линда условна, как и любая попытка загнать живую и противоречивую реальность в прокрустово ложе мертвых схем. Но сам термин «поколение войны» использовать целесообразно. Немецкий политолог Кристиан Эндресс¹⁷⁵ отмечает, что сами разнообразные военно-исторические классификации и попытки разделить историю войн на ряд определенных «поколений» вполне оправданны, но главная классификация войн в человеческой истории остается неизменной. Войны «доядерной эпохи» коренным образом отличаются от войн с применением ядерного оружия, которое постоянно совершенствуется¹⁷⁶.

В научной и публицистической литературе встречаются разнообразные описания войн пятого и шестого поколений, но само содержание, которое вкладывают в эти термины разные авторы, варьируется.

Отечественный исследователь, генерал-майор В.И. Слипченко считает, что современные типы войн можно четко разделить на два вида: контактные войны (четвертого поколения) с

---

¹⁷³ Радиков И.В. Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. — С. 153.

¹⁷⁴ Lindemann Th. Causes of War. The Struggle for Recognition. — Colchester, ECPR Press, 2010. — P. 57.

¹⁷⁵ Endress Ch. Die Vernetzung einer gesamtstaatlichen Sicherheitsarchitektur des Politikfeldes. Innere Sicherheit im Spannungsverhältnis von politischen Interessen und sich wandelnden Bedrohungen. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013.

¹⁷⁶ Ibid. — S. 87.

применением обычного оружия и бесконтактные войны (шестого поколения) с применением высокоточных средств поражения и обороны. К таковым средствам профессор Слипченко относит и информационное оружие, а также силы и средства радиоэлектронной борьбы¹⁷⁷.

По мнению профессора Слипченко, главная цель войн шестого поколения — разгром бесконтактным способом экономического потенциала любого государства, на любом удалении от противника. Войны этого поколения будут кардинально отличаться от предыдущего, четвертого, еще и тем обстоятельством, что вся мощь агрессора будет функционально направлена лишь на безусловное поражение объектов экономики противника путем одновременного нанесения мощнейших информационных ударов и массированных ударов непилотируемого высокоточного оружия различного базирования.

По мнению В.И. Слипченко, начнется процесс постепенного исчезновения вместе с контактными войнами современных многочисленных общевойсковых формирований сухопутных войск. Окончательно обесценятся не только ядерное оружие (пятое поколение), но и обычные вооруженные силы, включающие несколько родов войск в соответствии с традиционными сферами их применения, то есть на суше, в воздухе, на морских просторах.

В.И. Слипченко пишет: «Войну любого поколения следует рассматривать как сложное общественно-политическое явление, включающее совокупность различных видов борьбы — политической, дипломатической, идеологической, экономической, вооруженной, информационной, экологической и др., — которые ведут между собой государства или общественные системы. Война всегда сочетала в себе противоречивое единство политики и вооруженного насилия. Для каждой воюющей стороны формула вооруженной борьбы во все времена представляла собой сумму двух симметричных, взаимосвязанных, но противоположных по направлению векторов действий: действия по противнику своими силами и средствами поражения (вектор наступательной или

---

¹⁷⁷ Слипченко В. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. — М.: Вече, 2002.

ударной составляющей); оборона (защита) своих войск и объектов от действий (поражения) средствами противника (вектор оборонительной составляющей)»¹⁷⁸.

Существует множество подходов к рассмотрению поколений и типов войны. Основаниями для самых разнообразных классификаций выступает исторический или темпоральный фактор (войны Древнего мира, Средневековья; или же Столетняя война, Тридцатилетняя война и т. д.); виды вооружений (эпохи огнестрельного, артиллерийского, ядерного оружия); идеологические или этические факторы (войны справедливые и несправедливые, освободительные и империалистические, гражданские и Отечественные и т. д.). Выбор того или иного подхода зависит от исследовательских предпочтений.

Первый статистический анализ войны как социокультурного и политического феномена и попытка классифицировать войны с точки зрения реальности XX столетия были впервые проделаны Льюисом Фраем Ричардсоном после и по итогам Первой мировой войны¹⁷⁹. Заслуживает внимания проект «Сравнение войн» (Correlates of War), стартовавший в 1963 году в Мичиганском университете и существующий по сей день. Разработанная учеными проекта современная классификация войн включает 4 категории и 9 типов¹⁸⁰. Например, по категориям этот проект различает войны: 1) негосударственные (между или среди негосударственных образований); 2) внутригосударственные (как правило, происходят в рамках признанной территории государства); 3) межгосударственные войны (происходят между государствами); 4) экстрагосударственные (между одним или несколькими государствами и негосударственными организациями за пределами границ государства)¹⁸¹.

Видимо, желание воевать коренится в самой природе человека как биосоциального существа. Поэтому войны

¹⁷⁸ Слипченко В. Указ. соч. — С. 10.

¹⁷⁹ Richardson L.F. Statistics of deadly quarrels. Pacific Grove. — CA: Boxwood Press, 1960.

¹⁸⁰ Sarkees M.R., Wayman Fr. The Correlates of War Project: COW War Data, 1816–2007. — Washington, DC: CQ Press 2010.

¹⁸¹ Ibid.

неизбежны и мечты об их скорейшем и окончательном искоренении — пацифистская иллюзия. Иммануил Кант считал, что причины войн коренятся в изначальной порочности человеческого рода, в присущем человеку злом начале. Гегель, как и Кант, в «Философии религии» утверждает следующее: «Человек... зол сам по себе, зол во всеобщем смысле, глубинах своего внутреннего духа, просто зол, зол в своей внутренней глубине...»¹⁸² Политика как функция власти лишь потворствует глубинным человеческим инстинктам. Отсюда вытекает неизбежность войн, кровопролития, локальных и глобальных конфликтов.

История ушедшего XX века показала, что во многом Кант и Гегель были правы. Гегель, не закрывая глаза на негативные стороны войны, полагал, что войны способствуют установлению сильной власти и оздоровлению общества: «Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей... сохраняется нравственное здоровье народов; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, — так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира»¹⁸³.

По Канту, война является прямым нарушением нравственной оценки человека как самоцели. Поэтому никакой войны не должно быть. Об этом он размышлял в трактате «К вечному миру». Сегодня ясно, что к исчезновению войн не приведут ни пресловутое «равновесие» вооружений, ни создание некоего «всемирного государства». В XX веке пытались реализовать эти проекты. Паритет в вооружениях лишь толкает на дальнейшую гонку вооружений, а печальная участь Лиги Наций в 30-е годы XX века и недееспособность современной ООН в решении многих международных вопросов и проблем также не внушают особого оптимизма.

Поэтому в нашу эпоху стоит прислушаться к совету Канта, который видел путь к действительно прочному миру между народами на Земле именно в создании таких «легальных» условий,

---

¹⁸² Гегель Г.В.Ф. Философия религии. Т. 2. — С. 266.

¹⁸³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 360.

которые объективно привели бы к организации «федерации» всех народов нашей планеты, сохраняющих внутри ее свою свободу и политическую самостоятельность¹⁸⁴. Кант размышлял о союзе народов, который, однако, не должен быть государством народов.

Но такой путь не должен быть путем навязывания одиозной политической воли одного сильнейшего государства другим. Ныне ясна ведущая роль США в процессе глобализации. При этом забывают, что правящая элита этой страны намерена создать на земном шаре отнюдь не общество всеобщего благоденствия. Цель их — создать общество истребления, в котором будут властвовать стихии хаоса, энтропии и инволюции. Для обработки умов используются нечистоплотные политики и средства массовой информации, которые всячески муссируют красивые гуманистические лозунги об общечеловеческих ценностях и правах человека.

19 апреля 2016 года Барак Обама заявил о том, что миссия США как единственной сверхдержавы в современном мире — исключительная по своему значению. США вправе заниматься урегулированием всех мировых конфликтов, вмешиваясь во внутренние дела других стран как «положительная сила», хотя Обама и отметил, что «это не означает, что мы должны посылать своих военных везде, где возникают кризисы. Нам нужно быть чрезвычайно осторожными, используя вооруженные силы»¹⁸⁵. В июне 2016 года и Владимир Путин сказал, что считает единственной современной сверхдержавой США, но попросил Вашингтон не вмешиваться в дела Москвы. Таким образом, налицо констатация лидерами двух стран очевидного факта в современной геополитике — сложившегося однополярного мира. Именно это обстоятельство объективной реальности порождает большинство проблем во внутренней и внешней политике большинства мировых держав, в том числе и России.

После гибели Советского Союза, явившейся крупнейшей геополитической катастрофой в истории человечества, в раскладе мировых сил возникла ужасающая диспропорция. Соединенные

---

¹⁸⁴ Кант И. Сочинения в 8 т. Т. 7. — М., 1994.

¹⁸⁵ Интернет-портал телекомпании CBS [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbs.com> (дата обращения: 19.04.2016).

Штаты стали перекраивать мир по своему образу и подобию, ибо на планете не осталось силы, могущей противостоять им. Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия — страны, ставшие жертвой открытой агрессии, прикрываемой красивыми фразами о необходимости защиты демократии. Демократия по-американски означает физическое и духовное рабство для мыслящего человечества. Такого рода всеобщий мир человечеству не нужен.

Кант подчеркивал, что всеобщий мир — это «задача, которая постепенно разрешается...»¹⁸⁶ Политические принципы и международные связи, которые «служили бы постоянному приближению к состоянию вечного мира, вполне осуществимы...»¹⁸⁷. В целом автор концепции вечного мира ратовал за соблюдение международных договоров, невмешательство во внутренние дела государств, за развитие культурных и торговых связей.

Кант не был первым мыслителем, которого волновали бедствия войны. Еще в древности люди размышляли над искоренением кровопролития из социальной жизни. То новое, что внес Кант, состояло именно в философском обосновании неизбежности установления на Земле всеобщего мира. Лишь историческая необходимость, а не случайная воля монарха положит конец войне как форме международных отношений. Но задача установления всеобщего мира — утопичная, а проблема военной безопасности вполне конкретна и решаемая.

Суть военной безопасности — предотвращение войны, которая угрожала политической и социокультурной целостности нашей страны на протяжении всей ее истории. Именно гигантская территория нашей Родины издревле манила к себе захватчиков. Как известно из любого учебного курса по истории России, выдающийся историк М.Н. Покровский совершенно справедливо отмечал, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. Война непосредственно связана с политикой и имеет политическое содержание. Многие тенденции и явления современной политической реальности берут свое начало в далеком прошлом.

---

¹⁸⁶ Кант И. Сочинения в 8 т. Т. 7. — М., 1994. — С. 78.

¹⁸⁷ Там же. — С. 83.

Необходимость отражать удары многочисленных внешних врагов нашла свое отражение в самой этимологии русского слова «безопасность». Безопасность — состояние свободы от любой возможной опасности. Ведь свободу можно понимать как в положительном («свобода для»), так и в отрицательном («свобода от») аспектах.

Обратимся к великому «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, который так трактует понятие «безопасный»: «неопасный, неугрожающий, не могущий причинить зла или вреда; безвредный, сохранный, верный, надежный». Слово «безопасность» Даль определяет как «отсутствие опасности; сохранность, надежность». Далее великий лексикограф пишет: «Безопасливый, ничего не опасаящийся, неосторожный, самонадеянный, смелый и опрометчивый; безопасливость — свойство, качество». Для нашей темы интересна поговорка, которую приводит в этой словарной статье В.И. Даль: «Безопасливость губит»¹⁸⁸.

Немецкое слово *die Sicherheit* означает «безопасность» и «уверенность», а логика и корни английского *security* и французского *la sécurité* коренятся в латинском слове *securitas*, которое означает состояние уверенности, надежности, стабильности и беззаботности. Собственно, и это латинское слово произошло от древнелатинского *sesed* («без») и *cura* («забота»).

И.В. Радиков пишет, что безопасность «выступает некой абстрактной формой выражения жизнеспособности и жизнестойкости различных объектов. Проблема философских основ безопасности человечества и человека наряду с аксиологическим аспектом имеет онтологическую сторону. Последняя коренится в фундаментальной проблеме выживания как самого человечества, так и живой природы нашей планеты»¹⁸⁹.

Ныне при рассмотрении проблем военной безопасности многие наши идеологические противники указывают на то, что Россия издавна проводила экспансионистскую политику, а

¹⁸⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 1. А–З. — М.: ТЕРРА, 1995. — С. 67.

¹⁸⁹ Радиков И.В. Национальная безопасность как главный национальный проект России... — С. 64–65.

следовательно, до сих пор угрожает военной безопасности «Свободного мира»¹⁹⁰. Разумеется, прав великий историк В.О. Ключевский, который писал во второй лекции «Курса русской истории», что «история России есть история страны, которая колонизируется»¹⁹¹. Но колонизация обширных пространств Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии не сопровождалась уничтожением полудиких и нецивилизованных народов, как это имело место при освоении белыми поселенцами просторов Северной Америки. Россия и русские солдаты всегда несли на штыках своих победоносных армий культуру, образование и цивилизованный жизненный уклад отсталым народам и народностям, которые включались в состав Государства Российского. Причем принятие православия автоматически переводило инородцев в состав коренных обитателей страны, «этнических русских».

И ведь судьба народов, входивших в разное время на правах равных в состав России, была бы печальна, если бы Русь в свое время оставила их на произвол судьбы, хотя для самой России сам акт присоединения, например, Украины означал новые сложности. Военная безопасность гигантской страны, пережившей лишь недавно великую Смуту и обретшей новую династию, вновь оказалась под угрозой. Ведь сразу после Переяславской Рады (8 января 1654 года) вспыхнула война с Польшей за Украину, продолжавшаяся до 1667 года.

Богдан Хмельницкий попросил в середине XVII века у Москвы защиты от поляков, когда и Швеция, и Крым, и Турция отказались помочь в его борьбе против Польши. Многие лингвисты справедливо ставят под сомнение само существование украинского языка, оценивая это своеобразное наречие как малороссийский диалект великорусского языка. Да и особая государственность Украины — плод феодальной раздробленности, которую пытались реанимировать на свой лад самые

---

¹⁹⁰ *Teubner S.* Op. cit. — S. 193.

¹⁹¹ *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Часть I / Под ред. В.Л. Янина; Предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова; Послесл. и коммент. В. А. Александрова, В.Г. Зиминой. — М.: Мысль, 1987. — С. 76.

разнообразные предатели славянских интересов: от гетмана Петра Дорошенко в XVII веке до президента Петра Порошенко в XXI столетии.

Дорошенко некогда отдал Украину турецкому султану, Выговский передал свою Родину Польше, а Мазепа предал Малороссию Карлу Шведскому. Стоит упомянуть и столь любимого современными украинскими националистами Симона Петлюру, который передал Украину поляку Пилсудскому, и «героя» Степана Бандеру, служившего верой и правдой Гитлеру. Сегодня Петр Порошенко готов ввергнуть народ в пучину бедствий, передав природные богатства Украины под власть США и Евросоюза.

И никто не принуждал Грузию в начале XIX века входить в состав Российской империи, ибо в противном случае православный грузинский народ оказался бы уничтожен мусульманскими ордями. Ведь летом 1795 года иранский шахиншах Ага Мохаммед-хан Каджар вторгся с пятидесятитысячной армией в Грузию, сжег Тбилиси и уничтожил почти всех жителей. В ответ на это иранское нашествие русские войска совершили успешный поход в Закавказье.

Впрочем, Россия неоднократно за прошедшие два столетия спасала грузинский народ от геноцида, равно как и братский украинский от уничтожения немцами и поляками, которые ныне столь любимы современной украинской властью. Об этом неплохо, хотя и несколько эмоционально рассказывается в книгах современного историка и писателя Льва Вершинина «Бежали храбрые грузины. Неприкрашенная история Грузии»¹⁹² и «Украина — вечная Руина»¹⁹³. Интересно также фундаментальное исследование А.И. Дикого «Неизвращенная история Украины-Руси», вышедшее несколькими изданиями. В этой книге¹⁹⁴ излагается история отношений между братскими славянскими народами и убедительно опровергаются все извращения, которыми

---

¹⁹² *Вершинин Л.Р.* Бежали храбрые грузины. Неприкрашенная история Грузии. М.: Эксмо, 2015.

¹⁹³ *Вершинин Л.Р.* Украина — вечная Руина. — М.: Язуз-Пресс, 2014.

¹⁹⁴ *Дикий А.* Неизвращенная история Украины-Руси. — М.: Алгоритм, 2014.

изобиловала и ныне изобилует украинская сепаратистская историография. Увы, ныне на Украине предатели Мазепа, Бандера и Мельник возведены в ранг национальных героев.

Историю любят переписывать и трактовать в выгодном для себя аспекте те политики, которые стремились и стремятся ослабить Россию территориально и духовно. И поныне на Западе можно слышать голоса о необходимости поделить территориальные богатства России. Причем голоса эти исходят не только от политологов и политиков маргинального толка, но порой и от облеченных властью «серьезных» политиков. Широко известным стало заявление Мадлен Олбрайт в бытность ее госсекретарем США, которая оценила то обстоятельство, что богатейшими ресурсами Сибири владеет одна Россия, как величайшую несправедливость.

Видимо, Олбрайт тщательно проштудировала книгу «Великая шахматная доска»¹⁹⁵, написанную одним из самых знаменитых ненавистников России — американским поляком Бжезинским — еще в 1997 году. Там этот политолог с богатым антисоветским прошлым, бывший советник президента Джимми Картера по национальной безопасности, открыто пишет о необходимости раздела России на три государственных образования. Разумеется, Сибирь с ее богатейшими природными богатствами не должна находиться в составе России, — считают Бжезинский и подобные ему политологи. Такие воззрения — прямая угроза военной и национальной безопасности нашей страны.

Из приведенных примеров видна непреходящая актуальность комплексного изучения проблем военной безопасности России как в теоретической, так и в практической плоскости. Разумеется, в этой области за последние годы сделано довольно много, в том числе и в отечественной политологии. В предисловии мы упоминали основные исследования, касающиеся проблемы военной безопасности. Представим свое понимание проблемы военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций.

---

¹⁹⁵ См.: *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. — М.: Астрель, 2013.

В своих предшествующих работах автор касался важнейших аспектов проблемы военной безопасности, прежде всего в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук «Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации»¹⁹⁶. В первой главе этого исследования мы ранее рассматривали освещение проблемы военной безопасности в научном дискурсе. Мы и сейчас придерживаемся выработанного нами сквозь призму диалектического подхода определения, согласно которому «военная безопасность — особое состояние отношений между государствами (или их коалициями), обусловленное сочетанием политических, экономических, военных и других факторов, исключающих возможность начала войны (военных действий)»¹⁹⁷.

Данное определение, с нашей точки зрения, может послужить методологической основой и в настоящем исследовании. Исключить само начало локальных военных действий в эпоху противостояния цивилизаций чрезвычайно сложно. По сути, в мире уже вспыхнули очаги новой мировой войны, и если в ближайшее время их не удастся погасить, то грядущая мировая катастрофа станет неизбежной. Поэтому **военную безопасность России в условиях противостояния цивилизаций можно определить как особое состояние отношений между нашей страной и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других факторов, который призван исключить возможность Третьей мировой войны.**

При рассмотрении проблемы военной безопасности России в современной ситуации следует учитывать, что войны как явление социокультурной реальности всегда возникают как следствие неразрешимых противоречий в межгосударственных отношениях, которые, как некоторые болезни, хотя порой и загоняются внутрь общественных организмов, но всё равно рано или поздно проявляются, и порой это происходит самым роковым образом.

---

¹⁹⁶ Ковалёв А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — СПб., 2015.

¹⁹⁷ Ковалёв А.А. Указ. соч. — С. 39.

Думается, что на начало XXI столетия можно выявить следующие **противоречия**, могущие привести к Третьей мировой войне. Во-первых, это противоречия между интересами России и странами Европейского Союза, которые всё более и более склоняются перед диктатом США и теряют самостоятельность как во внутренней, так и во внешней политике. Этот тезис доказывается в том числе и бездумным следованием стран Европейского Союза политике санкций против России, инспирированной заокеанским собратом.

Во-вторых, это противоречия между Россией как страной, утратившей статус сверхдержавы, и Соединёнными Штатами Америки, этим статусом ещё обладающими. США воспринимают крайне негативно любые тенденции к восстановлению исторической справедливости и попытки России хоть в какой-то мере вернуть себе статус сверхдержавы.

Если рассматривать Советский Союз, как это делают некоторые отечественные политологи (С.Г. Кара-Мурза¹⁹⁸, А.М. Трайнин¹⁹⁹ и др.), именно как историческую Россию, то тогда современная Россия, сжавшаяся после декабря 1991 года до размеров Московского царства времен Иоанна Грозного, вправе и далее делать всё возможное, дабы вернуть свои исторические земли и не останавливаться на достигнутом воссоединении с Крымом и фактическом присоединении Южной Осетии. Такая политика, с одной стороны, будет отвечать чаяниям русского народа, будет вполне патриотичной и будет способствовать военной безопасности нашей страны, но с другой стороны, вызовет вполне предсказуемую негативную реакцию США и следующих в фарватере их политики европейских держав.

В-третьих, указанные противоречия напрямую связаны с более широкой группой противоречий, а именно — с противоречиями между США и развитыми странами Европы, с одной стороны, и со всем остальным миром, включая Россию, — с другой. США и их союзники стремятся сохранить свое

---

¹⁹⁸ См.: *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. — М.: Алгоритм, 2008.

¹⁹⁹ *Трайнин А.М.* Национальная безопасность России. Лабиринт интервенции из будущего. Книга вторая. — Смоленск: Май принт, 2014.

превосходство, а большинство стран земного шара хотя бы установить справедливое распределение плодов человеческой деятельности с учетом интересов всех цивилизованных стран. Но повторяется обычная в мировой истории логика взаимоотношений между метрополией и колониями. Так некогда погиб Рим. США, будучи порождением европейской цивилизации, ныне диктуют Европе правила политической игры. На протяжении XX века США топтали святыни старой Европы и осуществляли надругательство над традиционными европейскими ценностями. И этот процесс идет полным ходом в современную эпоху.

И, разумеется, несправедливо даже в рамках Европейского Союза, когда его экономика, по сути дела, базируется лишь на труде граждан ФРГ, Франции и скандинавских монархий. Другие входящие в Европейский Союз государства играют, по сути дела, роль трупней. Видимо, данное противоречие является антагонистическим. Одним из проявлений этого противоречия является так называемый Brexit — выход Британии из Евросоюза, в котором она и без того пребывала на особых правах. Это событие позволило таким аналитикам, как Джордж Сорос, заявить о ближайшем распаде Евросоюза в целом и, как следствие, о существенном укреплении позиции России, превращающейся в мировую державу. Сорос заявил, что Евросоюз может рухнуть из-за миграционного кризиса и проблем в Греции.²⁰⁰

В-четвертых, именно на рубеже столетий необычайно обострились противоречия между финансовой мировой элитой США и национальными элитами других стран, между государствами и народами. Недаром Карл Маркс в великом труде «Капитал» цитировал английского публициста Томаса Джозефа Даннинга: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли — и капитал согласен на всякое применение: при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет

---

²⁰⁰ Сорос назвал Брексит концом Евросоюза [Электронный ресурс]. URL: <http://rueconomics.ru/178594-soros-nazval-breksit-koncom-evrosoyuza> (дата обращения: 19.08.2016).

такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы»²⁰¹.

Пока будет существовать капитализм, войны неизбежны, а следовательно, проблема военной безопасности будет актуальной для любой страны. Это убедительно доказал еще В.И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма»²⁰². Сейчас уже ясно, что Френсис Фукуяма поторопился объявить «конец истории», который должен был настать с торжеством либеральных идей²⁰³. Глобальный капитализм — это не «конец истории», это не постоянный мир, это — перманентная война. Но Фукуяма был прав в том, что он под новым углом рассмотрел многие мысли Маркса и пришел к выводу, что избыток потребления, воспринимавшийся ранее как локальное отклонение от нормы или временный перегиб, ныне превращается в основной принцип общественного бытия. Спекулятивное движение денег порождает еще больше денег. При современном капитализме избыточное потребление вещей становится правилом.

Видимо, о «конце истории» и о завершении эпохи войн говорить наивно еще и потому, что капитализм эпохи глобализации развивается, как бы постоянно занимая у будущего человечества. Называется некий момент «полного и окончательного расчета», который всё время откладывается на будущее. Это похоже на то, как МВФ постоянно реконструирует огромные долги стран второго и третьего мира, наивно полагая, что когда-нибудь в отдаленном будущем эти долги будут возвращены. Социальная напряженность может перерасти в военное противостояние, что мы можем наблюдать в некоторых «горячих точках» планеты.

Военная безопасность всегда была и будет ключевым фактором обеспечения политической и государственной стабильности любого государства. Как известно, на планете есть лишь одно государство, отказавшееся от собственных регулярных

---

²⁰¹ Цит. по: Маркс К. Капитал, гл. 24; примечание в конце п. 6. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. — С. 770.

²⁰² См.: Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полное собрание сочинений. Т. 27.

²⁰³ См.: Фукуяма Ф. Указ. соч.

воинских сил, — Коста-Рика в Центральной Америке, являющееся нейтральным с 1949 года. Видимо, поэтому это небольшое государство стало самой счастливой страной в мире по данным международного индекса счастья за 2012 год²⁰⁴.

Но то, что подходит для маленькой Коста-Рики, не годится для огромной России. Военная безопасность занимает ведущее место в структуре национальной безопасности российского государства с самых первых веков его существования. Не только В.О. Ключевский в своем «Курсе русской истории», С.М. Соловьёв в фундаментальной «Истории России с древнейших времен», то есть в выдающихся работах по истории Российского государства, но и русские религиозные мыслители В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев последовательно и убедительно в своих философских трудах отстаивали следующий тезис.

Дабы русский народ смог исторически выжить на огромной территории в условиях перманентного и нездорового интереса к природным богатствам страны со стороны соседей, он был принужден приветствовать и поддерживать создание мощного централизованного государства. Лишь такое государство могло действительно защищать национальные интересы, а для этого была потребна сильная и боеспособная армия. Следствием этого стало формирование в нашей стране особой патерналистской психологии, которая отличается психологической зависимостью подданного или гражданина от внешнего управляющего начала, будь то князь или барин, царь или Генеральный секретарь, чиновник или Президент. То есть подданный или гражданин государства привыкает следовать лишь руководящим указаниям и полностью лишается способности к самостоятельному мышлению.

Властные фигуры чаще всего воплощали собой государство, и если их деятельность отвечала логике исторического развития и национальным интересам страны, то этим фигурам — какими бы суровыми и жесткими ни были порой их действия — была обеспечена долгая историческая память. И, наоборот: если исторический деятель не оправдывал народных надежд и престиж государства — в совокупности с военной

---

²⁰⁴ Marks N., Abdallah S., Simms A., Thompson, S. et al. The Happy Planet Index // New Economics Foundation. — 2012. — P. 14.

мощью — падал, то в народной памяти таким фигурам была обеспечена недобрая память.

Не только перипетии пройденного исторического пути влияют на формирование характера нации. Отметим, что издревле мыслители отмечали важную роль климата в формировании национального характера, в том числе и таких его черт, как мужество, героизм и воинственность. Об этом писали еще Аристотель²⁰⁵ в IV веке до нашей эры, Шарль Луи Монтескье²⁰⁶ в XVIII столетии и Л.Н. Гумилёв в веке двадцатом²⁰⁷. Сам суровый российский климат, заставлявший людей зачастую не жить, а именно выживать на бескрайних просторах нашей страны, способствовал формированию коллективистских ценностей. А защита Отечества становилась именно одной из важнейших коллективистских ценностей. К тому же общинный тип ведения экономики, без которого нельзя было выжить в тяжелых природных условиях нашей страны, на долгие века определил основные черты национального характера и общественного идеала россиян.

Русская армия как главный фактор обеспечения военной безопасности нашей Родины имеет славные, идущие из глубины веков традиции, святость и крепость которых признавали не только друзья, но и враги. Талантливый военный, великий президент и неплохой писатель Шарль де Голль хорошо отзывался о славных традициях русской армии, на которые не могут повлиять смены политического режима: «26 ноября мы приземлились в Баку. На аэродроме, выслушав приветствия встречавших нас представителей советской власти, я принял рапорт почетного караула и наблюдал, как красиво — винтовки наперевес, с прекрасной выправкой, чеканя шаг — маршировала

---

²⁰⁵ См.: *Аристотель*. Афинская политика. Пер. С.И. Радцига. — М.; Л., 1936.

²⁰⁶ *Монтескье Ш.* О духе законов. — М.: Мысль, 1999.

²⁰⁷ *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд., испр. и доп. — Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1989.

рота почетного караула. Да, это была она — вечная русская армия»²⁰⁸.

Мы не будем освещать здесь исторически последовательно этапы сложной истории Российской армии, которая всегда являлась основным оплотом военной безопасности страны. Военная безопасность государства — это основополагающий фактор в целостной системе обеспечения национальной безопасности государства. Поэтому в современной России на протяжении последних десятилетий был принят ряд документов, посвященных национальной безопасности страны.

31 декабря 2015 года была утверждена новая Стратегия национальной безопасности. В ней отмечается, что деятельность России как одной из лидирующих держав должна быть «направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира». Сама констатация факта наличия полицентричного мира чрезвычайно важна для темы нашего исследования, ибо современный мир состоит из нескольких цивилизационно-культурных типов, находящихся в столкновении противостояния.

При этом в качестве национального интереса в стратегии определены «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития».

Новый документ пришел на смену существовавшей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, которая была утверждена Указом Президента от 12 мая 2009 года. В свою очередь, этот документ пришел на смену утратившей силу и актуальность существовавшей ранее Концепции национальной безопасности Российской Федерации.

В новой Стратегии национальной безопасности сама проблема военной безопасности совершенно справедливо увязывается с государственной и общественной безопасностью, повышением качества жизни российских граждан, экономическим ростом, развитием науки, образования, культуры и

---

²⁰⁸ Де Голль Ш. Военные мемуары. Т. 3. Спасение. 1944–1946. — М.: Астрель, 2003. — С. 69.

здравоохранения, экологией и рациональным природопользованием. Ведь само понятие «безопасность» является обобщающим и многоплановым, ибо 1) оно охватывает безопасность личности, государства и общества; 2) может подразделяться на национальную, региональную и глобальную безопасность; 3) в плане социальном может затрагивать экономическую, политическую, информационную, военную, экологическую и другие виды безопасности.

Военная безопасность в особой степени диалектически синтезирует в себе разнообразные аспекты внутренней и внешней безопасности. Отсутствие внешних угроз и опасностей для нашей Родины напрямую связано с ее экономической и политической мощью, с устойчивостью конституционного строя, целостностью России, политической и социальной стабильностью российского общества.

Стратегическое направление комплексного укрепления безопасности находит свое тактическое продолжение в разнообразных законодательных инициативах, скажем, во вновь принятом «законе Яровой», который вызвал в российском обществе столь оживленную дискуссию. Впрочем, ничего удивительного здесь нет. Как председатель профильного Комитета по безопасности и бывший прокурор Камчатского края, И.А. Яровая в своей деятельности инициатора законопроектов ориентируется на широкий спектр силовых структур, занимающихся вопросами комплексной безопасности государства. Представители этих структур приходят в Комитете по безопасности со своими запросами, нуждами и требованиями, каковые и оформляются в виде проектов законов.

Принятие новой Стратегии — чрезвычайно важное и актуальное политическое решение. Как известно, существовавшая Стратегия национальной безопасности подверглась критике — порой весьма резкой со стороны как широкой общественности, так и со стороны военных политологов.

В наиболее четком и ясном виде критика недостатков прежней Стратегии содержится, на наш взгляд, в статье доктора военных наук, член-корреспондента Российской академии ракетных и артиллерийских наук, первого вице-президента

Академии Геополитических Проблем К.В. Сивкова. Уже само название статьи отражает в полной мере позицию автора: «Стратегию национальной безопасности разрабатывали двоечники»²⁰⁹. Но создан и утвержден новый документ, в котором, на наш взгляд, учтена критика предыдущей стратегии и который — что самое главное — исходит из современных внутри- и внешнеполитических реалий.

Разумеется, любой программный документ, составленный в наше сложное и противоречивое время и рассчитанный на длительную перспективу, не будет целиком и полностью защищен от справедливой критики, ибо, во-первых, само совершенство недостижимо, а, во-вторых, современная политическая ситуация меняется быстро и причудливо, как в калейдоскопе. Прогнозы на длительный срок — дело неблагодарное, а порой и опасное. Тем не менее у каждого государства, стремящегося сохранить свою территориальную, социально-экономическую и культурную независимость, есть некие ценностные каркасы, которые остаются в основе своей неизменными на протяжении долгого социального времени. К такой ценностной основе относится и военная безопасность страны.

Россия была объявлена Б. Ельциным правопреемницей СССР, но от великого государства наша страна наследовала — увы — проблемы и долги, но не статус сверхдержавы. Наша страна перешла в разряд мировых, а по некоторым позициям — в разряд региональных держав. После предательского уничтожения СССР в геополитической ситуации на планете образовался экзистенциальный вакуум. Такой вакуум губителен как в физической, так и в социальной реальности — даже согласно третьему закону Ньютона. Равновесие сил было нарушено, и после 1991 года геополитическая реальность в мире стала меняться катастрофическим образом.

Логично понимать военную безопасность государства как некое качественное состояние, складывающееся из количественных факторов. Этими факторами могут быть степень защищенности традиционных национальных достояний и

---

²⁰⁹ Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/18483> (дата обращения: 19.04.2016).

ценностей, самих природных богатств нашей Родины от различного рода внешних и внутренних опасностей и угроз. Военная безопасность — качество защищенности от агрессии и получения значимого ущерба со стороны других государств.

Долгое время после уничтожения СССР Россия руководствовалась при проведении своей внешней политики печально известными словами бывшего министра иностранных дел А. Козырева о том, что нельзя стучать по столу одной рукой, а другой просить подаяние. Такая позиция не могла не привести как к количественным, так и к качественным негативным изменениям.

К унижительной слабости нашей страны призывали разнообразные правозащитники, а по сути — предатели Родины, наподобие Сергея Ковалёва, который еще в 2001 году возмущался появлением в политической реальности словосочетаний «управляемая демократия» и «информационная безопасность», которые он с ехидством назвал «интересными»²¹⁰. Такого рода правозащитники и прозападные либеральные идеологи наносят огромный ущерб военной безопасности нашей страны.

Говоря сегодня о проблемах военной безопасности, нельзя обойти вниманием проблемы геополитики. Саму геополитику трактуют по-разному, причем определения зависят от самых разнообразных факторов: от уровня патриотизма и образования до степени психического здоровья того или иного автора. Позволим привести здесь определение профессора В.А. Золотарёва, доктора исторических и юридических наук: «Под геополитикой понимается система научно обоснованных и официально принятых взглядов руководства одного государства или коалиции государств на их географическое положение и роль в мировом сообществе в политическом, экономическом, военном и других отношениях, реализуемых в практической деятельности с целью удержания ведущего положения в мире или регионе и обеспечения национальных и государственных интересов»²¹¹.

Немецкий исследователь Гайнц Брилл определяет геополитику как «геопространственные, внешнеполитические

---

²¹⁰ Галимова Н. Зеркало для державы // Московский комсомолец. — 2001. — 26 июня.

²¹¹ Золотарёв В.А. Указ. соч. — С. 8.

акты великих держав в контексте геостратегии»²¹². Брилл также отмечает, что геополитика — политическая интерпретация географических обстоятельств, она возникла из политической географии и первоначально находилась в оппозиции к ней²¹³.

В СССР геополитика, наряду с генетикой, кибернетикой и сравнительной лингвистикой, ошибочно рассматривалась как лженаука со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями для тех ученых, которые всё же имели смелость утверждать необходимость разрабатывать и учитывать созданные геополитические концепции. Советский Союз имел обширнейшие как сухопутные, так и морские границы. Отсюда геополитические интересы великой державы — признавали ли ее лидеры реальность таковых или нет — были весьма разнообразными, многоаспектными и требовали комплексной защиты, в том числе и прежде всего — военными средствами.

Геополитику часто характеризуют как удачный междисциплинарный термин, относящийся к социальным дисциплинам, а порой — навешивают на нее ярлык околонучного, идеологизированного неологизма, порожденного западноевропейским интеллектуализмом. Всё же думается, что статус геополитики как особого политолого-социологического подхода к изучению соотношения между географическим положением государств и их внешней политикой вряд ли целесообразно ныне подвергать сомнению.

Заслуживает внимания одно из последних исследований, увязывающих проблемы геополитики и безопасности страны, в том числе и безопасности военной. Это исследование Е.А. Ходаковского «Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе геочивилизационных взаимодействий Запада и Востока» (2010)²¹⁴, в котором автор дает

---

²¹² Brill H. Geopolitische Analysen. Beiträge zur deutschen und internationalen Sicherheitspolitik (1974–2008). 2. Auflage. — Biblio-Verlag, Bissendorf, 2008. — S. 21.

²¹³ Ibid. — S. 19.

²¹⁴ Ходаковский Е.А. Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе геочивилизационных взаимодействий Запада и Востока: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. — М., 2010.

целостное рассмотрение основных угроз военной безопасности, существующих для России.

Несмотря на то, что официально в СССР геополитика подвергалась остракизму, лидеры великого и могучего в военном отношении государства не могли не уделять ей внимания. По сути, именно геополитическую концепцию развернул И.В. Сталин в разговоре с В.М. Молотовым незадолго после окончания Второй мировой войны. Об этом вспоминает сам министр иностранных дел СССР: «После войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах. Он приколот ее кнопками на стену. “Посмотрим, что у нас получилось: на Севере у нас всё в порядке. Финляндия очень перед нами провинилась, и мы отодвинули ее границу от Ленинграда, Прибалтика — эта исконная русская земля — снова наша, белорусы у нас теперь все, украинцы тоже, молдаване тоже вместе. И так, на западе у нас всё нормально”. И он перешел к восточным границам. “Что у нас здесь? Курильские острова наши, Сахалин полностью... Посмотрите, как хорошо — и Порт-Артур наш!”. Он провел трубкой по Китаю: “Китай, Монголия — всё в порядке. А вот здесь граница мне совсем не нравится, — сказал Сталин и показал южнее Кавказа. — Дарданеллы... Есть у нас претензии и на турецкие земли... и Ливию”»²¹⁵.

Вот так великий вождь великого государства, заботясь о державном величии страны, оценивал геополитическую обстановку в мире и ставил новые внешнеполитические задачи для укрепления военной безопасности России. Увы, жалкие наследники Сталина лишь разрушали всё то, что с таким трудом было им создано. Н.С. Хрущёв уже в 1954 году отдал китайцам Порт-Артур, а уж о предательстве национальных интересов Горбачёвым и Шеварднадзе невозможно вспоминать без гнева.

Невольно вспоминаются слова А.С. Пушкина о преемниках Петра Первого из его «Заметок об истории XVIII века»: «Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всём, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше его собственной

---

²¹⁵ Цит. по: Радзинский Э.С. И.В. Сталин. Жизнь и смерть. — М.: Вагриус, 2003. — С. 559.

образованности, и добро производилось не нарочно, между тем как азиатское невежество царило при дворе»²¹⁶. Эту жесткую, но справедливую характеристику в полной мере можно приложить и к жалким «наследникам» великого Сталина, который, не имея ни капли русской крови, смог достойно выразить и отстаивать державные интересы русского народа. В этом Сталин схож с другим великим государственным деятелем — Екатериной Второй, немкой по крови, сделавшей для России несказанно больше, чем последний по крови русский царь — Пётр Алексеевич Романов, называемый Великим.

Именно геополитические концепции широко применяются в информационной политике. Геополитику часто использовали для обоснования шовинистических и милитаристических интенций во внутренней и внешней политике. Еще Аристотель, автор самого термина «политика», сравнивал государственный организм с человеческим, ибо развитие этого организма проходит стадии рождения, младенчества, юности, зрелости и старости.

Государственные организмы — как живые люди, они динамичны. Покой приносит лишь смерть. Им противопоказана статика, границы «душат» государства. Поэтому движение необходимо, а движение — это война. Собственно, Аристотель впервые философски обосновал концепцию «справедливых» и «несправедливых» войн. Но схожие идеи были неотъемлемой частью древнегреческой культуры, и это наиболее отчетливо выражено еще в «Истории Пелопоннесской войны», написанной Фукидидом²¹⁷. Войну в целом греки рассматривали как неотъемлемую часть политики.

Спустя столетия эти мысли на новом качественном уровне были развиты в трудах англичанина Хэлфорда Джона Маккиндера²¹⁸ и немецкого генерала, считающегося одним из основателей общества Туле (Thule-Gesellschaft), профессора Карла

---

²¹⁶ Пушкин А.С. Собрание сочинений в одном томе под редакцией Б. Томашевского. — М.: Имидж, 1993. — С. 679.

²¹⁷ См.: Фукидид. История / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Отв. ред. Я.М. Боровский. (Серия «Литературные памятники»). — Л.: Наука, 1981.

²¹⁸ См.: Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. — New York, Washington, DC: National Defence University Press, 1996.

Гаусхофера²¹⁹. Маккиндер и Гаусхофер использовали некоторые идеи американского адмирала Альфреда Тайера Мэхэна, признающего подлинным основателем геополитики как таковой. Хотя в научной литературе можно встретить мнение, что само понятие ввел в западноевропейскую интеллектуальную традицию шведский ученый и политик Рудольф Кьеллен в своем труде «Государство как форма жизни»²²⁰.

Кьеллен считал, что с точки зрения геополитики есть три основных фактора, которые оказывают влияние на положение государства. Эти факторы — расширение, территориальная монолитность и свобода передвижения. Кьеллен вычленил геополитику как один из ведущих элементов политики, понимаемой как многоаспектный, многоуровневый и направляемый процесс. Именно Кьеллен, переосмыслив теоретически опыт колониальных войн XIX столетия, создал концепцию «жизненного пространства», утверждавшую необходимость войны для нормальной жизнедеятельности государственного организма.

Адмирал Мэхэн развивал концепцию *Sea Power*, согласно которой завоевание господства на море признавалось основным законом войны и главной ее целью, достижение которой гарантирует победу над врагом и обретение мирового господства²²¹. Адмирал призывал к борьбе англосаксонской расы со славянской, поэтому призывал сдавить Россию железным кольцом государств, обладающих «морской силой».

Адмирал постулировал существование вечного противоречия между сухопутными и морскими державами и выделял то обстоятельство, что лишь всеохватный контроль над океанскими и морскими коммуникациями и крупными портами

---

²¹⁹ См.: *Haushofer K.E.* Geopolitische Grundlagen. Industrieverlag Spaeth & Linde. — Berlin, Wien. 1939.

²²⁰ См.: *Kjellén J.R.* Der Staat als Lebensform. — Leipzig, 1917.

²²¹ См.: *Mahan A.T.* The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. — Cambridge University Press, 2010; *Mahan A.T.* Influence of sea power upon the French Revolution and Empire, 1793–1812. — London: “Sampson Low, Marston and Company”, 1892.

способен привести к долговременному геополитическому доминированию государства в мире. Мэхэн считал Россию сухопутной, континентальной державой, которую нужно сдерживать совместными силами США и держав, обладающих «морской мощью». Теперь, когда после гибели СССР как исторической России наша страна обладает лишь 4/5 своей бывшей территории и утратила былое величие морской державы, многие идеи Мэхэна, к сожалению, оказались реализованными.

Как и Мэхэн, Хэлфорд Маккиндер в своих трудах призывал сдерживать Россию путем постоянного военного давления на нашу Родину. Согласно концепции Маккиндера, Россия занимает самое выгодное географическое положение между Европой и Азией, то есть срединное, центральное положение. Этому должны всячески противодействовать другие государства планеты. Но если смотреть с планетарной точки зрения, то в центре обитаемого мира находится Евразийский континент, в центре которого лежит heartland, «сердце мира». «Heartland» — это самый удобный географический плацдарм для контроля над всей планетой, ибо этот плацдарм через систему концентрических кругов организует иерархию планетарного пространства. В самом его центре находится «осевой ареал» (pivot area). Это геополитическое понятие географически совпадает с Россией, вызывавшей особую ненависть у Мэхэна и Маккиндера.

То, что само понятие «геополитика» напрямую связано с проблемой военной безопасности, не требует особых доказательств. Геополитические концепции в той или иной степени всегда служили обоснованием возможной военной, социально-экономической или культурной экспансии. Это явственно видно и сегодня. Еще в 1990 году французский генерал Пьер Галлуа издал книгу «Geopolitique. Les voies de la puissance»²²² (Геополитика. Истоки могущества). Там он не только дает свое теоретическое видение геополитики и основных периодов ее истории, но и убедительно доказывает, что геополитика вовсе не тождественна географическому детерминизму и политической географии. Галлуа отмечает, что потенциал государства

---

²²² Gallois P.M. Géopolitique, les voies de la puissance. — Paris: Plon, 1990.

определяется его территорией, географическим расположением, населением, протяженностью и конфигурацией границ, состоянием недр и прочими факторами. При определении потенциала государства непременно должны приниматься в расчет наличие или отсутствие новейших средств массового уничтожения противника.

Видимо, отличия современных концепций геополитики от ее классических интерпретаций определяются тем, что в современную эпоху провозглашается ведущая значимость материальных, социальных и моральных ресурсов государства, взятых в их совокупности. Эта совокупность факторов часто именуется «геополитическим потенциалом». Не только активное использование этого потенциала, но порой само его наличие достаточно для успешного осуществления тех или иных внешнеполитических приоритетов.

Нам представляется, что ушедший XX век в геополитическом плане был столетием борьбы за мировое господство, которую вели между собой государства или союзы государств, движимые различными идеологическими устремлениями. И идеологии порой придавался статус науки, как это было с марксистской философией в СССР. Собственно, мир в первой половине XX века стал ареной противостояния (в том числе и военного) трех основных субъектов, ориентированных на победу в глобальном, мировом масштабе. Эти три субъекта суть национал-социалистическая Германия и ее союзники; Советский Союз и мировой лагерь социализма; англо-саксонский блок государств.

Национал-социалистическая Германия, потерпевшая сокрушительное военное поражение, в геополитическом плане стремилась к расширению «жизненного пространства» и обеспечению счастья, то есть социализма, лишь для одной нации. Идеологи рейха пытались сортировать нации и народы, ориентируясь на степень приближенности к арийскому эталону. Причем это стремление к расовой чистоте и совершенству сочеталось с идеей ликвидации недоразвитых этносов и ущемления их прав.

Социалистический Советский Союз все семь десятков лет своего существования был ведóm догмой об особом мессианском пути и избранности одного общественного слоя — пролетариата, союзником которого выступает беднейшее крестьянство. Ленин не скрывал, что конечная цель Октябрьской революции — осуществление мировой революции, особого рода геополитической экспансии. Ленин отводил самой России лишь роль экспериментальной площадки для реализации теории и практики мировой революции. И лишь Сталин соединил традиционный русский патриотизм с практической реализацией идеи построения великой Империи социализма, в которой проблеме военной безопасности уделялось самое пристальное внимание.

К сожалению, в СССР в жизнь проводилась особая практика «социального расизма», вылившаяся в геноцид классово чуждых слоев общества. Сама идея военной безопасности увязывалась здесь с победой социалистических идеалов во всём мире, то есть с насильственным установлением всемирной Республики Советов. Как мечтал один из поэтов той эпохи: «Только советская нация будет, и только советской нации люди». С установлением Советской власти на всей планете исчезли бы войны как социальное явление. Эти идеи не могли не раздражать англо-саксонский мир, который в 30-е годы боялся ошибиться в выборе между Гитлером и Сталиным, которых боялся и ненавидел равным образом.

И всё же противоречивая коалиция, в саму возможность которой верили немногие, состоялась. Национал-социалистический Третий рейх оказался повергнутым совместными усилиями англо-саксонского мира и социалистического СССР. После Второй мировой войны оформился Англо-саксонский блок, цели которого явственнее всего сформулировал великий Уинстон Черчилль в своей речи в Фултоне 5 марта 1946 года²²³. В ней Черчилль констатировал, что Соединённые Штаты находятся на вершине всемирной мощи. Это

---

²²³ См.: Злобин Н.В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5 марта 1946 года // «Новая и новейшая история». — 2000. — № 2. — С. 156–169.

состояние он определил как торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и огромную ответственность перед будущим. Черчилль призвал к созданию коалиции народов, говорящих на английском языке, направленной на борьбу против складывающегося мирового социалистического лагеря.

Англо-саксонский мир руководствовался теорией, которая открыто и явно не провозглашалась, но в основу ее легла теория ранжирования стран мира по степени приобщенности к ценностям и идеалам «открытого общества» под планетарной эгидой США. Об этом хорошо написал Карл Поппер в своей объемной книге «Открытое общество и его враги»²²⁴. Крах нацистской Германии и нашей социалистической Родины сделал лишь более наглядными и очевидными стремления США ускорить процесс американизации всего мира. Это стремление стало особо рельефным на рубеже третьего тысячелетия и получило название «глобализация».

Глобализация во многом вызвала то современное состояние в мировой политике, которое целесообразнее всего характеризовать как противостояние цивилизаций. На Западе никто не отрицает тот факт, что между Западом, который как тип цивилизации нельзя представить без экспансионистских планов, и Россией издавна существует значительная напряженность. Эта напряженность неизбежна в отношениях между двумя разными цивилизациями. И напряженность эта диктует необходимость крепить обороноспособность государства и не забывать о военной безопасности как важнейшей составной части национальной безопасности в целом.

Ведь в современную эпоху войны зачастую характеризуются совершенно новыми чертами, отличными от войн предыдущих эпох даже войн минувшего XX столетия. Сегодня война ведется на уровне, отличающемся совершенно новым качеством. Этот уровень затрагивает, помимо самих вооруженных сил и разнообразных дипломатических сфер, области информационную, социально-культурную и мировоззренческую, не говоря уже о технологической сфере. Современные военные

---

²²⁴ Поппер К. Указ. соч.

действия в гораздо большей степени, чем прежде, затрагивают психологию и внутренний мир человека.

Современной войне присущи неоднозначность, динамичность, мультисубъектность и аритмичность. Одновременно с локальными проблемами часто затрагиваются интересы цивилизационные. Видимо, следует говорить о возникновении нового типа войн, которые можно охарактеризовать как многомерные нелинейные войны, ведущиеся в интересах того или иного цивилизационного типа. Современная война отличается выверенностью и согласованностью действий. Эти действия координируются по своим целям, задачам, месту и времени. Они образуют целостную систему информационно-пропагандистских и психологических действий, которые проводятся в течение длительного времени с активнейшим применением средств массовой информации, культуры, искусства и самых разнообразных, в том числе психотропных, средств.

Главным предметом поражения и уничтожения в такой войне за победу одного цивилизационного типа над другим становится человеческая психика. Часто теоретизируют о возможности войны без потерь, о «безопасной» войне. Разумеется, теоретизирование такого рода так же опасно, как и рассуждения об ограниченной ядерной войне.

Бесконтактная вооруженная борьба с помощью самых современных военных технологий и высокоточного оружия шестого поколения, по мнению теоретиков, призвана сделать невозможным гибель гражданского населения. С другой стороны, для победы в такой войне именно жизнь мирного населения предполагается сделать невыносимой, ибо именно на гражданское население будет направлен целый комплекс мер по морально-психологическому подавлению. Не только для армии противника, но и для мирного населения планируется создать несовместимые с жизнью условия, вызвать гуманитарную катастрофу и разрушить всю социальную и бытовую инфраструктуру государства-противника.

Действительно, государство, проигравшее информационно-психологическую войну, может представлять гораздо более привлекательный трофей, чем разрушенная и

испепеленная в ходе обычной войны страна. Ведь страна-победитель, сохранив ресурсы, армию и население проигравшего государства, впоследствии может применить против своих геополитических противников все эти материальные ценности, исходя из собственных стратегических и тактических целей.

Война цивилизационного типа, то есть многомерное и нелинейное столкновение разных типов цивилизаций, отличается по своему временному измерению от предшествовавших войн. Такая война может тянуться долго. В наши дни военные политологи вновь вспомнили о так называемой «тактике салями», разговоры о которой велись в 70-80-е годы в последний всплеск «холодной войны». Суть такого рода тактики — в том, чтобы одерживать мелкие локальные победы, каждая из которых является завершением небольшого конфликта. Возникновение этого конфликта само по себе не дает повода для начала крупномасштабных боевых действий, но его разрешение дает ощутимые выгоды той или иной стороне.

В упомянутые годы «холодной войны» страны Варшавского договора и СССР проводили сотысячные учения «Запад-81» или «Щит-82» с запуском баллистических ракет и военных спутников. Эти действия, по сути дела, были репетицией ядерной войны, поэтому «Би-би-си» выпустила политическую ситуационную комедию «Да, премьер-министр», в которой теме возможной войны было уделено особое внимание. В одной из серий этой типично британской комедии была сцена, в которой военный советник премьер-министра Великобритании объясняет главе кабинета, почему ядерное сдерживание не сработает, если СССР будет применять «тактику салями». Эта тактика довольно сильно напоминает то, что сейчас называют «гибридной войной».

В этом фильме советник задается вопросом: что произойдет, если СССР не будет применять ядерное оружие или завоевывать Европу мощными танковыми бросками, а вместо этого станет действовать как искусный повар, отрезающий тонкие ломтики салями? Что, если противник будет совершать небольшие враждебные акции, каждая из которых не будет основанием для нанесения ядерного удара? Ведь нельзя же будет запустить ракеты с ядерными боеголовками, если пожарная служба ГДР поможет

потушить пожар в Западном Берлине? А если затем полиция ГДР войдет в Западный Берлин, чтобы помочь справиться с массовыми беспорядками? А если на смену полиции придет армия ГДР? А затем и советская армия?

Сегодня в связи с последними событиями на международной арене, связанными с присоединением Крыма и возросшей активностью России по воссозданию «Русского мира», на Западе вновь вспомнили о такой тактике. В апреле 2016 года, в самый первый день работы саммита НАТО в Варшаве, была принята совместная декларация по безопасности, которую подписали главы Европейского Совета, Еврокомиссии и НАТО. В первом же пункте этого документа говорится о противостоянии гибридным угрозам. Россия не упоминается в этой декларации, хотя о том факте, что военная активность со стороны Москвы является одной из главных угроз для НАТО, на Западе теперь декларируют открыто.

Теперь на Западе опасаются, что Россия может вступить за честь и достоинство русскоязычного населения в Прибалтике. Наши соотечественники в Литве, Латвии и Эстонии за прошедшие четверть века всячески третировались, и права их систематически и планомерно ущемлялись. На Западе сквозь пальцы смотрят на издевательства над русскими ветеранами и глумлением над русской культурой, но зато толерантно относятся к бывшим эсэсовцам и «лесным братьям». 19 апреля 2016 года в британском парламенте выступил эксперт Института государственного строительства Дэвид Кларк, выступление которого очень походило на речь научного советника из фильма «Би-би-си». Вновь была поднята проблема коллективной безопасности, а главным вопросом оказался: когда нужно начинать противостоять России военной силой?

Кларк сказал: «Я отнюдь не уверен, что в НАТО осознают, в какой момент нужно запускать механизм статьи о коллективной безопасности. Существует опасность того, что ее решатся запустить тогда, когда вмешаться будет уже не так просто. И когда НАТО начнет пересматривать свою стратегию, то этой организации нужно будет точно понять, как именно она будет

реагировать на все эти формы ведения войны, далекие от использования обычных вооружений...»²²⁵.

На Западе политологи вновь изучают предположительные сценарии «русской агрессии». Будет ли рассматриваться в качестве русского вторжения появление ограниченного полицейского контингента из России, призванного защитить права и саму жизнь русских людей на территории Эстонии или Латвии?

Видимо, появление натовских сил быстрого реагирования в Польше, Латвии, Литве и Эстонии является частью плана подготовки НАТО именно к такому сценарию. Помимо усиления присутствия альянса в этом регионе страны НАТО рассматривают и другие возможности противодействия гибридным угрозам, причем это относится отнюдь не только к разведке.

Так, например, в составе британской армии образована бригада 77, которая занимается анализом и обработкой информации в самом широком смысле. В сферу интереса специалистов из этой бригады входят социальные сети и разнообразные средства массовой информации. В состав этой бригады включены самые разные специалисты, включая профессиональных этнологов, психологов и лингвистов.

В НАТО убеждены, что после внезапного воссоединения Крыма с Россией, а также после начала конфликта в традиционно тяготеющей к Москве Восточной Украине предсказать поведение России очень сложно. К тому же Россия недавно разместила на западном направлении большое количество войск, которые отрабатывают наступательные операции. Отсюда угроза ее соседям в Восточной Европе полагается очевидной, что в еще большей степени актуализирует проблему противостояния цивилизаций.

Итак, подведем итоги того, что было изложено в этой главе.

Во-первых, существует огромное количество трактовок сути войны и проблемы военной безопасности, наиболее значимые из которых были рассмотрены нами. Проблема эта будет всегда актуальной для любого государства, тем более в изменяющихся современных внешнеполитических условиях. Военную

---

²²⁵ The Times. — 2016. — April, 21.

безопасность России в условиях противостояния цивилизаций можно определить как особое состояние отношений между нашей страной и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других факторов, который призван исключить возможность Третьей мировой войны.

Во-вторых, нами были выявлены группы противоречий в межгосударственных отношениях, которые могут привести к нарушению военной безопасности и началу военных действий.

В-третьих, нами была проанализирована связь проблемы военной безопасности с геополитическими концепциями. Отличие современных концепций геополитики от ее классических интерпретаций определяется тем, что в современную эпоху провозглашается ведущая значимость материальных, социальных и моральных ресурсов государства, взятых в их совокупности. Эта совокупность факторов часто именуется «геополитическим потенциалом». Не только активное использование этого потенциала, но порой само его наличие достаточно для успешного осуществления тех или иных внешнеполитических приоритетов.

В-четвертых, стремление США ускорить процесс американизации всего мира стало особо рельефным на рубеже третьего тысячелетия и получило название «глобализация». Именно глобализация во многом вызвала то современное состояние в мировой политике, которое целесообразнее всего характеризовать как противостояние цивилизаций, напрямую угрожающее военной безопасности нашей Родины.

ГЛАВА 4

Информационная политика и военная безопасность в контексте эволюции общественного сознания

Ушедший в прошлое XX век был столетием невиданных ранее в человеческой истории социальных катаклизмов, которые изменили традиционные представления о многих казавшихся незыблемыми константах социального и индивидуального человеческого бытия. Изменились представления и о грозящих человечеству опасностях. В связи с этим И.В. Радиков пишет: «Качественно иную природу имеют опасности и угрозы, носящие социальный характер. К ним отнесем проблему новой бедности, демографические угрозы, энергетические и экологические опасности, агрессивный этнонационализм и сепаратизм, ведущие в ряде случаев к развязыванию вооруженных конфликтов, распространение ядерного оружия, расплзающийся терроризм. Эти и другие угрозы и опасности присущи как глобальному, так и региональному и локальному уровням»²²⁶.

Политическая карта мира перекраивалась за XX столетие неоднократно — причем коренным образом. Изменилось многое, в том числе и классические концепции войны и мира, сами представления о внутренней и внешней политике, все ведущие концепции международных отношений. Изменились понятия о добре и зле в морали, должном и сущем в социальном бытии. Как пишет политолог и социолог Энтони Гидденс, «мы живем сегодня в эпоху ошеломляющих социальных изменений, отмеченных трансформациями, которые радикально отличаются от трансформаций прежних периодов»²²⁷.

Подверглось существенным переменам и само понятие «средства массовой информации», которые в XX столетии вследствие возросшего влияния на массовое сознание и сами общественные процессы всё чаще стали именовать «четвертой властью». Действительно, если понимать под властью

---

²²⁶ Радиков И.В. Национальная безопасность как главный национальный проект России... С. 64.

²²⁷ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: Весь мир, 2004. — С. 15.

«способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии»²²⁸, становится понятным правомерность такого сравнения. И влияние этой власти как на массовое сознание, так и на индивидуальную психологию не всегда было положительным, но носило зачастую сугубо деструктивный характер.

Во вновь принятой Стратегии национальной безопасности констатируется: «Всё большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории»²²⁹.

Поэтому в современной России деятельность средств массовой информации постепенно начинает всё в большей степени контролироваться государством как аппаратом насилия и принуждения. С одной стороны, в Конституции зафиксированы права на свободу слова, печати, выражения своего мнения, но с другой стороны, «на войне — как на войне». В этой главе мы определим наиболее общие, основные связи между информационной политикой России и уровнем военной безопасности нашей страны на теоретико-методологическом уровне.

Взаимосвязь такого рода можно и нужно рассматривать, учитывая многообразие форм общественного сознания: право, мораль, религия, наука, искусство, политическое (идеологическое) сознание. Реальные политические процессы происходят в обществе, что не может не отражаться на общественно-политическом сознании этого общества. Причем реальная политика не только оказывает существенное влияние на общественное сознание, но и испытывает обоюдное воздействие.

---

²²⁸ *Шабурова О.В.* Власть // Социальная философия. Словарь. — М., 2004. — С. 49.

²²⁹ Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

Формируется особый «дух времени», специфическая философия эпохи, неизбежно включающая в себя комплекс политических представлений. Не случайно некоторые исследователи к формам общественного сознания относят и философию²³⁰. Политическая философия — важнейшая часть социальной философии, и на своем предметном уровне она во многом совпадает с теоретической политологией.

Политика, являясь формой общественного сознания, позволяет создать определенную картину происходящих социальных процессов, концептуально воспроизводимых в особого рода терминах. Политика не совпадает в своей сущности с понятиями «государство» и «власть», но генетически связана с ними. Государство через свои институты реализует индивидуальные и групповые интересы субъектов политического процесса. Власть является институтом, который придает законность системе доминирования, сложившейся в самом процессе политического взаимодействия.

Известные политологи и философы А.С. Панарин и В.В. Ильин в своей работе «Философия политики» отмечают, что власть конституируется правдой и заблуждением, пороком и пристрастием, достоинством и изъяном, предательством и любовью²³¹. Политика же занимается раскрытием разновеликих по интересам, позициям, векторам, типам, способам проявления внутри сообществ, между сообществами, сообществами и средой обитания. Политика приобретает форму культуры практического разума по реализации групповых интересов. Отсюда, видимо, не случайно еще Аристотель сближал политику с этикой, которая, по его мнению, должна быть ответственна за воспитание нравственно-добродетельных и рассудительных граждан.

Этика и мораль общества зависят от уровня культуры, который формируется в том числе и ответственной информационной политикой. Ложь в политике может привести к социальному коллапсу в государстве, оказав влияние на

---

²³⁰ Гобозов И.А. Социальная философия. Учебный словарь. — М.: Академический проект, 2008. — С. 327.

²³¹ Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. — М.: изд-во МГУ, 1994.

безопасность в целом. Макс Вебер считал, что господство в социуме опирается на веру — веру человека в авторитет рациональных правил, сакральность традиций, харизму или чудотворную одаренность политика. Но ложь и безответственность могут обратить в ничто самую мощную харизму.

Впоследствии Макс Вебер сблизил политику с нравственностью посредством разделения этики на два вида: этику убеждения и этику ответственности. Безнравственная политическая деятельность, основанная на убеждениях, лежит исключительно на совести того мира, который эти убеждения в нём воспитал. С другой стороны, такая деятельность полностью подсудна с точки зрения этики ответственности. Политик стоит перед судом не только своих современников, но и истории.

Отличие этики от политики заключается в том, что этика занята внутренней, а политика — внешней стороной оценки социальных и индивидуальных интересов. Отсюда вполне оправданным представляется уподобление политики и этики, ибо политика является сферой синтеза теоретического и практического разума. Если мы удалим этику из политики, то тем самым уничтожим основания, на которых основывается государственное общежитие граждан. Да, политика порой является делом грязным. Политика — это не «чистая», абстрактная, но вполне заинтересованная, практическая деятельность. Эта деятельность имеет в своей основе принципы, субъективированные интересам отдельных индивидов и групп.

Взаимосвязь информационной политики и военной безопасности отражается на всех формах общественного сознания напрямую или опосредованно. Это влияние зависит от целого комплекса причин, среди которых важнейшими являются сами исторические условия, сама историческая эпоха. Любую историческую эпоху можно рассматривать как определенный отрезок всемирной истории, который определяется объективными, универсальными, сущностными чертами данного исторического периода.

Историческая эпоха воздействует на формы общественного сознания, но и формы общественного сознания формируют облик

исторической эпохи. Здесь наблюдается активнейшее взаимное и диалектическое воздействие. Сама политика в предельно широком ее понимании является формой общественного сознания и оказывает влияние на существование и динамику других модификаций общественного сознания. Формы общественного сознания можно понимать как духовные сферы, на которые оказывает первостепенное воздействие **экономика** — определенный тип хозяйственных отношений, существующих в обществе.

Экономика в марксизме, который долгое время признавался в нашей стране в качестве светской религии, рассматривается как базис любого общества, воздействующий на все формы общественного сознания. В этом утверждении есть рациональное зерно, но следует учитывать и влияние самих надстроечных сфер на базис. Порой средствами политики, входящей с точки зрения марксизма в область надстроечных явлений, оказывается существенное воздействие на экономику общества, что приводит к печальным последствиям. Например, политика горбачевской «перестройки» привела к разрушению и уничтожению социалистической плановой экономики великого государства и к его гибели.

Поэтому бездумно следовать по пути марксистского экономического детерминизма не следует, но и нецелесообразно забывать о ведущей роли экономических факторов в жизни современного общества, в том числе о громадном влиянии экономических процессов на степень военной безопасности страны. Начиная с античности, именно войны двигали экономику вперед, а в ушедшем XX столетии для Соединённых Штатов Америки две страшные мировые войны послужили толчком для невиданного экономического роста и процветания.

Экономика была, есть и будет. Она исчезнет лишь тогда, когда вымрет человечество. Но любая экономика — слепок общества. И кризис отечественной экономики невозможно рассматривать вне структурного кризиса российского общества, являющегося частью мирового экономического кризиса, который поразил планету осенью 2008 года и развивается и ныне. Но вызревал этот кризис гораздо раньше. Кризис экономики

напрямую связан с кризисом науки, политики, морали и других форм общественного сознания.

Глобализация по-американски нацелена на то, чтобы в третье тысячелетие Россия вступила в качестве бесправной резервации, чье население обречено на уничтожение. Лишь в последнее время Россия начала политику активного противостояния негативному воздействию глобализации, в том числе и в сфере обеспечения военной безопасности. Но сам процесс укрепления военной мощи страны сталкивается со значительными экономическими трудностями.

Распад Советского Союза оказал крайне негативное влияние на экономику бывших союзных республик, в том числе и на экономику России как правопреемницы Советского Союза. Разумеется, обречено было российское рентабельное предприятие, которое, например, производило комплектующие для приборов и автоматов, которые собирались в Вильнюсе или Риге. Поэтому в экономическом коллапсе, поразившем нашу Родину, есть как объективные, так и субъективные причины. Но в целом экономическая политика 90-х годов была неудачной и антипатриотичной. Хотя невиданные ранее темпы инфляции снизились после развала СССР, роста инвестиций не произошло. Процесс модернизации экономики не был начат. В особо тяжелом положении оказалась военная промышленность, от которой напрямую зависит безопасность страны. Само государство, осуществляя в 90-е годы весьма сомнительные методы противодействия инфляции, стало крупнейшим нарушителем финансовых обязательств.

Сейчас современная экономика России вынуждена расплачиваться на просчеты прошлых лет. Вступление нашей страны в ВТО оказалось ошибочным шагом. За четыре года нахождения в составе этой организации бюджет страны лишился 800 млрд рублей. Косвенные же потери экономисты оценивают в 4 трлн²³². Разумеется, России такая обуза не нужна, особенно после введения Западом экономических санкций.

---

²³² Десять шагов к достойной жизни. Предвыборная программа КППФ. Официальный сайт КППФ [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/157005.html> (дата обращения: 02.09.2016).

На военную безопасность влияет уровень развития экономики в целом, всех ее отраслей, в том числе и процессы, происходящие в едином экономическом пространстве. И здесь велика роль грамотной информационной политики, которая призвана освещать и подчеркивать имеющиеся место позитивные изменения и достижения. Значительную роль сыграл Указ Президента РФ от 10.09.2014 № 627 «О военно-промышленной комиссии Российской Федерации»²³³. Трудно переоценить положительное значение специальных журналов и других средств массовой информации, например периодического издания «Оборона России».

Экономисты давно сетуют на то, что российская экономика до сих пор сырьевая. Наша страна занимает в мире 95-е место по уровню развития экономики. Лишь 16% в структуре ВВП приходится на долю обрабатывающей промышленности. В той же Германии эта доля — 83%. Не случайно, недруги России награждают нашу страну статусом сырьевой колонии. В 2008 году доля нефти, газа, электроэнергии и металла в экспорте составила 83% (в 1970 году эта доля была 35,2%)²³⁴. Мы продаем на Запад нефть высочайшего качества, но не имеем современного оборудования для ее переработки. С 1999 по 2004 год Россия удвоила экспорт нефти. Более двух третей нефти идет на экспорт. Доля для внутреннего рынка снизилась в 3,5 раза²³⁵.

По итогам 2015 года объем вывоза нефти из России составил 241,8 млн тонн²³⁶. Производительность труда в нефтедобыче упала в 4 раза, месторождения истощены хищнической эксплуатацией²³⁷. В России цены на бензин такие же,

---

²³³ Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

²³⁴ Götze R. Russlands Öl und Europa // Friedrich-Ebert-Stiftung, Internationale Politikanalyse. Juli 2006.

²³⁵ Heinrich H.G. Russland unter Putin: Kontinuität und Wandel. In: Osteuropa-Wirtschaft. — Stuttgart: Dezember 2004.

²³⁶ Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://minenergo.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2016).

²³⁷ Heinrich H.G. Op. cit.

как в странах, где нефти нет, тарифы на электроэнергию выше, чем в странах, импортирующих топливо. Российский экспорт всех углеводородов (сырой нефти, газа и нефтепродуктов) за 2015 год составил \$203,323 млрд²³⁸.

Согласно статистике, весь экспорт из России в долларовом эквиваленте в конце 2015 года был снижен на 31,1% (по сравнению с 2014 годом) и составил \$345,9 млрд. Причиной этого является падение цен на нефть. Так, если в январе 2014 года баррель нефти Brent стоил примерно \$107, в январе 2015-го — \$50, а в январе 2016-го — уже \$34. Российскому руководству удалось нивелировать провал за счет увеличения добычи и производства нефтепродуктов. Иначе потери были бы больше.

Кроме этого, Россия стала наращивать производство нефтепродуктов, т. е. экспортировать не только сырьё, но и готовую продукцию. Доля нефти и газа составляет почти 70% от всего экспорта России.

Здесь мы не будем вдаваться в сугубо экономические тонкости, но отметим ряд современных российских реалий. В современной России большинство товаров или импортные, или квазиимпортные. Голландскую картошку сажают в российскую землю, обрабатывают удобрениями из Польши, вспахивают техникой из США, а убирают силами таджиков. Можно ли назвать такой картофель российским? Получается, что отечественного производства нет вообще. Это — одно из следствий пагубного пренебрежения экономическими законами и бездумного следования в фарватере Запада и американской глобализации в годы рыночных реформ.

К сожалению, в ельцинские годы была создана система налогообложения, служащая для удовлетворения интересов олигархов и нечистоплотных чиновников. Пресловутый НДС

---

²³⁸ Информационно-аналитическая служба КПЕ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kpe.ru/sobytiya-i-mneniya/spravochnye-materialy> (дата обращения: 17.06.2016)

²³⁸ Федеральный образовательный портал ЭСМ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/06/23/0000163134/002Gordon.pdf> (дата обращения: 15.01.2016).

приводит к удорожанию отечественной продукции, лишает ее конкурентоспособности и провоцирует инфляцию. Отнюдь не случайно такой налог отсутствовал в СССР. Нет его и в современных США.

В прессе и на интернет-сайтах порой встречаются утверждения, что вся экономика РФ не больше экономики одного американского штата Техас²³⁹. Но именно в последнее время вследствие введения экономических санкций против России начался рост отечественного производства, прежде всего продуктов питания. Однако до полной продовольственной независимости России еще далеко, ибо такая независимость в полном объеме подразумевает и то, что сельскохозяйственная техника должна производиться в самой стране, а не закупаться за границей.

По аргументированному мнению заместителя руководителя Центра сравнительных политических и экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН. Л.А. Гордона, за годы осуществления рыночных реформ 1990-х годов реальные доходы населения России снизились более чем в два раза до показателей 60–70-х годов. Одновременно произошло ухудшение большинства показателей уровня и качества жизни²⁴⁰.

Реальные доходы населения в ушедшем 2015 году снизились на 9%. «ВТБ Капитал» приводит данные, что граждане России расходуют 50–55% семейного бюджета на покупку продуктов. По данным Росстата, в октябре 2015 года реальная зарплата среднего россиянина сократилась на 10,9%²⁴¹.

---

²³⁹ Интернет-ресурс [Электронный ресурс]. URL: <http://nikolay-istomin.livejournal.com> (дата обращения: 16.01.2016).

²⁴⁰ Федеральный образовательный портал ЭСМ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/06/23/0000163134/002Gordon.pdf> (дата обращения: 15.01.2016).

²⁴¹ Федеральный образовательный портал ЭСМ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/06/23/0000163134/002Gordon.pdf> (дата обращения: 15.01.2016).

Одной из существенных проблем современного российского общества является большое различие в доходах граждан. Децильный коэффициент (по соотношению 10% самых богатых к 10% самых бедных) в современной России составляет 45:1²⁴². Данные об этом коэффициенте противоречивы в разных источниках. По официальным данным, 10% наиболее обеспеченных граждан в 16,8 раза богаче 10% малоимущих. Реальная ситуация хуже: с учетом скрытых доходов, незаконной прибыли, коррупционных поборов разрыв может достигать 40–50 раз и более²⁴³.

Положение в нашей стране даже хуже, чем в Гондурасе (38:1) и в Нигерии (32:1), но лучше, чем в Зимбабве (80:1). Самый низкий децильный коэффициент наблюдается, разумеется, в скандинавских монархиях (4:1). Именно этот коэффициент четко разделяет страны на развитые и социально ориентированные, и на страны, у которых проблемы со справедливым распределением богатств. Эти факты статистики заставляют задуматься о многом, в том числе и об уровне социальной справедливости в современном российском обществе.

С осени 2015 года федеральные министры, депутаты и сенаторы получают более 400 тыс. руб. в месяц. Это в 13 раз превышает зарплату среднего россиянина. В Германии зарплата депутата больше средней по стране в два раза. В США — примерно в три раза. Одновременно с зарплатами депутатам и сенаторам повышаются пенсии — почти до 62 тыс. руб. в месяц²⁴⁴. Президент РФ Владимир Путин поручил уменьшить зарплаты сотрудников администрации президента на 10% на фоне

---

²⁴² Entwicklung des BIP Russlands: Deutsch-Russische Auslandshandelskammer (АНК): Russland in Zahlen Frühjahr 2015, abgerufen am 8. April 2015. — S. 32.

²⁴³ Экономика и жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eg-online.ru/article/275745> (дата обращения: 15.01.2016).

²⁴⁴ Там же.

продолжающегося кризиса и сокращений в силовых структурах и госаппаратах²⁴⁵.

Е.Н. Давыборец и И.В. Радиков отмечают: «В России на сегодняшний день слабо развиты промышленность и сельское хозяйство, являющиеся важным фактором экономического развития, высок уровень инфляции (6,2%), крайне нестабилен курс рубля, существует резкая поляризация доходов населения и многие другие нерешенные проблемы в экономической сфере. Такое положение дел, на наш взгляд, не соответствует культурному и интеллектуальному потенциалу России, а также богатым территориально-природным ресурсам, и негативным образом сказывается на восприятии России внутри государства и за рубежом»²⁴⁶.

Российское общество разобщено до крайности, а расслоение населения по доходам достигло своего предела. Среднего класса, схожего с тем, что есть на Западе, в нашей стране так и не сложилось. Представители высших слоев общества, то есть сверхбогатые, процветают, а большинство населения еле-еле сводит концы с концами. Возникает опасность, что люди перестанут быть единым народом в социальном смысле, а это — прямая угроза для военной безопасности страны и ее суверенитета. Народ может подвергнуться процессам распада, потеряв способность противостоять дезинтегрирующим силам. Русский народ уже начинает деградировать биологически, то есть сокращаться численно, утрачивать физическое и духовное здоровье. Таковы страшные реалии новой эпохи глобализации по-американски.

Глобализация как явление мировой экономики оказывает влияние на все формы общественного сознания. Но сами законы экономики приносятся в жертву сиюминутным политическим интересам — как в мире в целом, так и в России в частности.

---

²⁴⁵ Официальный сайт Президента Российской Федерации. Архив мероприятий [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47753> (дата обращения: 15.01.2016).

²⁴⁶ Давыборец Е.Н., Радиков И.В. Роль объективных факторов в формировании имиджа России // Вестник ЗабГУ. — 2015. — № 5 (120). — С. 69–70.

Примат политики над экономикой, а государства над обществом — существенная черта российской истории, которая так и не канула в Лету. Но ведь в экономике имеются определенные пропорции, а деньги — это не просто цветные бумажки, а производная экономических законов, пренебрежение которыми может дорого стоить. События недавней истории нашей страны доказывают это.

Министр экономического развития Российской Федерации Алексей Улюкаев сообщил, что по данным Росстата уровень инфляции в России в 2015 году составил 12,9%. Улюкаев отметил, что к концу января 2016 года уровень инфляции в годовом исчислении составит 10%²⁴⁷. И, видимо, это — не предел.

В период глобального структурного кризиса и противостояния цивилизаций информационная политика России должна быть направлена на укрепление стабильности внутри страны, а на внешнеполитическом уровне такая политика неизбежно будет принимать характерные черты информационной или идеологической войны. И все недостатки, просчеты и ошибки в экономической политике России будут лишь очередным козырем в руках врагов и противников нашей страны.

Поэтому в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», подписанной Президентом 31 декабря 2015 года, следующие экономические факторы названы в числе основных показателей, необходимых для оценки состояния национальной безопасности: валовой внутренний продукт на душу населения; децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения и 10% наименее обеспеченного населения); уровень инфляции; уровень безработицы²⁴⁸. Напрямую с этими экономическими показателями связан и важнейший, на наш взгляд, показатель состояния национальной, в том числе и военной, безопасности — удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и

---

²⁴⁷ Информационное агентство Regnum. Архив новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2064924.html> (дата обращения: 18.01.2016).

²⁴⁸ Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rg.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств.

А такого рода удовлетворенность зависит не только от развития экономики, но и от грамотной информационной политики. Стоит отметить, что, несмотря на существенные экономические трудности, которые переживает ныне наша страна, в стране наблюдается невиданный ранее уровень поддержки В.В. Путина. Как сообщает Левада-Центр, в феврале 2015 года уровень поддержки деятельности В.В. Путина на посту президента Российской Федерации достиг 86%²⁴⁹. По данным ВЦИОМ, опубликованным в октябре 2015 года, рейтинг одобрения работы Владимира Путина составил 89,9%. Эти высокие показатели объясняются активной патриотической политикой Путина на внешней арене, прежде всего его четкой и бескомпромиссной позицией по наиболее существенным вопросам, касающимся национальной безопасности и престижа России. Ведь характерная черта русского народа — жертвовать настоящим в расчете и надежде на светлое будущее. Поэтому огромна роль патриотически ориентированной информационной и идеологической политики.

Развитие патриотизма — неперенное условие победы в информационной войне, да и в войне любого типа. Недаром великий сэр Артур Конан Дойл писал: «Только болван может воображать, будто если в мирное время приучить человека быть трусом, так тот на войне станет вести себя как лев»²⁵⁰. Действительно, учить быть патриотом во время самих боевых действий — преступно. Становление и развитие патриотизма как залога военной безопасности — одна из задач современной информационной политики. Патриотическое сознание как форма идеологии является важнейшей частью духовной сферы социального бытия. Такое сознание выступает залогом государственной устойчивости и военной мощи.

---

²⁴⁹ Рейтинг одобрения Владимира Путина вырос до 86 процентов // Российская газета. — 2015. — 26 февраля.

²⁵⁰ Дойл А.К. Собрание сочинений в 14 томах. Т. 14: Повести и рассказы разных лет; Публицистика / Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1998. — С. 498.

Основной внешней угрозой для России является современное расширение НАТО на восток. Главнейшая внутренняя угроза состоит в деятельности западной цивилизации по информационному воздействию на население России, в первую очередь на молодых граждан страны. Эта деятельность имеет целью подрыв вековых исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества. Это прекрасно понимали либералы эпохи перестройки и западники 90-х годов, проводившие предательскую космополитическую политику, целью которой было лишить молодежь культурных корней.

Некогда Чингиз Айтматов в своем романе «Буранный полустанок» («И дольше века длится день») поведал легенду о манкуртах — людях, лишенных памяти и обращенных завоевателями в рабов. Такой манкурт — просто животное, занятое удовлетворением своих физиологических потребностей. Либералы-предатели хотели превратить молодежь России в существ, занятых тоже по преимуществу удовлетворением своих материальных потребностей и начисто лишенных духовного начала, а потому столь схожих с такими манкуртами. И их деятельность, к сожалению, принесла определенные печальные плоды.

Степень бездуховности молодого поколения 90-х годов росла по нарастающей, и ныне приходится иметь дело уже со взрослыми людьми, у которых отсутствует патриотизм как стержневое качество гражданина. Грамотная современная информационная политика должна формировать патриотизм как у взрослых людей (а это неизмеримо трудно), так и прежде всего у подрастающего поколения. Именно всеобъемлющее противостояние внутренней угрозе бездуховности должно стать главной целью информационной политики России на современном этапе, ибо против нашей страны развязана масштабная информационная война.

В.А. Золотарёв пишет: «Информационная война — тема остросовременная. Выигрыш информационной войны является важнейшей предпосылкой победы на поле боя. В научный оборот вводится термин «информационная подготовка поля боя». Информационная политика должна обеспечивать мир,

стабильность и сдерживание; формулировать долговременные интересы и цели страны; объяснять декларируемые цели, совершенствовать силы государства и бороться с недостатками»²⁵¹.

Военные аналитики и политологи США весьма своевременно обратились к изучению различных аспектов соотношения информационной политики и военной безопасности страны. Еще в начале 1997 года комиссия Министерства обороны США по научным проблемам отметила, что вооруженным силам страны угрожает «электронный Пирл-Харбор»²⁵². На рубеже XX и XXI веков в США четко определили, что современная стратегия национальной безопасности должна учитывать угрозы, исходящие из сферы стратегической информационной войны.

Информационная война современного типа должна учитывать, что в современной России до сего дня сталкиваются и борются между собой две стратегические концепции общественного устройства. Первую из них можно назвать либерально-индивидуалистической, ибо она выражает представления и взгляды ориентированной на западные ценности властных кругов бизнес-элиты и верхушки российской творческой интеллигенции. Вторую можно обозначить как коллективистско-патерналистскую, ибо она отражает мировоззрение и мироощущение народа, в том числе и патриотически ориентированных политиков. И по сей день наблюдается существенный разрыв в едином информационно-коммуникативном пространстве нашей страны. Разрыв этот возникает вследствие того, что каждая из идей провоцирует создание автономного информационно-коммуникативного пространства. Всё это не позволяет государству и обществу полноценно функционировать и развиваться.

По мнению автора, для народов России и в первую очередь русских как государствообразующего этноса **основной причиной экономического кризиса**, неизбежно повлекшего за собой демографический коллапс, являются **духовные и информационные факторы**. Отсюда ныне со всей возможной

---

²⁵¹ Золотарёв В.А. Указ. соч. — С. 160.

²⁵² Там же. — С. 162.

остротой встает вопрос о выработке принципов формирования и механизмов реализации патриотической государственной информационной политики, одной из функций которой будет снижение негативного информационного воздействия на психику отдельного человека и духовное здоровье общества в целом.

Видимо, СССР не рухнул бы и современная Россия не столкнулась с таким комплексом сложнейших проблем, если бы не такое огромное количество национальных предателей, появившихся в нашей стране. Для них Россия никогда не была Родиной, они презрительно называли ее «эта страна», но обогащаться и «делать деньги» предпочитали именно в России. Несть числа этим людям: «прораб перестройки» Александр Яковлев, клеветник и ненавистник советской истории Николай Сванидзе, «гражданин мира» Владимир Познер, правозащитник и русофоб Сергей Ковалёв и прочие «властители дум» либеральной интеллигенции, ориентированной на западные интеллектуальные и поведенческие традиции.

Все они зародились и функционировали в среде политической, интеллектуальной и творческой элиты советского и российского общества. Знаменем их была одиозная фигура академика Андрея Сахарова, проделавшего под влиянием своей второй жены, сионистки Елены Боннэр, позорный путь от убежденного коммуниста до ярого врага социалистического Отечества. Русский патриот Сахаров стал сионистом. Об этом хорошо написал Сергей Кара-Мурза в вышедшей в 1997 году книге «Интеллигенция на пепелище России»²⁵³, прекрасно показав деструктивную роль радикальной западной интеллигенции в событиях российской истории.

Общеизвестно, что термин «интеллигенция» был введен в 60-е годы XIX века писателем П. Боборькиным. Многие исследователи задавались и задаются вопросом: зачем нужно было изобретать новый термин для обозначения людей умственного труда, которые именно в то время стали в большом количестве появляться в России? Ведь на столь любимом антипатриотами Западе специального слова «интеллигенция» нет. Немцы,

---

²⁵³ *Кара-Мурза С.Г.* Интеллигенция на пепелище России. — М.: Былина, 1997.

например, для обозначения людей умственного труда используют слово *die Intellektuellen*.

Министр внутренних дел Плеве, которого впоследствии уничтожили фанатики-террористы, однажды сказал камергеру Любимову: «Та часть нашей общественности, в общечитии именуемая русской интеллигенцией, имеет одну, преимущественно ей присущую особенность: она принципиально и притом восторженно воспринимает всякую идею, всякий факт, даже слух, направленные к дискредитации государственной, а также духовно-православной власти, ко всему же остальному в жизни страны она индифферентна»²⁵⁴.

Уже после гибели Плеве, в 1912 году, военный историк, генерал-майор Генерального штаба Е.И. Мартынов метко заметил: «Попробуйте задать нашим интеллигентам вопросы: что такое война, патриотизм, армия, военная специальность, воинская доблесть? Девяносто из ста ответят вам: война — преступление, патриотизм — пережиток старины, армия — главный тормоз прогресса, военная специальность — позорное ремесло, воинская доблесть — проявление глупости и зверства...»²⁵⁵ И ведь процитированные выше слова и ныне подходят к определенной части отечественной интеллигенции.

За прошедшее столетие во взглядах нашей интеллигенции мало что изменилось — суть ее некоторых представителей осталась такой же предательской, как и в 1905 году, когда русские интеллигенты посылали телеграммы японскому императору и поздравляли его с победой над Россией. Это трудно представить нормальному человеку, гражданину и патриоту, но предательская логика радикальной интеллигенции была проста: чем хуже для России, тем лучше для грядущей революции. Интересно, что подавляющая часть тосковавшей по потрясениям интеллигенции впоследствии сама сгорела в пламени революционного пожара.

Ф.М. Достоевский в своем пророческом романе «Бесы» недаром писал о «лакействе мысли», свойственном отечественной интеллигенции, особенно радикального толка. И это лакейство,

---

²⁵⁴ Цит. по: Бушков А.А. Красный монарх. Хроники великого и ужасного времени. — СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. — С. 81–82.

²⁵⁵ Там же.

низкопоклонство перед Западом никуда не исчезло, приняв в начале XXI столетия новые формы. Но неизменной осталась ненависть этой публики к России. Шатов в романе «Бесы» рассуждает о традиционной ненависти русской интеллигенции к своему Отечеству: «Ненависть тоже тут есть, — произнес он, помолчав с минуту, — они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм ввевшаяся...²⁵⁶»

Прав был умнейший Лев Николаевич Гумилёв, когда воскликнул в ответ на вопрос, интеллигент ли он: «Боже меня сохрани! Нынешняя интеллигенция — это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всём судят и совершенно не приемлют инакомыслия»²⁵⁷. Под этими словами великого ученого и интеллектуала может подписаться и сегодня любой мыслящий русский человек, любой интеллектуал, которому небезразлична судьба России.

Видимо, следует четко различать интеллектуалов (людей умственного труда, приносящих реальную пользу своей стране и ее гражданам), и интеллигентов (людей, настроенных антипатриотически, ненавидящих Россию и всячески радующихся ее неудачам). Именно к таким интеллигентам обратился президент Путин с призывом «не раскачивать лодку», потому что впереди у страны «много факторов неопределенности»²⁵⁸. Но, видимо, призыв этот, как и большинство аналогичных воззваний и призывов, не был услышан.

Как критическая масса бактерий может привести организм живого существа к тяжелому заболеванию и смерти, так и критическая масса предателей в состоянии привести любое общество к стагнации и гибели. История Римской империи служит подтверждением этому тезису. Но закономерно возникает вопрос:

²⁵⁶ Достоевский Ф.М. Идиот. Бесы. — М.: Эксмо, 2008. — С. 498.

²⁵⁷ Цит. по: Горохов П.А. «Ельциноиды»: портрет на фоне эпохи. — Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2008. — С. 342.

²⁵⁸ Российская газета. — 2011. — 25 ноября.

почему в одних обществах предатели уничтожаются и изгоняются, а в других всячески превозносятся и охраняются, вследствие чего умножаются и в конечном итоге захватывают политическую власть?

Здесь мы напрямую выходим на проблемы **морали** как важнейшей формы общественного сознания, которая влияет на взаимосвязь информационной политики России и военной безопасности страны. С одной стороны, мораль в политике не всегда уместна, а порой и вовсе противопоказана. С другой стороны, любая реальная политика должна пройти между Сциллой максимы Макиавелли о том, что цель оправдывает средства, и Харибдой афоризма Джорджа Герберта, согласно которому благими намерениями вымощена дорога в ад.

Моральное сознание связано с ценностями — как индивидуальными, так и коллективными. Этика тесно связана с аксиологией, влияние их друг на друга обоюдное. Мощь российского государства, его военная безопасность являются величайшей моральной ценностью как для общественного сознания, так и для индивидуального сознания каждого патриотически настроенного гражданина.

Любая информационная политика — смесь правды, полуправды и откровенной лжи. Но благая цель — военная безопасность государства — оправдывает возможную неправду в информационной политике российского государства и делает вопрос о моральной составляющей весьма и весьма аморфным. Недаром великий политик Уинстон Черчилль однажды сказал: «В военное время правда так драгоценна, что она всегда должна быть защищена ложью»²⁵⁹.

Скажем, в декабре 2013 года Путин сказал, что ни за что не введет российские войска в Крым: «Нам безразлично положение наших соотечественников. Но это совсем не значит, что мы собираемся махать шашкой и вводить войска. Это полная ерунда: ничего подобного нет и быть не может»²⁶⁰. Но уже 15 марта 2015

---

²⁵⁹ Churchill W.S. Never Give // The Best of Winston Churchill's Speeches. — London: Pimlico, 2013. — P. 457.

²⁶⁰ Официальный сайт Президента Российской Федерации. Пресс-конференция Владимира Путина 19 декабря 2013 года [Электронный

года Президент признался, что «для разоружения армии Украины в Крыму мы тайно перебросили пехотинцев и ГРУ»²⁶¹. Но всё это можно понять и оправдать, если помнить о благой и великой цели, которую преследовал Президент: воссоединение исконно русской территории с Россией. Хитрость в информационной политике не только дозволена, но и оправдана высокими целями. Она применялась, применяется и будет применяться в реальной политике.

Недаром 4 декабря 2014 года, выступая с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию, Владимир Путин упомянул «историческое воссоединение Крыма и Севастополя с Россией» и подчеркнул, что событие «имеет особое значение. Потому что в Крыму живут наши люди, и сама территория стратегически важна, потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства»²⁶². Тогда же Президент заявил о «многоликой, но монолитной русской нации», объединяющей силой для которой является христианство. Ранее похожее определение русской нации дал Всемирный русский народный собор. Религия в лице православия слилась здесь с политикой, продемонстрировав единство мирского и духовного видения судьбы Российского государства. Поэтому информационная политика, которая представляется довольно спорной с абстрактно-моральной точки зрения, абсолютно оправдана, если она служит укреплению военной безопасности государства и его мощи в целом.

Мораль оперирует понятиями «совесть», «добро», «зло», «справедливость», «несправедливость». Разумеется, понимание этих важнейших понятий разнится в зависимости от культурной и цивилизационной принадлежности конкретного политика, оперирующего этими терминами. Тем более мораль сама по себе — понятие историческое. То, что было аморальным в одну

ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19859> (дата обращения: 14.01.2016)

²⁶¹ Там же.

²⁶² Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

историческую эпоху, становится вполне допустимым в другую. Если еще в начале XX столетия дуэль была делом чести, то ныне сама мысль о дуэли у многих вызывает презрительную улыбку.

По данным социологов, 55% российской молодежи в 2001 году были готовы переступить через моральные нормы для достижения успеха²⁶³. Согласно печальной статистике 2015 года, доля таких молодых людей составляет 68%²⁶⁴. Эти цифры свидетельствуют о победе американского образа жизни и западных ценностей. Всё это не внушает особого оптимизма, хотя именно в последние годы в России делается многое для патриотического воспитания молодежи. Причем на вооружение берется то лучшее из опыта духовного и нравственного развития, что было накоплено в Советском Союзе, хотя ныне и опровергается марксистский тезис о классовом характере морали и всячески подчеркивается ее общечеловеческий характер.

Ныне активно учитывается гуманистический опыт православной церкви. Недаром великий Гёте в христианстве видел скорее не церковь как институт, а основу человеческой нравственности и культуры. Недаром он сказал Эккерману: «Христианская религия — великая сила. Измученному, идущему ко дну человечеству она неоднократно помогала воспрянуть, и ежели мы признаем за нею возможность столь мощного воздействия, значит, она стоит выше любой философии и в опоре последней отнюдь не нуждается»²⁶⁵. Мыслитель полагал, что нечто более великое, нежели нравственная культура христианства, человечеству уже не суждено создать.

На протяжении тысячелетий в рамках христианской цивилизации вырабатывались такие нормы и принципы морали,

---

²⁶³ Руткевич М.Н. Общество как система. Социологические очерки. — СПб.: Алетей, 2001. — С. 156.

²⁶⁴ Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Самоопределение учащейся молодежи в современных конфликтующих реальностях. Учебное пособие. — М.: Изд-во НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет, 2015. — С. 52.

²⁶⁵ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. — М.: Художественная литература, 1986. — С. 275.

без соблюдения которых общество вообще не сможет функционировать и непременно погибнет.

Всё-таки совесть при всей абстрактности этого понятия — вовсе не пустой звук в политике. По сути дела, это понятие включает в себя все моральные принципы. Человек без совести способен на любое преступление. Тем более это опасно в политике. Видимо, в информационной политике необходимо найти некую «золотую середину», которая позволяла бы добиваться желаемых целей при достижении должного уровня военной безопасности и в то же время не поступаться совестью. Ведь утрачивая совесть, политик в определенной мере перестает быть человеком. Как писал Иммануил Кант в «Метафизике нравов», «совесть не есть нечто приобретаемое, и не может быть долгом приобретение ее; каждый человек как нравственное существо имеет ее в себе изначально»²⁶⁶.

Великий систематик Г.В.Ф. Гегель афористично отметил в труде «Философия права»: «Совесть — это моральный светильник, озаряющий хороший путь; но когда сворачивают на плохой, то его разбивают»²⁶⁷. Века политической истории подтверждают эти слова. В «Феноменологии духа» Гегель рассматривает совесть как святое, данное человеку, как сущую субъективность, как высший суд. Он пишет: «Совесть как единство субъективного знания и того, что есть в себе и для себя, — это святыня, посягать на которую было бы святотатством»²⁶⁸.

Для Гегеля добро и совесть суть формы объективного духа. На этой ступени дух находит свое проявление в морально-нравственной сфере, познаёт себя в форме совести. Конечно, трудно согласиться с Гегелем, когда он утверждал, что государство является воплощением добра. С другой стороны, мыслитель отмечал: цель добра не будет достигнута в полной

²⁶⁶ Кант И. Метафизика нравов. Часть 1. // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. — М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2014. — С. 98.

²⁶⁷ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 7. Философия права. Пер. Б.Г. Столпнера. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.

²⁶⁸ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 4. Феноменология духа / Пер. Б.А. Фохта. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.

мере, ибо это — идеальная цель мира. А идеал в полной мере недостижим, хотя стремиться к нему нужно, в том числе и через религию.

Российская цивилизация через свою православную компоненту имеет многочисленные точки соприкосновения с христианской цивилизацией Запада. К сожалению, Запад за последние десятилетия своей истории утратил традиционные этические и аксиологические основы своего социального бытия, в том числе и основанную на христианстве мораль. Этические ценности христианства всё чаще подвергаются надругательству и обесцениванию в абсурдном мире толерантности и политкорректности, зачастую превращаясь в свою противоположность. Именно это обстоятельство способствует расширению цивилизационного конфликта между «Русским миром» и Западом.

Современное политкорректное общество западного образца упорно постулирует абсолютно антинаучное равенство гомосексуализма с естественным размножением. С упрямством, достойным лучшего применения, это общество продвигает недалеких и ограниченных людей в ущерб умным профессионалам, следуя изобретенному принципу «позитивной дискриминации». Запад поощряет белых бездельников и черных мигрантов за счет трудящихся людей, при этом такие либералы чрезвычайно уважают себя за «продвинутость» и яростно нападают на «отсталых» консерваторов.

Политкорректность на Западе превратилась в религию, а отступление от нее стало рассматриваться как ересь! А ересь должна караться духовным отлучением, а сами еретики должны изгоняться из общества. В XXI веке человечество пришло к тому, что за открытое признание неопровержимых истин люди подвергаются оскорблениям и с политическими ярлыками обскурантов изгоняются из общества и профессиональной среды. Всё это повсеместно происходит ныне на Западе, где президент США Обама не стыдится разгуливать перед избирателями с педерастической символикой на шортах. Эти явления позволяют говорить о неизлечимой болезни некогда великой цивилизации Запада.

Мораль как форма общественного сознания тесно связана с **правом**, но право, как известно, носит — в отличие от морали — обязательный и принудительный характер. Николай Сванидзе в рамках отечественного информационного пространства совершает аморальные поступки, распространяя заведомую ложь о русской истории в своих «Исторических хрониках», но антиправовыми его действия назвать нельзя. Тем не менее информационная политика регулируется соответствующими правовыми актами, скажем, Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». На сегодняшний день их недостаточно, они несовершенно и требуют корректировки. Но право как форма общественного сознания оказывает влияние на степень и качество взаимосвязи информационной политики и военной безопасности.

В идеале право — общая мера свободы, равенства и справедливости, выраженная в системе охраняемых государством и облеченных в четкую систему общеобязательных норм. Право возникает вместе с государством, когда лишь моральных норм и принципов становится недостаточно для регулирования общественных отношений. Право призвано уравнивать людей перед законом, поэтому оно тесно связано с такими явлениями, как свобода, ответственность, демократия. Свободно действующий индивид должен ощущать правовую ответственность за свои действия, в том числе и при осуществлении информационной политики.

Тем более велика правовая ответственность за преступное обращение с информацией, в том числе и недоброкачественную информационную политику, связанную с военной безопасностью государства, находящегося в состоянии цивилизационного противостояния с другими государствами. Предельно опасным поступком, наносящим вред военной безопасности государства и наказываемым уголовным законодательством России, является государственная измена (статья 275 УК РФ).

Взаимосвязь информационной политики и военной безопасности проявляется и в такой форме общественного сознания, как **религия**, о которой мы уже говорили выше. Порой в ушедшем столетии казалось, что религия как одна из форм

мировоззрения и способ мировидения окончательно уходит в прошлое. Зачастую полагали, что религиозные войны и всё связанное с ними многообразие страстей канули в архивы европейской и мировой истории. Но история делала новый виток — и то, что казалось навсегда канувшим в Лету, вновь становилось актуальным и обретало всё новые социальные грани.

Ныне становится всё более ясным, что религия — одна из важнейших форм постижения мира и укрепления людской солидарности на основе почитаемых ими неких высших смыслов, относящихся к универсуму, индивиду, совершенствованию общества и самой жизни. Великий Гегель был теологом по образованию, как и все представители немецкой классической философии. Он прекрасно писал, что религия «есть сфера вечной истины, вечного покоя, вечного мира», а все народы в ней «всегда видели свое достоинство и праздник своей жизни»²⁶⁹.

Христианство и ислам, иудаизм и буддизм — отнюдь не только явления минувшего: эти религии принадлежат современности и накрепко впаяны в социокультурную реальность, которой ныне живет планета. Может быть, в большей степени это касается именно ислама, который за прошедшие 13 столетий своего существования не только давно уже стал поистине мировой религией, но и превратился на рубеже второго и третьего тысячелетий в один из определяющих факторов жизни всей человеческой цивилизации. И России при проведении своей информационной политики, направленной на обеспечение военной безопасности, приходится учитывать это обстоятельство, ибо ислам для России — не только внешний, но и внутренний цивилизационный фактор.

Религия иррациональна, как и многие явления в современной политике. Несмотря на развитую христианскую теологию, весьма успешно доказывающую рациональными средствами бытие Божье, в основе религии лежит вера в сверхъестественные силы. В некоторых политиков массы также верят, причем их вера чрезвычайно схожа с верой религиозной, переплетается с ней, а порой и основывается на ней. Тем более у

---

²⁶⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия религии. В 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1976. — С. 205.

нас в России, где православная церковь, хотя и отделенная официально от государства, всегда отличалась особой сервильностью. Недаром сказано в Послании апостола Павла римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. ... А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим. 13:1, 2). Это устраивало властные — как светские, так и религиозные — структуры за два тысячелетия истории христианства.

Отметим, что в последние годы российское государство уделяет особое внимание связям с традиционными религиями, особенно с христианством в его восточной форме (православие) и исламом. Ведь Коран и Сунна также предписывают безусловную покорность властям: «Верующие! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь посланнику его и тем из вас, которые имеют власть».

Разумеется, государственной власти выгодна послушная церковь, поэтому 23 ноября 2015 года был даже принят специальный закон, запретивший признавать тексты священных писаний экстремистскими. В законе отмечается, что Библия, Коран, Танах и Ганджур составляют духовную основу христианства, ислама, иудаизма и буддизма — религий, которые являются неотъемлемой частью исторического наследия народов России.

Религиозное сознание есть сознание культовое. Рост влияния этого сознания определяется во многом состоянием самого общества. Если общество развивается стабильно и без антагонистических конфликтов, то влияние религии как формы общественного сознания ослабевает. Более светской становится информационная политика. Если общество находится в кризисном состоянии, испытывает существенные трудности, прежде всего экономические, то влияние религии, всегда являвшейся мощным антидепрессантом, возрастает. Люди начинают искать спасение от жизненных проблем и находят его в Боге. Поэтому религия будет сопровождать человечество всегда, покуда оно будет существовать, являясь важнейшим культурным и экзистенциальным фактором социального бытия.

Следует особо подчеркнуть, что православная церковь может послужить государству в деле формирования патриотизма, приняв действенное участие в этой составляющей информационной политики, направленной на обеспечение военной безопасности страны.

Военная безопасность страны напрямую зависит от науки и уровня научных разработок в оборонных отраслях. **Наука** как форма общественного сознания генетически связана со знанием и информацией. Саму науку можно оценивать как систематизированное и теоретически оформленное знание о природной и социальной реальности, которая окружает человека. С самого начала эпохи Нового времени наука становится активно действующей силой, преобразующей социальную реальность и оказывающей существенное воздействие на политику. Это воздействие всемерно усилилось в XX столетии и приобрело колоссальные формы в современную эпоху противостояния цивилизаций. Это нашло отражение в концепциях информационного и постиндустриального обществ, о чём мы уже писали выше.

Важнейшей отраслью современного научного знания являются разнообразные военные науки — как теоретической, так и практической направленности. К сожалению, в последние годы в России был предпринят ряд действий, не способствующих повышению уровня военной науки в целом. Такими актами стали ликвидация Военно-Инженерной Академии под маской ее слияния с Общевойсковой Академией, и фактический развал Академии радиационной, химической и биологической защиты, замаскированный ее «переводом» в Кострому.

К сожалению, Россия — одна из тех стран, которые не смогли пожать плоды четвертой промышленной революции. Маленькая Швейцария каждый год экспортирует в 3–4 раза больше высокотехнологичных продуктов, чем Россия. Отечественные изобретатели первыми создавали многие вещи, но с их внедрением в бюрократизированном российском государстве дело всегда обстояло тяжело.

Приведем несколько примеров. Во-первых, русским ученым принадлежат две Нобелевские премии в области лазерных

технологий. Но сегодня не существует ни одной российской компании, которая занимала бы сколько-нибудь значительное место на рынке лазерных продуктов и технологий.

Во-вторых, первые электрические лампочки создали в России. В принципе, знаменитый Томас Эдисон позаимствовал эту идею у П.Н. Яблочкова. Но затем американские компании захватили этот рынок, и никакая российская компания с ними не стала конкурировать.

В-третьих, великий А.С. Попов передал информацию по радио раньше итальянца Маркони. Но сегодня у России нет сколько-нибудь заметных успехов на международном рынке радиоэлектроники. И, наконец, именно Россия первая запустила искусственный спутник Земли. Но сегодня у России менее 1% мирового рынка телекоммуникаций. Примеры такого рода можно продолжать практически до бесконечности.

Многие изобретения русских ученых с успехом используются во всем мире для обеспечения военной безопасности. А в нашей стране дела обстоят отнюдь не блестяще. Видимо, в России так и не удалось создать общество, где выдающиеся интеллектуальные достижения граждан обеспечивали бы экономическое развитие страны. Разумеется, в идеале инновационное общество должно иметь подлинно демократическую форму правления с гарантированной сменяемостью власти. Должен быть свободный рынок, где инвесторам нужны новые технологии. Должны существовать эффективная защита интеллектуальной собственности, действенный контроль над коррупцией и преступностью. Должна существовать правовая система, которая не только используется властью как часть репрессивного механизма, который может засудить любого невинного человека, но где обвиняемый имеет реальный шанс оправдаться и доказать свою невинность. Культура инновационного общества позволяет критические высказывания, допускает интеллектуальную независимость.

Всего этого в современной России нет, но не только по субъективным, но и по объективным причинам. Наша страна испытывает постоянное враждебное давление со стороны глобализирующегося Запада, прежде всего со стороны США,

взявшего на себя роль сурового арбитра в международных отношениях. В осажденном лагере не до свободы слова, печати, собраний и прочих атрибутов демократии. Современная ситуация противостояния цивилизаций не способствует развитию демократических тенденций в нашей стране, что напрямую связано с инновационными разработками в науке, в том числе и связанными с работами в сфере военной безопасности.

Отсюда возникает некое диалектическое противоречие. Для действенного развития науки и технологий в России нужны инновации, но эти инновации трудно реализуемы без подлинной демократии. Но подлинной демократии в России в эпоху противостояния цивилизации, когда наша Родина испытывает перманентное давление со стороны Запада, быть не может. Это неразрешимое противоречие не может не оказывать влияние на комплексную безопасность нашей страны, в том числе и военную составляющую.

Сама необходимость обеспечивать военную безопасность России приводит политиков к ограничению прав и свобод граждан. Современное высшее российское руководство на четыре пятых состоит из выходцев из спецслужб с их специфическим мировосприятием. Это также накладывает существенный отпечаток на развитие политической обстановки в стране и за ее пределами. Запрещаются демонстрации, полным ходом идет процесс подавления политических оппонентов и предпринимателей, у которых скопилось достаточно денег, чтобы бросить власти вызов. Издаются законы, которые обвиняют русских ученых, сотрудничающих в научных разработках с западными учеными. Например, 23 сентября 2016 года Мосгорсуд приговорил к семи годам колонии строгого режима преподавателя МГТУ имени Баумана Владимира Лапыгина, признанного виновным в государственной измене. Лапыгин был задержан в мае 2015 года. РИА «Новости» сообщает, что в институте он работал по совместительству и ни к каким секретам допущен не был. Но, по мнению следствия, ученый передавал за границу некие технологические сведения.

К сожалению, такая политика может привести только к возникновению общества, где люди лишь втягивают голову в

плечи, опасаясь быть наказанными. Но в настоящий момент разрешение этого противоречия невозможно.

Ученые, не согласные с политикой режима, покидают Россию. В целом, в отечественной науке до сих пор не удалось преодолеть печальное явление «утечки мозгов», которое началось после уничтожения Советского Союза и продолжается по сей день. Этот процесс представляет собой весомую угрозу военной безопасности России. К ученым нерусских национальностей бессмысленно взывать патриотическими лозунгами, ибо они понимают лишь универсальный и космополитический язык денег. И судить их за это трудно, ибо лишь русские люди готовы жить ради идеалов и умирать за них. Поэтому талантливым людям, которые были готовы работать на благо России ради денег, нужно было создать надлежащие условия. Этого не было сделано, поэтому те отрасли отечественной науки, которые имеют непосредственный выход на оборонную промышленность, понесли существенные потери.

Большинство физиков, уехавших из России, ныне активно работают в оборонной промышленности и в сфере высоких технологий «Западного мира». Такие ученые живут согласно старой римской поговорке *Ubi bene, ibi patria*. В 1992 году в России трудились 804 тыс. ученых, а в 2006-м их было уже 39,9 тыс. человек²⁷⁰. После уничтожения Советского Союза Россию покинули примерно 60% математиков, 50% физиков и биологов²⁷¹. Это очень печальная статистика, ибо ум и таланты этих людей могут быть направлены против нашей Родины.

Надежда — на молодое поколение, которому, разумеется, нужно создать условия для самореализации. Но по данным опросов, только 56% экономически активных россиян предпочли бы, чтобы их дети имели гражданство РФ. Если в 1953 году Россия по интеллектуальному потенциалу молодежи занимала третье место в мире, то сейчас наша страна по этому показателю

---

²⁷⁰ Patze P. Wie demokratisch ist Russland? Ein tiefenorientierter Ansatz zur Messung demokratischer Standards (= Schriftenreihe "Demokratiestudien". Bd. 2). — Baden-Baden: Nomos, 2011. — S. 56.

²⁷¹ Ibid.

находится на сороковом месте²⁷². На царскую Россию в 1900–1914 годах пришлось 7,7% мировых научных открытий. В СССР эта доля составляла 13,9%. В РФ составляет 4,4%²⁷³. Эта статистика свидетельствует о том, что промедление в принятии мер по повышению уровня жизни отечественных ученых и по привлечению в нее свежих сил — смерти подобно.

Логически выстраивается цепочка: грамотная информационная политика призвана привлекать в науку всё большее количество талантливой молодежи, а достижения науки, в том числе и оборонной, должны более интенсивно использоваться в целях достижения высокого уровня военной безопасности. В Стратегии национальной безопасности отмечено: «Конкуренция между государствами всё в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы»²⁷⁴.

Впрочем, за последние годы были достигнуты значительные положительные результаты. Американская газета *The New York Times* констатирует: «Россия усилила свои вооруженные силы и утвердилась на мировой арене с такой энергичностью, которой мы не наблюдали со времен “холодной войны”. Именно это увеличило напряженность в ее отношениях с Западом»²⁷⁵. В этом же номере отмечается, что для восстановления своего лидирующего влияния в мире Россия возобновляет использование имеющихся военных баз и возводит новые базы в Арктике, используя последние достижения науки. Ведь в Северном регионе из-за таяния льдов в ближайшее время станут доступными для разработки новые природные ресурсы, а также будут проложены дополнительные судоходные пути.

Одним из приоритетов России на долгосрочную перспективу является «закрепление за ней статуса одной из лидирующих мировых держав». Об этом говорится в новой

---

²⁷² *Wagensohn T.* Russland nach dem Ende der Sowjetunion. — Pustet, Regensburg 2001. — S. 175.

²⁷³ *Ibid.* — S. 178.

²⁷⁴ Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rg.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

²⁷⁵ *The New York Times.* — 2016. — January, 14th.

Стратегии национальной безопасности РФ. Текст был опубликован 31 декабря 2015 года на официальном портале правовой информации и сайте «Российской газеты»²⁷⁶. Без использования последних достижений науки и практической реализации их во всех сферах экономики, в том числе и в военной промышленности, эта задача представляется утопичной. Именно развитая наука в современную эпоху противостояния цивилизаций будет одним из критериев мощи государства.

Искусство как форма общественного сознания напрямую связано с политикой в целом и с информационной политикой в частности. Искусство — отражение действительности в форме художественных образов, которые воплощаются в конкретных произведениях. Искусство воздействует на жизнь, как и жизнь на искусство. Искусство продуцирует смыслы, наполненные определенным ценностным, этическим и эстетическим содержанием.

Если в произведениях искусства будут воспеваться бездуховность, жестокость, насилие и будут всячески превозноситься и культивироваться ценности западной цивилизации, то этим будет нанесена существенная угроза военной безопасности нашей страны. В футболках со звездно-полосатым флагом на груди и под разнузданную музыку американского джаза российская молодежь не пойдет защищать свою страну. И здесь важна роль информационной политики, которая будет пропагандировать традиционные русские ценности, проверенные веками русской истории — как мирной, так и ратной.

Именно «разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²⁷⁷ названо в новой Стратегии национальной безопасности РФ в качестве одной из основной угроз государственной и общественной безопасности России. Такое разрушение возможно вследствие бездумного потребления продуктов чужеродного, космополитичного, русофобского искусства. Искусство должно воспитывать патриотов — лишь

---

²⁷⁶ Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rg.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

²⁷⁷ Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rg.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

тогда дело военной безопасности страны будет находиться в надежных руках. Из всех искусств наиболее синтетическим является кино. Видимо, это хорошо понимал В.И. Ленин, когда объявил именно кино «важнейшим из искусств»²⁷⁸.

Кинематограф — мощное средство информационной политики, в своих лучших творениях приближающееся к высокому искусству. В годы Советской власти были созданы шедевры, воспитывавшие молодежь в духе патриотизма. Достаточно лишь вспомнить эпопеи Юрия Озерова «Освобождение», «Битва за Москву» и «Сталинград», прекрасный фильм Владимира Рогового «Офицеры», великий сериал Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Отрадно наблюдать, что в последние годы российское искусство, в том числе и кинематограф, не оставляет без внимания патриотическую тему. На экраны страны вышли такие фильмы, как эпопея Никиты Михалкова «Утомленные солнцем — 2» и фильм Фёдора Бондарчука «Сталинград». Такие информационно насыщенные и остросюжетные фильмы способствуют воспитанию любви к Родине и гражданских чувств.

В современной России неясна роль **идеологии**, которую можно понимать и как политическое сознание. В целом любая идеология — это система идей, выражающая в систематизированной форме важнейшие жизненные интересы определенной группы людей в социуме или же всего социума в целом. Считается, что сам термин ввел в 1801 году француз Дестют де Траси²⁷⁹, и этот термин долгое время использовался для обозначения науки о появлении и развитии идей. Позднее он приобрел негативный смысл, и уже Наполеон всячески ругал критикующих всё и вся «идеологов», противопоставляя их людям дела и подлинным патриотам страны²⁸⁰. Это противопоставление схоже с разницей между интеллектуалами, приносящими

---

²⁷⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. — С. 579.

²⁷⁹ Соколов В.В. Введение в классическую философию. — М.: изд-во Моск. ун-та, 1999. — С. 45.

²⁸⁰ Тарле Е.В. Избранные сочинения в четырех томах. Т. II. Наполеон; Талейран. — Ростов-н/Д.: Феникс, 1994. — С. 234.

реальную пользу своей стране, и интеллигенцией, настроенной исключительно деструктивно.

Даже Маркс и Энгельс оценивали идеологию как «ложное сознание», присущее всем учениям, отличающимся от их теоретических разработок. Но Маркс подчеркивал тесную связь идеологии с реальными общественными обстоятельствами и конкретикой социального бытия: «Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это опять-таки следствие ограниченности их материальной деятельности и их вытекающих отсюда ограниченных общественных отношений»²⁸¹.

И лишь впоследствии, после работ А.А. Богданова и В.И. Ленина²⁸², идеология стала пониматься как система идей, направленных на организацию масс. Ленин понимал идеологию как духовно-теоретическое оружие класса. Он писал: «...вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой “третьей” идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии)»²⁸³.

Идеология не может быть научной, ибо нельзя говорить об истинной идеологии так же, как говорят об истине в науке, подразумевая под истиной соответствие наших знаний об окружающей действительности самой этой действительности. Видимо, идеологию целесообразно понимать как вид ценностного сознания, включающий в себя комплекс значимых политических, экономических, нравственных, правовых идей. Здесь идеология может быть соотнесена с понятием национальной идеи.

Национальная идея России при президенте Б.Н. Ельцине так и не была выработана, хотя первый гарант Конституции неоднократно давал такого рода поручения и даже ставил конкретные сроки — от месяца до года. Президент Путин часто

²⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 4. — С. 19.

²⁸² См.: Богданов А.А. Из психологии общества. (Статьи 1901–1904 гг.). — СПб.: изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904.

²⁸³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6. — С. 39.

отмечал, что национальная идея не появится, если государство не станет над этим активно работать. Именно это происходило в 90-е годы. Это было выгодно той части национальной элиты, которая, по словам В.В. Путина, «предпочитала воровать»²⁸⁴.

Путин часто отмечал, что Россия не может двигаться вперед без культурного и духовного самоопределения. Отвечая на вопрос российского журнала «VIP-Premier» о национальной идее, он назвал в качестве таковой сбережение народа. Приведем знаковую цитату: «Мне очень часто задают этот вопрос, и я позволю себе повториться и процитировать Александра Солженицына, который однажды назвал нашей национальной идеей “сбережение народа”. В этой фразе, собственно, и заключена главная цель современной России, всех преобразований, которые происходят в экономике, социальной сфере, общественной и политической жизни»²⁸⁵.

По мнению Президента, современной России не подходят три типа идеологии. Во-первых, от идеологии советского времени общество ушло навсегда. Во-вторых, не следует идеализировать монархизм дореволюционной России. В-третьих, совершенно неприемлем для России крайний либерализм Запада²⁸⁶.

В 2013 году Президент обратился с призывом к представителям различных политических течений начать плодотворную дискуссию о российской идентичности: «Нам всем — и так называемым неославянам, и неозападникам, и государственнымникам, и так называемым либералам, и всему обществу — предстоит совместно работать над формированием общих целей развития. Нужно избавиться от привычки слышать только идейных единомышленников, с порога, со злобой, а то и с

---

²⁸⁴ Россия без идентичности [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html (дата обращения: 15.01.2016).

²⁸⁵ Путин назвал новую национальную идею [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/user/4297686316/content/putin-nazval-novuiu-natsionalnuiu-ideiu/4185413> (дата обращения: 15.01.2016).

²⁸⁶ Там же.

ненавистью отвергая любую другую точку зрения»²⁸⁷. При этом красными линиями, за которые никому нельзя заходить, Путин считает принципы суверенитета, самостоятельности и целостности России²⁸⁸.

3 февраля 2016 года В.В. Путин в ходе встречи с предпринимателями, входящими в Клуб лидеров, отметил, что «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»²⁸⁹.

Патриотизм как составляющая государственной идеологии был свойственен России как дореволюционной, так и на большинстве этапов истории Советского Союза. Чрезмерно идеализировать историю Российской империи и СССР не следует, но необходимо взять всё лучшее из духовного наследия нашей страны. Поэтому обращение государственной власти к традиционной идее патриотизма как основе национальной идеологии страны представляется весьма обоснованным и оправданным.

Само появление всеобъемлющей национальной идеи, на наш взгляд, окажет огромное позитивное воздействие на степень военной безопасности страны и на национальную безопасность России в целом.

Проведение информационной политики, равно как и дело обеспечения военной безопасности, должно находиться под постоянным контролем государства, соотносясь с его важнейшими функциями. Отметим, что государство, во-первых, не может не заниматься проблемами гражданского общества. Многие инициативы, исходящие от гражданского общества, не должны игнорироваться, как это зачастую происходит в современной России.

---

²⁸⁷ Россия без идентичности [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html (дата обращения: 15.01.2016).

²⁸⁸ Россия без идентичности [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html (дата обращения: 15.01.2016).

²⁸⁹ Там же.

Во-вторых, государство как аппарат насилия и принуждения должно регулировать экономические отношения, поощрять развитие национальной экономики и защищать ее интересы в международных организациях и союзах. В этом плане большой ошибкой было вступление России в ВТО, ибо этот политический акт привел к огромному экономическому ущербу для нашей страны.

В-третьих, государство должно делать всё для защиты национального суверенитета, обеспечивая надежную оборону и поддерживая высокий уровень боевой подготовки армии. В последнее время, особенно после устранения А.Э. Сердюкова с поста Министра обороны РФ, можно констатировать большие позитивные сдвиги в этом направлении.

В-четвертых, государство должно проводить патриотическую информационную политику среди граждан и соответствующую идеологическую работу. Именно государство при проведении информационной политики должно бороться с проявлениями космополитизма и русофобии среди части отечественной интеллигенции, ориентированной на Запад и живущей на гранты-подачки. Ведь Запад ничего не делает из чистой филантропии, и многие отечественные «властители дум» оказались в духовном рабстве и стали проводниками антироссийской политики.

В-пятых, государство должно соблюдать интересы каждого законопослушного гражданина, создавая условия для проявления его духовных и физических потенций. Видимо, самое время вспомнить о прекрасном, но основательно забытом тезисе классического марксизма, постулирующем, что «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»²⁹⁰.

Итак, в этой главе впервые в научной литературе рассмотрена взаимосвязь между информационной политикой России и уровнем военной безопасности страны через диалектическое отражение в формах общественного сознания, таких как право, мораль, религия, наука, искусство, политическое (идеологическое) сознание. Мы показали ведущую роль экономических факторов в жизни современного общества, в том

---

²⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 21. — С. 376.

числе выявили влияние происходящих в экономике процессов на степень военной безопасности страны и действенную информационную политику.

Не являясь безоговорочными сторонниками марксистского экономического детерминизма, мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть зависимость всех форм общественного сознания, в том числе и политики, от экономических процессов, протекающих в стране и мире. Именно мировой экономический кризис, вызванный проведением насильственной глобализации, до предела обострил внешнеполитическую обстановку и привел к обострению противостояния цивилизаций, которое может закончиться Третьей мировой войной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся систематизировать результаты, к которым мы пришли в этой книге. Оговоримся сразу, что эта работа носит теоретико-методологический характер, а потому конкретные предложения по поводу практической реализации высказанных в книге аргументов и тезисов будут темой следующих авторских работ.

Во-первых, нами было представлено авторское понимание явления противостояния цивилизаций. В работе был дан обзор подходов к пониманию цивилизации и предложено авторское видение феномена цивилизации. Была обоснована необходимость и дано определение термина «противостояние цивилизаций» сквозь призму авторского понимания современной геополитической ситуации. Было представлено авторское видение задач «Русского мира» как цивилизационного типа и показана роль русской цивилизации в идеологическом и социокультурном противостоянии «Западному миру».

Во-вторых, мы представили и рассмотрели информационное пространство как часть и репрезентацию социального пространства в целом, в том числе и его политической составляющей. Мы рассмотрели различные подходы к понятию «информация», выявили неоднозначность понимания сути информации, ее структуры и функций. Мы еще раз подчеркиваем, что на информационное пространство и на проводимую в этом пространстве информационную политику в полной мере воздействуют особенности социума, все те положительные и отрицательные факторы, которые влияют на его функционирование и развитие.

В-третьих, на конкретных примерах нами была исследована динамика информационной политики, осуществляемой в информационном пространстве. Выявлены черты массовой коммуникации как динамичного базиса информационной политики: получателем информации является массовая и рассредоточенная аудитория; наличие особых технических средств, обеспечивающих и поддерживающих

передачу необходимой информации на большие расстояния и огромные аудитории; социальная значимость информации.

В-четвертых, был дан обзор подходов к определению информационной политики. Отмечено различие между государственной и негосударственной информационной политикой, степень влияния которой в современной России в эпоху противостояния цивилизаций практически приближается к нулю. Выявлено, что государственная информационная политика связывает воедино основные парадигмы внутренней и внешней политики государства, представляя собой синтезированную репрезентацию их важнейших компонентов. Грамотная и взвешенная информационная политика призвана учитывать интересы как аппарата управления, так и гражданского общества. Дисфункциональность информационной политики объясняется существенным «перекосом» в ту или иную сторону. Информационное пространство пересекается и взаимодействует с пространствами культурным, правовым, религиозным. Равным образом и государственная информационная политика сопрягается с культурной, правовой, религиозной и иной политикой, проводимой государством.

В-пятых, были рассмотрены и проанализированы наиболее значимые трактовки проблемы войны и военной безопасности. Предложено авторское понимание военной безопасности России в условиях противостояния цивилизаций как особого состояния отношений между нашей страной и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других факторов, который призван исключить возможность Третьей мировой войны.

В-шестых, нами были выявлены группы противоречий в современных межгосударственных отношениях, которые могут привести к нарушению военной безопасности и началу военных действий: а) противоречия между интересами России и странами Европейского Союза; б) противоречия между Россией как страной, утратившей статус сверхдержавы, и Соединёнными Штатами Америки, этим статусом еще обладающими; в) противоречиями между США и развитыми странами Европы, с одной стороны, и со всем остальным миром, включая Россию, — с другой; г)

противоречия между финансовой мировой элитой США и национальными элитами других стран, между государствами и народами.

В-седьмых, нами была проанализирована связь проблемы военной безопасности с геополитическими концепциями. Отличие современных концепций геополитики от ее классических интерпретаций определяется тем, что в современную эпоху провозглашается ведущая значимость материальных, социальных и моральных ресурсов государства, взятых в их совокупности. Эта совокупность факторов часто именуется «геополитическим потенциалом». Не только активное использование этого потенциала, но порой само его наличие достаточно для успешного осуществления тех или иных внешнеполитических приоритетов. Стремление США ускорить процесс американизации всего мира стало особо рельефным на рубеже третьего тысячелетия и получило название «глобализация». Именно насильственно проводимая глобализация во многом вызвала то современное состояние в мировой политике, которое целесообразнее всего характеризовать как противостояние цивилизаций, напрямую угрожающее военной безопасности нашей Родины.

И последнее. Впервые в научной литературе рассмотрена взаимосвязь между информационной политикой России и уровнем военной безопасности страны через отражение в формах общественного сознания, таких как право, мораль, религия, наука, искусство, политическое (идеологическое) сознание. Проведение информационной политики, равно как и дело обеспечения военной безопасности, должно находиться под постоянным контролем государства, соотносясь с его важнейшими функциями. Показана ведущая роль экономических факторов в жизни современного общества, в том числе продемонстрировано влияние экономических процессов на степень военной безопасности страны и действенную информационную политику.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Амирханов А.Ю.* Государственная информационная политика как фактор формирования духовности российского общества: дис. ...канд. полит. наук: 10.01.10 / Амирханов Абакар Юнусович. — М., 2012. — 182 с.
2. Анализ социологического опроса «Что для Вас предатель Родины?» // Материалы XXXI областной Студенческой конференции. — Н. Новгород: изд-во Университета им. Н. Лобачевского, 2015. — С. 174.
3. *Антюшин С.С.* Военная безопасность как фактор стабильности российского общества: дис. ...докт. филос. наук: 09.00.11 / Антюшин Сергей Сергеевич. — М., 2005. — 340 с.
4. *Аристотель.* Афинская полития. Пер. С.И. Радцига. — М., Л.: Госполитиздат, 1936. — 234 с.
5. *Аристотель.* Политика // Сочинения в 4-х томах. Т. 4. — М.: Мысль, 1983. — 832 с.
6. *Артамонова Я.С.* Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: дис. ...докт. полит. наук: 23.00.02 / Артамонова Ярославна Сергеевна. — М., 2014. — 359 с.
7. *Арутюнян А.Э.* Военная безопасность государства и система ее обеспечения: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.10 / Арутюнян Артак Эльмирович. — М., 2000. — 187 с.
8. *Балашов А.И.* Военный потенциал и экономические ограничения Российской армии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — № 34 (319). — С. 46–55.
9. *Балашов А.И., Имамов Т.Д.* Содержание экономической безопасности системы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации и анализ ее основных угроз // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 1. — С. 64–70.
10. *Баранов Н.А.* Место России в трансформирующемся мировом порядке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2016. — № 2-2(14). — С. 79–83.

-
11. Баранов Н.А. Ценностные императивы евразийского вектора России // Новые горизонты глобального мира. Сб. научн. трудов. К 70-летию докт. филос. наук, проф. Игоря Фёдоровича Кефели. Министерство образования и науки Российской Федерации; Балтийский государственный технический университет «Военмех»; Кафедра глобалистики и геополитики — кафедра ЮНЕСКО. — СПб., 2015. — С. 108–117.
  12. Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.04 / Батанова Ольга Николаевна. — М., 2009. — 163 с.
  13. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 330–342.
  14. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. — М.: Астрель, 2013. — 704 с.
  15. Бирюков В.Д., Теплов Э.П. Гуманитарные аспекты информационной безопасности: понятие о системах и геополитике, духовных ценностях русского народа и информационных социокультурных угрозах России. — СПб.: Гос. ун-т морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, 2014. — 267 с.
  16. Богданов А.А. Из психологии общества. (Статьи 1901–1904 гг.) — СПб.: изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904. — 345 с.
  17. Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. — М.: Наука, 1966. — 272 с.
  18. Бусыгина И., Захаров А. Политический мини-лексикон. Словарь. — М.: Московская школа политических исследований, 2006. — 276 с.
  19. Бушков А.А. Красный монарх. Хроники великого и ужасного времени. — СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. — 640 с.
  20. Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические // Сочинения в 2 томах. Том 2. — М.: Мысль, 1977. — С. 346.
  21. Вандам А.Е. Наше положение. — СПб.: Наука, 2009. — 176 с.

22. *Вершинин Л.Р.* Бежали храбрые грузины. Неприкрашенная история Грузии. — М.: Эксмо, 2015. — 384 с.
23. *Вершинин Л.Р.* Украина — вечная Руина. — М.: Яуза-Пресс, 2014. — 320 с.
24. *Винер Н.* Творец и Будущее. — М.: АСТ, 2003. — 545 с.
25. *Волькенштейн М.В.* Энтропия и информация. — М.: Наука, 1986. — 192 с.
26. *Гаджиев К.С.* Политическая философия. — М.: Логос, 1999. — 606 с.
27. *Гамзатов Р.Г.* Стихи и поэмы. — М.: Художественная литература, 1974. — 560 с.
28. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1971. — 672 с.
29. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
30. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии. В 2 т. — М.: Мысль, 1976. Т. 1. — 532 с. Т. 2 — 573 с.
31. *Герасимова С.А.* Культурология и теория телекоммуникации. — М.: Гардарики, 2007. — 342 с.
32. *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: Весь мир, 2004. — 120 с.
33. *Гобозов И.А.* Социальная философия: Учебный словарь. — М.: Академический проект, 2008. — 367 с.
34. *Голь Ш. де* Военные мемуары. Том 3. Спасение. 1944–1946. — М.: Астрель, 2003. — 799 с.
35. *Головлёва Е.Л., Мухаев Р.Т.* Информационная политика и информационное поведение: тренды, стратегии, технологии: Монография. — М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2015. — 107 с.
36. *Горохов П.А.* «Ельциноиды»: портрет на фоне эпохи. — Екатеринбург: изд-во УрГУ. 2008. — 392 с.
37. *Горохов П.А.* Глобализация: опыт философского осмысления // Вестник ОГУ. — 2007. — № 7. — С. 44–50.
38. *Горохов П.А.* Постмодернизм: новые «критические заметки об одной реакционной философии» // Вестник ОГУ. — 2006. — № 7. — С. 21–26.
39. *Грицанов А.А.* Цивилизация // Всемирная энциклопедия. Философия. XX век. — М.: АСТ, 2002. — С. 894.

-
40. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предисл. С.Б. Лаврова. — М.: Экопрос, 1993. — 576 с.
  41. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд., испр. и доп. — Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — 496 с.
  42. Давыборец Е.Н., Радиков И.В. Роль объективных факторов в формировании имиджа России // Вестник ЗабГУ. — 2015. — № 5 (120). — С. 69–70.
  43. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. Том 1. А–З. — М.: ТЕРРА, 1995. — 765 с.
  44. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 574 с.
  45. Данте Алигьери. Божественная комедия. — М.: Дрофа, 2002. — 604 с.
  46. Демкин Д.В. Военная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности России в начале XXI века: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / Демкин Дмитрий Владимирович. — М., 2012. — 191 с.
  47. Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. — М.: Алгоритм, 2014. — 560 с.
  48. Дмитриев М.Г. Региональная информационная политика как фактор формирования информационного пространства: дис. ...канд. полит. наук: 10.01.10 / Дмитриев Максим Георгиевич. — М., 2004. — 137 с.
  49. Добреньков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI веке. — М.: Академический проект, 2011. — 224 с.
  50. Дойл А.К. Собрание сочинений в 14 томах. Т. 14: Повести и рассказы разных лет; Публицистика / Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1998. — 512 с.
  51. Достоевский Ф.М. Идиот. Бесы. — М.: Эксмо, 2008. — 864 с.
  52. Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России. — М.: Ленанд, 2014. — 240 с.
  53. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Самоопределение учащейся молодежи в современных конфликтующих реальностях: Учебное пособие. — М.: Изд-во НОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет», 2015. — 100 с.
  54. Зиновьев А.А. Глобальный человек. — М.: Алгоритм, 2006. — 445 с.

55. Злобин Н.В. Известные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5 марта 1946 года // Новая и новейшая история. — 2000. — № 2. — С. 156–169.
56. Золотарёв В.А. Военная безопасность Государства Российского. — М.: Кучково поле, 2001. — 536 с.
57. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. — М.: изд-во МГУ, 1994. — 286 с.
58. Информационная политика: Учебник / под общ. ред. В.Д. Попова. — М.: изд-во РАГС, 2003. — 453 с.
59. Ионин Л.Г. Социология Георга Зиммеля // История буржуазной социологии XIX — начала XX века / под ред. И.С. Кона. — М.: Наука, 1979. — С. 180–203.
60. Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. — М.: Алгоритм, 2007. — 576 с.
61. Камалов Н.Б. Общественное мнение как фактор военной безопасности государства: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11 / Камалов Наиль Борисович. — М., 2001. — 173 с.
62. Кант И. Метафизика нравов. Часть 1. // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. — М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2014. — 1120 с.
63. Кант И. Сочинения в 8 томах /под ред. А.В. Гулыги. — М.: Мысль, 1994–1996.
64. Кара-Мурза С.Г. и др. Революции на экспорт. — М.: Эксмо, 2006. — 525 с.
65. Кара-Мурза С.Г. Интеллигенция на пепелище России. М.: Былина, 1997. — 267 с.
66. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до наших дней. — М.: Алгоритм, 2008. — 1200 с.
67. Кириллов В.В. Военная активность // Ориентир. — 2013. — № 5. — С. 9–13.
68. Кириллов В.В. Военная активность: сущность, содержание и влияние на безопасность России // Социологические исследования. — 2014. — № 4. — С. 74–82.
69. Кишин Ю.Я. Человекосберегающая система военной безопасности мирового сообщества. Взгляд в будущее. — Брянск: Изд-во Клиновской городской типографии, 2010. — 300 с.

-
70. Клаузевиц К. О войне. Том 1. — М., 1937. — 496 с.
  71. Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 1. Курс русской истории. Часть I / под ред. В.Л. Янина; Предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова; Послесл. и коммент. В.А. Александрова, В.Г. Зиминой. — М.: Мысль, 1987. — 430 с.
  72. Ковалёв А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / Ковалёв Андрей Андреевич. — СПб., 2015. — 196 с.
  73. Ковалёв А.А. Военная безопасность в период изменения политических режимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 9-1. — С. 106–112.
  74. Ковалёв А.А. Военная безопасность России и проблемы геополитики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2016. — № 2 (8). — С. 41–50.
  75. Ковалёв А.А. Противостояние и контингентность как концепты политики // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2016. — № 3. — С. 37–47.
  76. Ковалёв А.А. Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2016. — № 1. — С. 158–166.
  77. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. — М.: Высшая школа экономики, 2013. — 264 с.
  78. Конституция России (проект) / под общ. ред. С.С. Сулакшина. — М.: Научный эксперт, 2013. — 264 с.
  79. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер.с франц. Е.В. Головиной. — М.: Этерна, 2012. — 752 с.
  80. Конуров А.И. Территориальные аспекты военной безопасности государства: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.10 / Конуров Андрей Иванович. — М., 2000. — 182 с.
  81. Коровянский А.И., Лутовинов В.И. Военная безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях. — М.: изд-во РАГС, 2007. — 218 с.

82. *Костылев Е.В.* Россия в системе военно-политической безопасности современной Европы: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / Костылев Евгений Валентинович. — М., 2004. — 208 с.
83. *Кочеров С.Н.* Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2014. — № 5 (1). — С. 163–167.
84. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. — М.: Изд-во политической литературы, 1965–1975.
85. *Луман Н.* Невероятность коммуникации / Пер. с нем. А.М. Ложеницина под ред. Н.А. Головина // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Отв. ред. А.О. Бороньев. — СПб.: изд-во СПбГУ, 2000.
86. *Луман Н.* Решения в «информационном обществе» // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Отв. ред. А.О. Бороньев. — СПб.: изд-во СПбГУ, 2000.
87. *Луман Н.* Что такое коммуникация? / Перевод с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. — 1995. — № 3. — С. 114–128.
88. *Макаренко Д.И., Хрусталёв Е.Ю.* Концептуальное моделирование военной безопасности государства. — М.: Наука, 2008. — 304 с.
89. *Маркелов К.В.* Общественный идеал как объект информационной политики: дис. ...докт. полит. наук: 10.01.10 / Маркелов Кирилл Вячеславович. — М., 2006. — 350 с.
90. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-изд. — М.: Госполитиздат, 1955–1981.
91. Материалы Научного семинара ««Гибридные войны» в мировой политике XXI века» (февраль 2015, факультет политологии МГУ) // ПОЛИТЭКС. — 2015. — Т. 11, № 2. — С. 208–237.
92. *Мистюков В.В.* Информационная политика современной России в контексте формирующегося гражданского общества: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / Мистюков Владимир Васильевич. — М., 2012. — 166 с.
93. *Моль А.* Социодинамика культуры. — М.: ЛКИ, 2008. — 416 с.
94. *Монтескьё Ш.* О духе законов. — М.: Мысль, 1999. — 674 с.

-
95. *Мрочко Л.В.* Информационная культура общества и личности. Монография. — М.: Изд-во МГОУ, 2008. — 200 с.
  96. *Мрочко Л.В., Пирогов А.И., Смирнова Е.Г.* Массовые коммуникации в информационном обществе (социальные и экономические аспекты): Монография. — М.: Изд-во МГОУ, 2008. — 192 с.
  97. *Мрочко О.Г., Пирогова Л.И.* Информационная сфера современного социума: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГОУ, 2011. — 158 с.
  98. *Назарчук А.В.* Этико-социальные доктрины К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса (анализ методологических оснований): дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11 / Назарчук Александр Викторович. — М., 1996. — 138 с.
  99. *Нефедьев А.В.* Глобализация и ее влияние на военную безопасность современной России: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / Нефедьев Алексей Викторович. — М., 2012. — 205 с.
  100. *Никифоров А.Л.* Методологическая концепция П. Фейерабенда // Вопросы философии. — 1976. — № 8. — С. 142–146.
  101. *Нисневич Ю.А.* Государственная политика России сегодня и завтра // Информационное общество. — 1999. — Вып. 2. — С. 4–9.
  102. *Ницевич В.Ф. и др.* Информационная политика в современном обществе: монография. — М.: изд-во МГОУ, 2011. — 336 с.
  103. *Новалис.* Афоризмы и фрагменты в переводах Николая Болдырева // Шульц Г. Новалис. Пер. с нем. — Челябинск: Урал LTD, 1998. — С. 295–313.
  104. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Инноземцева. — М.: Академия, 1999. — 640 с.
  105. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. — М.: Эксмо-Пресс, 2002. — 416 с.
  106. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. — М.: Алгоритм, 2000. — 352 с.
  107. *Панарин А.С.* Философия политики. — М.: Новая школа, 1996. — 424 с.

108. *Петрова Е.В.* Информационная политика современной России: региональный и территориальный уровни: монография. — М.: Социально-политическая мысль, 2010. — 255 с.
109. *Петрунин А.Н.* Институт связей с общественностью Министерства обороны России в государственной информационной политике: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / Петрунин Александр Николаевич. — М., 2011. — 226 с.
110. *Пивовар Е.И.* Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Материалы международной конференции «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». — СПб.: изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2010. — С. 167–170.
111. *Платон.* Собрание сочинений в 4 томах. / Общ. ред. А.Ф. Loseва, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1994.
112. *Плотников В.И.* Цивилизация // Социальная философия. Словарь. Под ред. В.И. Кемерова и Т.Х. Керимова. — М.: Академический проект, 2003. — С. 520.
113. *Политический словарь.* — М.: Политиздат, 1993. — 458 с.
114. *Попов В.Д.* Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования. Массовые информационные процессы в современной России: Очерки. 3-е издание. — М.: изд-во РАНХиГС, 2015. — 448 с.
115. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. — М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — Т. 1. — 362 с.
116. *Пригожин И.И.* Политика — вершина шоу-бизнеса. — М.: ООО «Алкигамма», 2001. — 320 с.
117. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в одном томе под ред. Б. Томашевского. — М.: Имидж, 1993. — 976 с.
118. *Радзинский Э.С.* Сталин: жизнь и смерть. — М.: Вагриус, 2003. — 640 с.
119. *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства (политологический анализ): дис. ...докт. полит. наук: 23.00.01 / Радиков Иван Владимирович. — СПб., 2000. — 408 с.

-
120. *Радиков И.В.* Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. — С. 150–153.
  121. *Радиков И.В.* Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождения» войны // Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 3. — С. 27–39.
  122. *Радиков И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политэкс. — 2007. — Т. 3, № 1. — С. 64–81.
  123. *Радиков И.В.* О трансформации военной политики постсоветской России. Часть первая // Политэкс. — 2009. — Т. 5, № 1. — С. 56–70.
  124. *Радиков И.В.* Ослабление государственности как угроза национальной безопасности и международному правопорядку // Политэкс. — 2013. — Т. 9, № 4. — С. 19–31.
  125. *Радиков И.В.* Политическое доверие для власти: ресурс развития или проблема? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2016. — № 4 (71). — С. 130–134.
  126. *Радиков И.В.* Трансформирование мирового порядка: от глобальной гегемонии одной страны к реальной мультиполярности // Политэкс. — 2014. — Т. 10, № 3. — С. 232–239.
  127. *Рорти Р.* Философия и будущее / Пер. с англ. Т.Н. Благовой // Вопросы философии. — 1994. — № 6. — С. 29–34.
  128. *Руткевич М.Н.* Общество как система. Социологические очерки. — СПб.: Алетейя, 2001. — 444 с.
  129. *Слипченко В.И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. — М.: Вече, 2002. — 384 с.
  130. *Слипченко В.И., Гареев М.А.* Будущая война. — М.: ОГИ, 2005. — 144 с.
  131. *Соколов В.В.* Введение в классическую философию. — М.: изд-во Московского ун-та, 1999. — 352 с.

132. *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество / под ред. А.Ю. Соломонова — М., 1992. — 544 с.
133. Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. — М.: Академический проект, 2003. — 560 с.
134. *Стрельцов А.А.* Государственная информационная политика: основы теории / под общ. ред. В.А. Садовниченко, В.П. Шерстюка. — М.: изд-во МЦНМО, 2010. — 107 с.
135. *Стэндинг Г.* Прекариат. Новый опасный класс. — М.: Ad Marginem, 2014. — 328 с.
136. *Судоргин О.А.* Современная информационная политика государства: мировой опыт и российская практика: дис. ...докт. полит. наук: 23.00.02 / Судоргин Олег Анатольевич. — М., 2011. — 360 с.
137. *Тарле Е.В.* Избранные сочинения в четырех томах. Т. II. Наполеон; Талейран. — Ростов-на/Д.: Феникс, 1994. — 720 с.
138. *Тойнби А.* Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
139. *Трайнин А.М.* Национальная безопасность России. Лабиринт интервенции из будущего. Книга вторая. — Смоленск: Май принт, 2014. — 328 с.
140. *Устинович Е.С.* Государственная политика в сфере информационных технологий: опыт Российской Федерации: дис. ...докт. полит. наук: 23.00.02 / Устинович Елена Степановна. — М., 2012. — 320 с.
141. *Федякин И.В.* Информационная политика современного государства: приоритеты развития и потенциал телевидения. — М.: Социально-политическая мысль, 2010. — 269 с.
142. *Фукидид.* История / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Отв. ред. Я.М. Боровский (Серия «Литературные памятники»). — Л.: Наука, 1981. — 543 с.
143. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2005. — 588 с.
144. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия (Фрагменты) Пер. А.Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество. — 2004. — № 1 (21). — С. 303–312.

-
145. *Хабермас Ю.* Уроки истории? // Международные чтения по теории, истории и философии культуры. — СПб., 1997. Вып. 2. — С. 356–362.
  146. *Хабецкий А.И.* Информационные императивы военной безопасности России: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / Хабецкий Андрей Иванович. — Саратов, 2006. — 150 с.
  147. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.
  148. *Харрис Ш.* Кибервойн@. Пятый театр военных действий. — М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — 392 с.
  149. *Ходаковский Е.А.* Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе геочивилизационных взаимодействий Запада и Востока: дис. ...докт. полит. наук: 23.00.02 / Ходаковский Евгений Андреевич. — М., 2010. — 355 с.
  150. Христианская цивилизация: система основных ценностей. Мировой опыт и российская ситуация. — М.: Научный эксперимент, 2007. — 124 с.
  151. *Цой Сен Хок.* Военно-политические основы национальной безопасности современной России в условиях глобализации: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02 / Цой Сен Хок. — М., 2008. — 164 с.
  152. *Чижик П.И.* Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства: дис. ...докт. филос. наук: 09.00.11 / Чижик Петр Иванович. — М., 2000. — 408 с.
  153. *Шабурова О.В.* Власть // Социальная философия. Словарь. — М., 2004. — С. 49.
  154. *Шамахов В.А., Балашов А.И.* Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. — 2016. — № 1 (85). — С. 22–30.
  155. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике. — М.: изд-во иностранной литературы, 1963. — 432 с.
  156. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. — 1992. — № 1. — С. 37–67.
  157. *Шпенглер О.* Закат Европы. — М.: Наука, 1993. — 1376 с.

158. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. — М.: Художественная литература, 1986. — 669 с.
159. Юдина Е.Н. Развитие медиапространства современной России: на примере телевидения: дис. ... докт. соц. наук: 22.00.04. / Юдина Елена Николаевна. — М., 2008. — 363 с.
160. Янаков А.Т. Духовный потенциал российской цивилизации как фактор военной безопасности государства: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Янаков Альберт Триандофилович. — Монино, 2004. — 194 с.
161. Ясперс К. Язык. Философия языка и семиотика. — Иваново: изд-во ИвГУ, 1995. — 345 с.
162. Ashby W.R. Introduction to Cybernetics // Chapman & Hall. — 1956. — P. 78–81.
163. Bassam T. Krieg der Zivilisationen. Politik und Religion zwischen Vernunft und Fundamentalismus. — Hamburg: Hoffmann und Campe, 1995.
164. Beichelt T. Moderne Politik im Informationsbereich des heutigen Russlands // Studien zur Politikwissenschaft. Abt. C, Untersuchungen zur Aussenwirtschaftspolitik: Schriften des Instituts für Politikwissenschaft der Westfälischen Wilhelms-Universität. — Münster, 2015. — 486 S.
165. Bone J.D. The Social Map & The Problem of Order: A Re-evaluation of 'Homo Sociologicus' // Theory & Science. — 2005.
166. Brill H. Geopolitische Analysen. Beiträge zur deutschen und internationalen Sicherheitspolitik (1974–2008). 2. Auflage. — Bissendorf: Biblio-Verlag, 2008. — 327 S.
167. Churchill W.S. Never Give // The Best of Winston Churchill's Speeches. — London: Pimlico, 2013. — 624 p.
168. Cohen J., Weimann G. Cultivation Revisited: Some Genres Have Some Effects on Some Viewers // Communication Reports. — 2000. — Vol. 13(2). — P. 99–114.
169. Cultures of globalization: coherence, hybridity, contestation / ed. by Kevin Archer. — London; New York: Routledge, 2008. — 150 p.
170. Endress Ch. Die Vernetzung einer gesamtstaatlichen Sicherheitsarchitektur des Politikfeldes. Innere Sicherheit im Spannungsverhältnis von politischen Interessen und sich

-
- wandelnden Bedrohungen. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. — 297 S.
171. *Engelke J.Ph.* Die Transformation der Russischen Föderation: eine Analyse historisch-kultureller Einflüsse. — Baden-Baden: Nomos, 2012. — 165 S.
172. Entwicklung des BIP Russlands: Deutsch-Russische Auslandshandelskammer (AHK): Russland in Zahlen Frühjahr 2015. Abgerufen am 8. April 2015. — S. 32.
173. *Freeman E.* Comparative politics. — London, 1967. — 476 p.
174. *Gallois P.M.* Géopolitique, les voies de la puissance. — Paris: Plon, 1990. — 474 p.
175. *Gazi Ç.* Der Mythos vom Krieg der Zivilisationen. Der Westen gegen den Rest der Welt. Eine Replik auf Samuel P. Huntingtons „Kampf der Kulturen“. — Münster, 2002. — 185 S.
176. *Gerbner G.* Cultivation analysis: An overview // Mass Communication and Society. — 1998. — Vol. 3/4. — P. 175–194.
177. *Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N.* Living with television: The dynamics of the cultivation process // J. Bryant & D. Zillman (Eds.), Perspectives on media effects. - Hilldale. — New York: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. — P. 17–40.
178. Globalization and economy. — Los Angeles: Sage publ., 2007. — 242 p.
179. *Götz R.* Russlands Öl und Europa // Friedrich-Ebert-Stiftung, Internationale Politikanalyse. Juli 2006. — 16 S.
180. *Haushofer K.E.* Geopolitische Grundlagen. Industrieverlag Spaeth & Linde. — Berlin, Wien: 1939. — 473 S.
181. *Heinrich H.-G.* Russland unter Putin: Kontinuität und Wandel // Osteuropa-Wirtschaft. — Stuttgart: Dezember 2004. — S. 303–316.
182. *Hoffman Fr.G.* Hybrid warfare and challenges // JFQ: Joint Force Quarterly, 2009. — P. 34–48.
183. *Huntington S.Ph.* Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. — München: 1998. — 592 S.
184. *Jäger Th., Beckmann R.* Handbuch Kriegstheorien. — Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. — 453 S.
185. *Kainz P.* Unbegrenzte Möglichkeiten?: Probleme und Aporien des Individualismus. — Baden-Baden: Nomos, 2012. — 367 S.

186. *Kjellén J.R.* Der Staat als Lebensform. — Leipzig, 1917. — 328 S.
187. *Kreitor N.K., Prussakov V.* Russia Against the New World Order. — N.-Y., 1994. — p. 65.
188. *Lindemann T.* Causes of War. The Struggle for Recognition. — Colchester: ECPR Press, 2010.
189. *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. — New York, Washington, DC: National Defence University Press, 1996. — 456 p.
190. *Mahan A.T.* The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. — Cambridge University Press, 2010. — 640 p.
191. *Mahan A.T.* Influence of sea power upon the French Revolution and Empire, 1793–1812. — London: “Sampson Low, Marston and Company”, 1892. — 436 p.
192. *Marks N., Abdallah, S., Simms, A., Thompson, S. et al.* The Happy Planet Index // New Economics Foundation. — London, 2012. — 163 p.
193. *Noack P.* Was ist Politik? Eine Einführung in ihre Wissenschaft. — Stuttgart: Droemer-Knaur, 1973.
194. *Patze P.* Wie demokratisch ist Russland? Ein tiefenorientierter Ansatz zur Messung demokratischer Standards. — Baden-Baden: Nomos, 2011. — 349 S.
195. Politikwissenschaft: Begriffe. Analysen, Theorien: Ein Grundkurs / Iring Fetscher, Herfried Münkler (Hg.). — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt's Enzykl., 2012. — 563 S.
196. *Powell R.R.* Information policy in the modern Russia // Information policy in the modern age / ed. by Maureen Grieves. — London : Bowker-Saur, cop., 2014.
197. *Richardson L.F.* Statistics of deadly quarrels. Pacific Grove. — CA: Boxwood Press, 1960. — 342 p.
198. *Sarkees M.R., Wayman Fr.* The Correlates of War Project: COW War Data, 1816–2007. — Washington, DC: CQ Press, 2010.
199. *Scheler M.* Der Genius des Kriegs und der Deutsche Krieg. — Leipzig: Verlag der weißen Bücher, 1915. — 440 S.
200. *Teubner S.* Demokratisierungsdiskurse im modernen Russland und reale Politik. — Berlin: Köster, 2015. — 453 S.

-
201. The Role of information and communication technologies in global development: analyses and policy recommendations. — New York: UN, Inform. a. communication technologies, 2005. — 327 p.
202. *Wagensohn T.* Russland nach dem Ende der Sowjetunion. — Regensburg: Pustet, 2001. — 324 S.
203. *Wilson A.* “Political technology”: why is it alive and flourishing in the former USSR? // Open Democracy. — 2011. — 17 June.

Научное издание

Ковалёв Андрей Андреевич

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ВОЕННАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В ЭПОХУ ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ:**

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОБЛЕМЫ**

Оформление: Нарожный И.Н.

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 12. Тираж 1000 экз.

ИП Коновалов А. М., 190020, Санкт-Петербург,

наб. Обводного канала, 199.

Отпечатано в цифровой типографии

«Издательско-полиграфическая компания “ПОЛИКОНА”»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 199.